

Глава 11

1. Будьте подражателями мне, как я Христу. 2. Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам. 3. Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава – муж, а Христу глава – Бог. 4. Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову. 5. И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову, ибо это то же, как если бы она была обритая. 6. Ибо если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижется; а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается. 7. Итак муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужа. 8. Ибо не муж от жены, но жена от мужа; 9. и не муж создан для жены, но жена для мужа. 10. Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти над нею, для Ангелов. 11. Впрочем, ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе. 12. Ибо как жена от мужа, так и муж через жену; все же – от Бога. 13. Рассудите сами, прилично ли жене молиться Богу с непокрытою головою? 14. Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него, 15. но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала? 16. А если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии.

(1. Будьте подражателями мне, как я Христу. 2. Хвалю вас, братия, что вы все мое помните и держите предания так, как я передал вам. 3. Хочу также, чтобы вы знали, что всякому мужу глава Христос, жене глава – муж, а Христу глава – Бог. 4. Всякий муж, молящийся или пророчествующий с покрытою головою, постыжает свою голову. 5. И всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову, ибо это то же, как если бы она была обритая. 6. Ибо если жена не покрывается, то пусть и стрижется; а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается. 7. Итак муж не должен быть с покрытою головою, потому что он есть образ и слава Божия; а жена есть слава мужа. 8. Ибо не муж от жены, но жена от мужа; 9. и не муж создан для жены, но жена для мужа. 10. Посему жена и должна иметь на голове своей власть, для ангелов. 11. Впрочем, ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе. 12. Ибо как жена от мужа, так и муж через жену; все же – от Бога. 13. Рассудите сами, прилично ли жене молиться Богу с непокрытою головою? 14. Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него, 15. но если жена растит волосы, для нее это слава, так как волосы даны ей вместо покрывала? 16. А если кто покажется склонным к спорам, то мы не имеем такого обычая, ни церкви Божии.)

1) *Подражателями мне.* Отсюда явствует, сколь нелепым образом сделано разделение глав. Это предложение оказалось оторванным от предыдущих, с которыми должно быть связано, и добавлено к последующим, с которыми не имеет никакой связи. Итак, представим, что это – окончание предыдущей главы. В ней Павел для подтверждения своего учения уже предложил в качестве примера самого себя. Теперь же, дабы коринфяне поняли, что сказанное подходит и к ним, он увещевает их подражать его поступкам, подобно тому, как и сам он подражал Христу.

Здесь надо отметить два момента: апостол предписывает другим лишь то, что прежде соблюдал сам, и кроме того, отсылает самого себя и других ко Христу как к единственному примеру правильного поведения. Подобно тому, как добрый учитель словом заповедует лишь то, что готов исполнить сам, так он и не должен быть скрупулезен настолько, чтобы требовать от других воспроизводить все его поступки, как обычно поступают суеверы. Все, что им показалось хорошим, они навязывают другим и хотят, чтобы их пример считался жестким правилом. Да и весь мир по собственной воле склонен к *κακοζηλίαν* и подобно обезьяне подражает тому, что видит одобряемым великими авторитетами.

Далее, мы видим, сколько зла принесла Церкви эта порочная страсть подражать всем без исключения делам святых. Тем более тщательно надо придерживаться этого учения Павла: людям стоит следовать лишь настолько, насколько **πρωτότυπον** их является Христос. И пусть примеры святых будут значимы для нас не для того, чтобы увести от Христа, а для того, чтобы к Нему направить.

2) *Хвалю вас*. Теперь апостол переходит к другому доводу, а именно: он учит коринфян, какое благообразие следует соблюдать во время священных собраний. Как одежда или внешний вид порой безобразят, а порой украшают человека, так же и все его действия удостаиваются чести от благообразия и бесславятся от неприличия. Итак, **τὸ πρέπον** значит весьма многое, и не только для того, чтобы поступки наши были внешне красивы и вызывали благоволение, но и для того, чтобы души наши привыкали к честному поведению. И это, будучи в целом истинным для всех наших поступков, прежде всего истинно в отношении священнодействий. Ведь какое пренебрежение, какое варварство возникнет в том случае, если мы не будем вести себя честно и прилично, соблюдая в Церкви подобающую серьезность? Итак, апостол заповедует кое-что, относящееся к общественному порядку, украшающему священные собрания. Однако, дабы внушить коринфянам большую готовность к повиновению, вначале апостол хвалит выказанное ими ранее послушание, заключавшееся в соблюдении его предыдущих установлений. Ведь, породив коринфскую церковь для Господа, апостол одновременно передал ей конкретное общественное устройство, коим бы она управлялась. И сохранив его, коринфяне подавали надежду на то, что и в будущем останутся вполне обучаемыми.

Но удивительно, что, приписывая им эту похвалу, апостол ранее упрекнул их за столь многие отступления. Больше того, если размыслить над ранее описанным состоянием этой церкви, коринфяне окажутся весьма далекими от подобной похвалы. Отвечаю: некоторые из коринфян страдали от отмеченных апостолом пороков, причем каждый из них – своими, но между тем все церковное тело сохранило предписанную апостолом форму. Ибо нет никакого противоречия в том, если в каком-то народе царят разные пороки, если одни обманывают, другие грабят, третьи завидуют, четвертые ссорятся, пятые блудодействуют, и тем не менее в общественном устройстве церкви соблюдаются Христовы и апостольские установления.

Это станет еще яснее, если мы поймем, что понимает Павел под **παράδοσις**. По поводу этого термина надо сказать еще и для того, чтобы ответить папистам, опирающимся на этот отрывок для защиты своих преданий. Широко известна их аксиома: апостольское учение состоит частично из писаний, частично из преданий. В эту вторую его часть они включают не только любые нелепые суеверия и детские обряды, имеющиеся у них в огромном числе, но и все грубые мерзости, открыто противоречащие Слову Божию, и свои тиранические законы, являющиеся чистейшей пыткой для совести. Таким образом, нет ничего глупого, абсурдного, чудовищного в том, что они не защищали бы ссылкой на предание и не расписывали подобными красками. Итак, коль скоро Павел упоминает здесь о предании, паписты по своему обычаю хватаются за это слово, делая Павла автором всех гнусностей, опровергаемых нами ясными библейскими свидетельствами. Я не отрицаю, что существовали какие-то не написанные апостольские предания, но не допускаю, что они были частью учения или относились к вещам необходимым для спасения.

Итак, что же? Предания эти относились к порядку и общественному устройству. Мы знаем, что каждая церковь свободна устанавливать подходящую и полезную для себя форму общественного устройства, поскольку Господь не заповедал на этот счет ничего определенного. Так Павел, первый основатель коринфской церкви, также снабдил ее благочестивыми и честными установлениями, дабы все дела в ней велись прилично и упорядоченно, как он и заповедует в главе 14.

Какое же отношение имеет это к глупой болтовне об обрядах, соблюдающихся в папстве? Какое отношение к суевериям, превосходящим иудейские? Какое отношение к тирании, подобной тирании Фалариса, мучающей несчастную совесть? Какое отношение к стольким примерам чудовищного идолопоклонства? Ибо начало правильного управления в том, чтобы соблюдать выказанную Павлом скромность. Дабы люди не принуждали других к исполнению своих прихотей, измышляя по своему разумению все что угодно, но требовали подражания себе лишь в той степени, в какой они сами подражают Христу. Теперь же, когда они уже дерзнули выдумать все, что угодно, по своей прихоти, было бы весьма глупо требовать от остальных подчинения. Далее, следует знать: Павел для того хвалит предыдущее послушание коринфян, чтобы сделать их обучаемыми и в будущем.

3) *Хочу также, чтобы вы знали.* Древняя поговорка гласит: добрые законы порождаются злыми нравами. Поскольку обряд, о котором идет речь, прежде не ставился под сомнение, Павел ранее не заповедал о нем ничего конкретного. Но заблуждение коринфян и послужило для него причиной научить тому, как следует благочестивого вести себя в этом деле. Дабы доказать, что женщинам некрасиво появляться в общественном собрании с непокрытой головой, а мужчинам, наоборот, – молиться и пророчествовать с головою покрытой, апостол начинает рассуждение с установленного Богом порядка. Он говорит, что как Христос подчиняется Богу, словно Своему Главе, так и Христу подчиняется муж, а мужу – жена. Впоследствии мы увидим, каким образом апостол выводит отсюда, что женщины должны покрывать свою голову. Сейчас же нам следует уразуметь четыре установленные апостолом степени достоинства. Итак, первое место занимает Бог, а второе Христос. Но каким образом? Постольку, поскольку он подчинил Себя Отцу, облекшись в нашу плоть, ибо во всем остальном Он с Ним единосущен и поэтому Ему равен. Итак, будем помнить, что здесь говорится о Христе как о Посреднике. Он ниже Отца постольку, поскольку облекся в нашу природу, дабы стать первожденным среди многих братьев.

В следующих же за этим словах содержится некоторое затруднение. Муж здесь выставляется как посредник между Христом и женою. Таким образом, Христос как бы не является главою жены. Однако в другом месте тот же самый апостол учит (Гал.3:28), что во Христе нет ни мужчины, ни женщины. Итак, почему же здесь он устанавливает различие, которое в другом месте устраняет? Отвечаю: решение этого вопроса зависит от текущего контекста. Отрицая, что жена отличается от мужа, апостол ведет речь о духовном Царстве Христовом, где не смотрят на лица, и где нет лицепрятия. Все дело заключается в духе, а не в теле, не во внешнем людском сообществе. По этой причине апостол говорит, что и раб ничем не отличается от свободного. Между тем он не сеет смуты в гражданском устройстве, не устраняет различия в почестях, необходимого в нашей общественной жизни. Здесь же апостол говорит о внешнем достоинстве и красоте, являющихся частью церковного общественного устройства. Значит, что касается духовного союза, перед Богом и внутри совести, Христос есть Глава и мужа, и жены без какого-либо различия. Поскольку здесь не имеет значения мужской или женский пол. Что же касается внешнего устройства и общественного благообразия, мужчина следует за Христом, а женщина – за мужчиной. Таким образом, они не пользуются одинаковым почетом и между ними нет равенства. Если же кто-то спросит: что общего у человеческого брака со Христом, отвечаю: Павел говорит здесь о святом супружестве благочестивых, которому предстоит Христос, и которое освящается Его именем.

4) *Всякий муж, молящийся.* Здесь содержатся два утверждения. Первое о муже, второе – о жене. Апостол говорит, что муж оскорбляет Христа, своего Главу, если молится или пророчествует с покрытой головою. И почему же? Потому, что он подчинен Христу с тем условием, чтобы господствовать в Его домостроительстве. Ибо муж – отец семейства и как бы царь для своих домашних. В нем сияет слава Божия из-за господства, которым он наделен. Если муж покрывает главу, он откажется от преимущества, дарованного ему Богом, и низведет себя до состояния слуги. Таким образом и подвергнется умалению честь Христа.

Например, если тот, кому князь доверил какую-то часть власти, не умеет поддерживать уважение к своей персоне, но позволяет любому плебею презирать свое достоинство, разве он не оскорбит тем самым своего князя? Таким же образом, если муж не сохранит своего положения, если он не подчинен Христу так, чтобы одновременно председательствовать в своей семье, он в той же самой степени будет затемнять славу Христову, сияющую в порядке правильного супружеского устройства. Далее, покрывало (как мы скоро увидим) есть символ промежуточной или средней власти.

Под пророчеством здесь, как и ниже в главе 14, я понимаю изъяснение тайн Божиих, ведущее к назиданию слушателей. Подобно тому, как молиться означает начинать молитву, задавая ей определенную форму, и словно предстоять во время нее всему народу, что и составляет служение общественного учителя. Ведь Павел говорит здесь не о какой угодно молитве, а о молитве торжественной. Впрочем, будем помнить: в этом деле люди грешат настолько, насколько нарушают благообразие и устраняют различия в установленном Богом порядке. Но не стоит усматривать в этом какое-то вероучительное положение. Словно учителю не подобает носить на голове шапочку, когда он обращается к народу с целью научения. Ведь Павел имел в виду лишь необходимость проявления главенства мужа и подчиненности жены. А это имеет место, когда муж обнажает свою голову в присутствии церкви, даже если затем он из-за холодной погоды снова надевает головной убор. Единственное правило здесь *τὸ πρέπου*, и если оно соблюдается, Павел не требует ничего больше.

5) *Жена, молящаяся или пророчествующая*. Второе утверждение: у женщин, когда они молятся или пророчествуют, голова должна оставаться покрытой. Иначе они будут постыжать свою голову. Ибо подобно тому, как муж, объявляя себя свободным, тем самым чтит свою голову, так и жена делает то же самое, если признает свою подчиненность. Посему, наоборот, если жена обнажает свою голову, она сбрасывает с себя подчинение, причем не без презрения к мужу. Но кажется, что Павел излишне запрещает жене пророчествовать с открытой головой, поскольку в другом месте (1Тим.2:12) он вообще запрещает женщинам говорить в Церкви. Ведь это означает, что им не позволено пророчествовать, даже надев на голову покрывало. Отсюда следует, что здесь Павел заводит об этом речь совершенно напрасно. На это можно ответить, что апостол, осуждая одно, не одобряет при этом другого. Ведь, порицая прорицания женщин с непокрытой головой, он, между тем, не разрешает им пророчествовать каким-либо иным образом. Скорее он порицает любое пророчество женщин, но открыто говорит об этом только в 14-й главе. В этом толковании нет ничего неуместного, хотя контексту вполне будет соответствовать, если мы скажем, что апостол требует от женщин подобной скромности не только там, где собирается вся церковь, но и на любом важном собрании женщин или мужчин, происходящем порою и в частном жилище.

Ибо это то же, как если бы она была обритая. Еще один довод, с помощью которого апостол снова доказывает, что женщинам неприлична непокрытость головы. По его словам, этого ужасается сама природа. Зрелище обритой женщины безобразно для глаза и представляет собой что-то чудовищное. Отсюда мы выводим, что природа дала женщине волосы в качестве покрывала. Если же кто-то возразит, что по этой причине волос-де вполне достаточно, поскольку по сути они и есть природное покрывало, то Павел это отрицает. Волосы – это покрывало, требующее для собственного покрытия покрывала другого. Отсюда можно предположить, что женщины, отличавшиеся пышными волосами, для выказывания своей красоты обычно отказывались носить покрывало. Посему Павел вполне обдуманно противопоставляет этому пороку врачевство, дабы на таких женщин смотрели скорее как на что-то постыдное, нежели как на разжигающую похоть приманку.

7) *Муж не должен покрывать голову (быть с покрытой головой), потому что он есть образ*. Тот же самый вопрос, заданный ранее о покрытии головы, теперь можно задать и об образе. Ведь оба пола были созданы по образу Божию. И Павел велит женщинам не

меньше, чем мужчинам, обновиться по этому образу. Но образ, о котором сейчас идет речь, относится к супружескому порядку. Поэтому он относится к настоящей жизни и не заключается в совести. Таково простое решение вопроса: здесь идет речь не о невинности и святости, равным образом подобающей женщинам и мужчинам, но о преимуществе, которым Бог наделил мужчину, дабы он возвышался над женщиной. И слава Божия сияет в его высоком достоинстве так же, как она сияет в любой разновидности начальства.

Жена есть слава мужа. Нет сомнения, что жена – замечательное украшение мужа. Ибо великая честь в том, что Бог предназначил ее для мужа в качестве спутницы и помощницы в жизни, покорив ее мужу так, как тело покорно голове. Ибо то, что о хорошей жене проповедует Соломон (Прит.12:4), что она – венец своего мужа, истинно в отношении всего женского пола, если принять во внимание установление Божие. И Павел расхваливает здесь это установление, уча, что женщина создана для того, чтобы быть стать замечательным украшением Божиим.

8) *Ибо не муж от жены.* Двумя доводами апостол подтверждает преимущество, которое ранее приписал мужчинам по сравнению с женщинами. Первый состоит в том, что женщина ведет происхождение от мужчины. Значит, по порядку она вторая. Вторым доводом состоит в том, что женщина создана ради мужчины. Итак, она подчинена ему, как дело, подчиненное своей целевой причине. То же, что мужчина – начало и цель для женщины, является из закона: не хорошо человеку быть одному, сотворим ему, и т.д. И затем взял Бог одно из ребер Адама и сотворил Еву.

10) *Посему жена и должна иметь на голове своей знак власти (власть).* Апостол заимствует довод о внешней благопристойности из понятия права. Жена подчинена, – говорит апостол, – следовательно, она должна носить знак подчинения. В слове «власть» содержится метонимия. Ведь апостол понимает здесь символ, свидетельствующий, что жена находится под властью мужа. Он заключается в покрывале, неважно – мантия ли это, или полотно, или что-то другое.

Но спрашивается, говорит ли апостол только о замужних женщинах. Ибо некоторые относят сказанное Павлом только к ним, поскольку девы не должны подчиняться власти мужа. Но подобные люди поступают неразумно. Ибо Павел имеет в виду совсем другое, а именно: вечный закон Божий, подчинивший женский пол власти мужского. Посему все женщины рождаются для того, чтобы уступать преимуществу мужского пола. Иначе довод Павла, основанный на природе, оказался бы неуместным. Он говорит, что обнажать голову для женщин так же постыдно, как и ее брить. Но этот довод несомненно относится и к девам.

Для Ангелов (ангелов). Это место толкуется по-разному. Поскольку пророк Малахия называет священников ангелами Божиими (2:7), некоторые думают, что Павел говорит здесь именно о них. Однако служители Слова нигде не означаются эти термином просто, то есть – без какого-либо добавления. Да и смысл в этом случае был бы весьма натянут. Поэтому я понимаю данный термин в его собственном смысле. Но спрашивается: почему апостол хочет, чтобы женщины покрывали голову для ангелов? Какое до этого дело ангелам? Некоторые отвечают так, что ангелы присутствуют при молитвах верующих, и поэтому видят неприличия, которые могут допускаться во время этих молитв. Однако зачем философствовать столь утонченно? Мы знаем, что ангелы стоят перед Христом, как своим Главою, и Ему служат. Значит, если женщины впадают в такую вседозволенность, что против права и приличия присваивают себе символ господства, ангелы ясно видят их позор. Посему эта фраза сказана ради усиления смысла. Павел как бы намекает: не только Христос, но и все ангелы будут свидетелями распутства, если женщины сбросят с головы покрывало. И подобное толкование вполне соответствует намерению апостола. Речь идет о субординации: Павел утверждает, что женщины, возвышаясь больше, чем им подобает, достигают того, что выказывают свой позор перед самими небесными ангелами.

11) *Впрочем, ни муж без жены.* Это добавлено отчасти для обуздания мужей, дабы те не угнетали своих жен, а отчасти – для утешения жен, дабы те не переносили болезненно свое подчинение. Мужской пол, по его словам, имеет преимущество перед женским с тем условием, чтобы соединиться с ним в взаимном благоволении друг к другу. Ибо один пол не может существовать без другого. Если же их друг от друга отделить, они будут как отсеченные члены разодранного тела. Итак, оба пола связаны друг с другом узами взаимного служения.

Говоря же «в Господе», апостол отсылает верующих к установлению Господню, коль скоро нечестивые не видят в нем ничего, кроме принуждающей их необходимости. Ибо мирские люди, если могут с удобством не иметь жен, презирают весь женский пол. Они не думают о том, что чем-то обязаны ему по установлению и декрету Божию. Благочестивые же признают мужской пол лишь половиной человеческого рода. Они размышляют над тем, что значат слова: сотворил Бог человека, мужчину и женщину, сотворил их. Таким образом, они добровольно признают себя должниками перед слабым полом. И благочестивые женщины таким же образом размышляют о своих обязанностях перед мужчинами. Таким образом, мужчина не состоятелен без женщины, ибо в этом случае он был бы головой, отсеченной от тела. И женщина не состоятельна без мужчины, ибо она была бы тогда телом обезглавленным. Значит, мужчина служит женщине, как глава, для управления ею, а женщина служит мужчине, как тело, для вспоможения ему. Причем так происходит не только в супружестве, но и в безбрачии. Ведь апостол ведет речь не о пользовании одним ложем, а о гражданских обязанностях, имеющих место даже вне брака. Если же кому-то понравится отнести это место ко всему человеческому роду, я не стану возражать. Хотя Павел, обращая свою речь к отдельным людям, кажется, особо подчеркивает служение каждого.

Ибо как жена от мужа. Если одна из причин мужского господства состоит в том, что женщина взята от мужчины, то эта причина также может служить основанием для их дружеского союза. Ведь мужской пол не может сохранять и защищать себя без помощи женского. Незыблемым остается положение: не хорошо человеку оставаться одному. Высказывание Павла можно отнести и к продолжению рода, поскольку люди рождаются не от одних мужчин, но также и от женщин. Но я вижу в сказанном еще и тот смысл, что мужчине необходимо вспоможение в лице женщины, поскольку одинокая жизнь неудобна для человека. И это установление Божие увещевает нас возвращать взаимное общение.

12) *Все же от Бога.* Бог есть начало того и другого пола. Итак, каждый из полов должен принять и хранить жребий, данный ему от Господа. Мужчина должен умеренно осуществлять свою власть, не оскорбляя жену, данную ему в жизни спутницей. Жена же должна довольствоваться подчинением и не считать чем-то позорным стоять позади главенствующего пола. Иначе и тот, и другой пол сбросят с себя ярмо Божие, не без причины прошедшее различие между их достоинством. Далее, много суровее звучит фраза о том, что мужчина и женщина, оставляющие свое служение, воинствуют против Бога, чем если бы Павел сказал, что они тем самым наносят оскорбление друг другу.

Не сама ли природа. Апостол снова представляет природу учительницей благообразия. Он называет природным то, что было принято тогда по всеобщему согласию и обычаю, причем даже среди греков. Ведь мужчин не всегда позорило ношение волос. История сообщает, что некогда, то есть – в раннюю эпоху, мужчины повсюду носили длинные волосы. Отсюда древних и впоследствии обычно называли нестриженными. Римляне стали стричься достаточно поздно, приблизительно во времена Африкана старшего. И в то время, когда Павел писал эти строки, обычай стричь волосы еще не победил в Галлии и Германии. Для мужчин из этих народов не меньше, чем для женщин, было постыдным стричься или бриться. Но поскольку среди греков мужу не подобало растить волосы, и такие мужчины считались женоподобными, распространенный обычай апостол рассматривает здесь в качестве природного.

16) *А если бы кто.* Склонный к спорам – этот тот, кого похоть побуждает затевать ссоры. При этом он ничуть не заботится об истине. Таковы все те, кто без всякой нужды отвергает полезные и добрые обряды, кто возбуждает споры по ясным вопросам, кто не довольствуется надлежащими доводами, кто не терпит подчинения общему порядку. Таковы также **ἄκοινωνῆτοι**, которые в глупом порыве несутся к чему-то новому и непривычному. И Павел не удостаивает их ответа, поскольку споры – опасная вещь, и в силу этого их надо удалить из Церкви. Он учит, что упорствующих и жаждущих поспорить скорее следует обуздывать авторитетом, нежели опровергать долгими рассуждениями. Ибо спорам никогда не будет конца, если кто-то захочет победить неуступчивого соперника путем словесного поединка. Будучи тысячу раз побежден, он никогда не устанет вставать и нападать снова. Поэтому прилежно отметим этот отрывок и не позволим вовлекать себя в излишние споры, лишь бы мы умели распознавать самих спорщиков. Ведь не всегда надо считать спорщиком того, кто не согласен с нашими желаниями или дерзает нам противиться. Но там, где очевидны похоть и упорство, скажем вместе с Павлом, что споры чужды церковному обычаю.

17. Но, предлагая сие, не хвалю вас, что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее. 18. Ибо, во-первых, слышу, что, когда вы собираетесь в церковь, между вами бывают разделения, чему отчасти верю. 19. Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные. 20. Далее, вы собираетесь так, что это не значит вкушать вечерю Господню; 21. ибо всякий поспешает прежде других есть свою пищу, так что иной бывает голоден, а иной упивается. 22. Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете немущих? Что сказать вам? похвалить ли вас за это? Не похваляю.

(17. Но, возвещая сие, не хвалю вас, что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее. 18. Ибо, во-первых, слышу, что, когда вы собираетесь в церковь, между вами бывают разделения, чему отчасти верю. 19. Ибо надлежит быть и ересям между вами, дабы открылись между вами испытанные. 20. Итак, когда вы собираетесь вместе, это не значит вкушать вечерю Господню; 21. ибо всякий поспешает вкушать свою вечерю, так что иной жаждет, а иной пьян. 22. Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и постыжаете немущих? Что сказать вам? Похваляю ли вас за это? Не хвалю.)

Порицание предыдущего порока было лишь мягким и ласковым увещанием, поскольку коринфяне грешили по неведению, и их можно было легко извинить. Павел вначале даже похвалил их за то, что они верно соблюдали его установления. Теперь же он начинает обличать их острее, поскольку кое в чем коринфяне грешили более тяжко и вполне осознанно.

17) *Но, предлагая сие, не хвалю (но, возвещая сие, не хвалю).* Я перевожу именно так, коль скоро кажется, что Павел поменял местами причастие и глагол. Не вполне подходит перевод Эразма, передавшего слово **παράγγελλειν** как «заповедывать». Лучше подошел бы вариант «возвещать». Но я не буду спорить по этому вопросу.

Далее, между этим предложением и началом данной главы имеется противопоставление. Апостол как бы говорит: я похвалил вас, но не думайте, что безо всяких оговорок; в вас есть и то, что я буду порицать, сколь скоро оно достойно порицания. Впрочем, (на мой взгляд) это относится не только к вечере Господней, но и к другим грехам, которые апостол перечислит далее. Итак, пусть сказанное будет представлять собой общее положение: коринфяне берутся на заметку, как собирающиеся не на лучшее, а на худшее. Затем идет перечисление частных следствий, проистекающих из этого зла.

Во-первых, апостол обвиняет их в том, что они собираются *не на лучшее*, потом в том, что собираются *на худшее*. Второе тяжелее первого, но и первое совершенно нетерпимо. Ведь, если принять во внимание, что именно должно происходить в Церкви, мы поймем, что ни

одно собрание нельзя делать бесплодным. На нем выслушивают учение Божие, возносят молитвы, совершают таинства. Плод же Слова в том, чтобы в нас возрастали упование и страх Божий, дабы мы преуспевали в святой жизни, все больше совлекались ветхого человека, постепенно обновляли свою жизнь. Да и прочие таинства также направлены на то, чтобы упражнять нас в благочестии и любви. К этому же направлены все наши молитвы. Добавь сюда и то, что Господь действительно работает через Собственный Дух, поскольку не хочет, чтобы установления Его были напрасны. Значит, если священные собрания ничем нам не помогают, и мы не становимся благодаря им лучше, наша неблагодарность вменяется нам в вину. Поэтому нам по праву можно предъявить обвинение. Ведь именно мы делаем безуспешным то, что по своей природе и установлению Божию должно оказаться для нас спасительным.

Затем следует второе утверждение: коринфяне собираются на худшее. И это второе много ужаснее, хотя почти всегда следует за первым. Ведь, если мы не получаем пользы от благодеяний Божиих, Бог мстит за нашу нерадивость тем, что мы становимся хуже. Небрежение часто порождает множество отступлений. И люди, не обращая внимания на правильное употребление той или иной вещи, обычно тут же кидаются во всякие вредные измышления.

18) *Слышу, что, когда вы собираетесь в церковь.* Некоторые толкователи относят разделения и ереси к *ἁταξίαν*, о которой вскоре упомянет апостол. Я же понимаю эти термины шире. Действительно, неправдоподобно, чтобы апостол для обозначения смуты воспользовался неуместными и чуждыми словами. Но говорят, что он выразился жестче, дабы лучше обозначить тяжесть греха. И я согласился бы с этим, если бы у использованных слов имелся подходящий смысл. Итак, здесь присутствует общее порицание: коринфяне не были единодушны так, как подобает христианам. Но каждый из них, будучи чрезмерно привержен собственным делам, мало приспособивался к другим. Отсюда проистекло злоупотребление, о котором мы вскоре услышим, отсюда – тщеславие и гордыня, когда каждый превозносился, презирая при этом других. Отсюда – пренебрежение назиданием, отсюда – профанация даров Божиих.

Апостол говорит, что *верит этому отчасти*, дабы коринфяне не думали, будто всем им вменяется данный проступок, и не жаловались на несправедливые обвинения. Между тем, Павел намекает: до него дошел не только сомнительный слух, но и надежное извещение, которое он не может не принять во внимание.

19) *Надлежит быть и ересям.* До этого апостол говорил о разделениях, теперь же с целью усиления смысла упоминает о ересях. И это ясно видно из слова «также». Ведь оно несомненно добавлено *πρὸς αἵρεσιν*. Известно, в каком смысле древние использовали оба этих термина, и как различали между еретиками и схизматиками. Ересь они видели в несогласии с учением, а схизму – в отчуждении душ, когда кто-то по зависти или ненависти к пастырям, или по излишней скрупулезности отделялся от Церкви. И хотя ложные догматы также непременно разделяют Церковь, и таким образом ересь есть корень и начало схизмы, хотя зависть и гордыня – это мать почти всех ересей, все же подобное различие проводить весьма полезно.

Но посмотрим теперь, что эти слова означают для Павла. Я уже раскритиковал тех, кто толкует ересь как сепаратное проведение вечери Господней, ссылаясь на то, что богатые не общались в еде с бедными. Апостол, несомненно, имел в виду нечто более ужасное. Но, отбросив прочие мнения, выскажу только свое: схизму и ересь я понимаю как меньшее и большее. Итак, схизма – это или не очень ярко выраженное разногласие, когда между благочестивыми все же нет должного единодушия, или противящиеся друг другу устремления, когда каждому нравится только свое, и каждый небрежет тем, что относится к другим. Ереси же возникают тогда, когда зло доходит до такой степени, что очевидна явная война, и люди открыто разделяются на противоборствующие секты.

Итак, чтобы верующие, видя, как коринфяне страдают от разделений, не пали духом, апостол толкует этот соблазн в противоположном смысле: подобным опытом Господь скорее испытывает стойкость преданных Ему людей. Прекрасное утешение. Апостол говорит: когда мы видим в Церкви не полное единство, а скорее – некоторые признаки разделения, происходящие от неполного согласия душ, нам никак не следует смущаться и падать духом; и даже если происходят открытые размежевания, нам надлежит оставаться твердыми и стойкими, зная, что таким образом обнаруживаются лицемеры; именно так, от противоположного, проверяется искренность верующих; и подобно тому, как выдает себя легковесность неукоренившихся в Слове Господнем, и негодность притворщиков, изображающих из себя добрых мужей, так же добрые являют в таких ситуациях яркий пример стойкости и искренности.

Отметь, что Павел употребляет слово «надлежит». Этим словом он хочет сказать, что все вышесказанное происходит не случайно, но по провидению Божию. Ибо Бог хочет испытать Своих подобно тому, как золото проверяется в печи. И если это угодно Богу, значит это полезно. Однако из-за сказанного не следует входить в тернистые споры, или – скорее – лабиринты, о фатальной неизбежности. Мы знаем, что отверженные всегда будут многочисленными, знаем, что ими управляет дух сатаны и действительно влечет их ко злу, знаем, что сатана настойчиво пытается сдвинуть камень Церкви и нарушить ее единство. Отсюда, а вовсе не от фатума, и происходит упомянутая Павлом необходимость. Мы также знаем, что Господь по Своей чудесной премудрости обращает к спасению верующих все губительные ухищрения сатаны. Отсюда и цель: дабы добрые воссияли еще ярче. И подобное благо следует приписывать не ересям, которые, будучи злыми, могут породить лишь зло, но Богу, по Своей бесконечной благодати изменяющему свойства вещей, дабы для избранных оказалось спасительным то, что дьявол ранее задумал ради их гибели.

Златоуст считает, что союз *ὅτι* выражает здесь не причину, а исход. Но это не столь уж важно. Ибо причиной является тайный совет Божий, посредством которого зло умеряется так, что служит доброй цели. Наконец, как мы знаем, сатана подталкивает нечестивых таким образом, что они добровольно приводятся в действие и одновременно действуют сами. Посему нечестивые и лишены всяческих оправданий.

20) *Не значит вкушать вечерю Господню*. Теперь апостол обличает злоупотребление, проникшее среди коринфян в совершение Господней вечери. Со священным и духовным пиром они смешивали мирские возлияния, причем сопровождали их пренебрежением к бедным. И Павел говорит, что вечеря Господня не вкушается подобным образом. И не потому что одно злоупотребление полностью упраздняет и превращает в ничто священное установление Христово, но потому что коринфяне, плохо обращаясь с таинством, тем самым его оскверняли. Ибо в обыденной речи мы называем не произошедшим то, что происходит неправильно. И это отклонение, как мы позднее увидим, было весьма значительным. Если же (следуя некоторым) фразу «не значит» понимать как «не позволено», смысл будет тем же самым, а именно: коринфяне не готовы ко вкушению Господней вечери, поскольку разделяются между собой во время ее проведения. Однако проще смысл, приведенный мною выше: когда осуждается скверная примесь к вечери Христовой, не имеющая с ней ничего общего.

21) *Всякий поспешает есть свою пищу (вечерю)*. Удивительно и страшно, как сатана за столь малое время смог сделать столь многое. Но этот пример учит нас тому, что значит бездумно следовать древности. Мы узнаем, каков авторитет у длительного обычая, не одобряемого свидетельством Слова Божия. Этот обычай возобладавал, и поэтому стал считаться законным. Но тогда еще жил Павел и встал на его пути. Что же произошло после смерти апостолов? С какой вседозволенностью воспрял тогда сатана! Однако паписты именно этот довод и считают самым надежным: этот обычай древний, он некогда практиковался; значит он является небесным откровением.

Впрочем, не ясно, откуда произошло и по какой причине столь быстро усилилось это злоупотребление. Златоуст думает, что оно проистекло ἀπὸ τῶν ἀγαπῶν, во время которых богатые имели обычай приносить из дома пищу, которую вкушали вместе с бедными, устраивая общий пир. Затем, изгнав бедных, они стали в одиночку насыщать чрево яствами. Действительно, из слов Тертуллиана явствует, что подобный обычай имел место на самом деле. Агапами называли общие трапезы, которые устраивали между собой верующие. Эти трапезы служили символом братской любви и заключались в милостынях. Не сомневаюсь, что поводом для этого был общий для иудеев и язычников обряд жертвоприношений. Как мне известно, христиане, устранив некоторые пороки этого обряда, кое-что все же от него сохранили. Поэтому похоже на правду то, что верующие, видя, как иудеи и язычники соединяют со священнодействием пиршество в качестве его дополнения, но при этом и в том, и в другом грешат тщеславием, роскошью и неумеренностью, установили пиршество, которое по форме должно было служить образцом умеренности и трезвости и, кроме того, из-за общения во вкушении еды соответствовало духовной вечере. Ибо нищие питались на нем за счет богатых, и стол был общим для всех. Так вот, сразу ли подобное предприятие выродилось в столь скверное извращение, или, будучи вначале добрым, испортилось с течением времени, в любом случае Павел никоим образом не хочет, чтобы духовное пиршество соединялось с мирскими возлияниями. Действительно, благообразно выглядит ситуация, когда богатые и бедные питаются вместе за общим столом, когда состоятельные приобщают к своему изобилию нищих; но никакая польза не должна приводить к профанации священного таинства.

Иной бывает голоден (жаждет). Одно из зол состояло в том, что бедным казалось, будто богатые, роскошествуя, неким образом попрекают их за нищету. Апостол указывает на это неравенство, используя гиперболу, и говоря, что одни бывают пьяными, а другие жаждут. Ибо у одних было, чем насытить чрево, а другие питались очень скромно. Таким образом, бедные были выставлены перед богатыми на посмешище или, по крайней мере, оказывались пристыженными. Итак, зрелище это оказалось постыдным и недостойным вечера Господней.

22) *Разве у вас нет домов.* Отсюда видно, что апостолу в целом не нравился обычай совместных пиршеств, даже если бы на них и не происходило подобных злоупотреблений. Хотя и кажется вполне терпимым, когда вся церковь вкушает от общего стола, порочно уже то, что священное собрание используется для других целей. Мы знаем, для каких действий должна собираться церковь, а именно: для выслушивания учения, для молитв и воспевания хвалебных песен Богу, для совершения таинств, для исповедания веры, для совершения благочестивых обрядов и других упражнений благочестия. Если же на собраниях творится нечто иное, это делается неуместно. У каждого есть дом, предназначенный для вкушения еды и питья. Поэтому ничему подобному не подобает происходить на священном собрании.

Что сказать вам? Подведя итог, апостол задает коринфянам вопрос: следует ли их похвалить? Ибо они не могли бы защищать столь явные злоупотребления. И, задавая вопрос, апостол еще больше вынуждает их признать свою вину. Он как бы говорит: что еще мне делать? будете ли вы отрицать правомочность моих порицаний? Впрочем, фразу «за это» некоторые кодексы соединяют с последующим предложением: «похвалить ли вас? За это не похваляю». Но другое чтение более принято среди греков и больше соответствует контексту.

23. *Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб 24. и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание. 25. Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание. 26. Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет. 27. Посему, кто бу-*

дет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней 28. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. 29. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем.

(23. Ибо я от Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб 24. и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание. 25. Также и чашу, когда вкусили вечерю, сказав: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание. 26. Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет. 27. Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней 28. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. 29. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не различая Тело Господне.)

До сих пор апостол указывал на конкретный порок. Теперь же он начинает учить правильному способу его исправления. Ведь установление Христово – четкое правило, и если отступить от него хоть на шаг, уже не будешь на правильном пути. Значит, поскольку коринфяне ранее отклонились от этого правила, апостол призывает их к нему вернуться. Это место достойно особого внимания: нет иного средства для устранения отклонений, нежели возврат к чистому установлению Божию. Так и Сам Господь (Мф.19:3), ведя речь о браке, когда книжники противопоставили Ему обычай и даже разрешение Моисея, в качестве возражения привел им лишь установление Отца. Ибо закон не подлежит нарушению. И когда мы сегодня делаем то же самое, паписты начинают кричать, будто мы изменяем все. Но мы ясно показываем: они отошли от первоначального установления Господня не в одном лишь пункте, но исказили его тысячами способов. Совершенно ясно, что их месса полностью противоположна священной вечере Господней. Скажу больше: мы пальцем показываем на то, что она изобилует нечестивыми мерзостями. Итак, ее нужно исправить, и мы требуем того же исправления, к которому в свое время прибежал Павел, дабы установление Господне было для нас общим правилом, с которым мы полностью соглашаемся. Паписты же яростно нам противятся. Вот в чем состоит наш сегодняшний спор с ними по поводу вечери Господней.

23) *От Самого Господа принял.* Этими словами Павел хочет сказать, что в Церкви нет другого авторитета, кроме Господнего. Он как бы говорит: я передал вам не просто мое измышление; придя к вам, я не выдумал по собственному разумению новую вечерю, но автором ее является Сам Христос, от Которого я и принял то, что передал вам из рук в руки; итак, вернитесь к этому исходному принципу. Таким образом, будет неизбежно пребывать авторитет Христов, и упразднятся все человеческие законы.

В ту ночь, в которую предан был. Это связанное со временем обстоятельство говорит нам о цели таинства, а именно: удостовериться в нас благодеяние Христовой смерти. Ибо Господь мог бы и раньше вручить апостолам Свой завет. Но Он ждал времени Своей жертвы, дабы апостол увидели, как в Его теле действительно исполнилось то, что изображалось в хлебе и вине.

Если кто-то выведет отсюда, что вечерю надо совершать ночью, после вкушения телесной пищи, отвечаю: надо понять, что именно из того, что сделал Господь, Он требует делать от нас. Несомненно, что Он не хотел передавать апостолам какие-то ночные священнодействия Цереры, не хотел приглашать Своих людей к духовному пиршеству с наполненным желудком. Подобные действия Христа, не предназначенные для подражания, не следует считать установлением. Таким образом, без труда опровергается уловка папистов, с помощью которой они пытаются высмеять сказанное мной о простом соблюдении установления Христова. Значит, – говорят они, – надо совершать вечерю Господню только но-

чью, не попостившись, а, наоборот, насытившись. Но все это глупо, поскольку можно легко установить, что сделал Господь с той целью, чтобы мы Ему подражали, и, больше того, что из сделанного Им Он заповедал совершать нам.

24) *Возблагодарив*. Как говорит Павел в другом месте (1Тим.4:5), все дары, принимаемые нами из руки Божией, освящаются Словом и молитвой. Поэтому мы нигде не читаем о том, чтобы Господь вкусил хлеб со Своими учениками без благодарения. Подобным примером Он воистину обучает нас делать то же самое. Но упоминаемое здесь благодарение преследует более высокую цель. Ибо Христос благодарит Отца за Его милосердие к человеческому роду, за бесценное благодеяние искупления и Своим примером приглашает нас размышлять о безмерности к нам любви Божией и проявлять истинную благодарность, всякий раз как мы приступаем к священной вечере.

Примите, ядите, сие есть тело. Поскольку Павел хотел вкратце научить нас правильному употреблению таинства, наше дело – внимательно размыслить над тем, что он нам предлагает, и ничем из этого не пренебрегать. Ведь апостол говорит лишь о том, что необходимо знать и достойно наивысшего внимания.

Во-первых, следует отметить, что Христос раздал апостолам хлеб, дабы все они сообща его вкушали. Значит, каждый из них принял свой кусок, и все они приобщились одинаково. Итак, там, где не для всех благочестивых готовится общая трапеза, где не всех приглашают к общему преломлению хлеба, где не все верующие причащаются, напрасно используется наименование Господней вечери. Но, зачем еще призывается народ на мессу, если не для того, чтобы уйти с нее ни с чем после лицемерия холодного зрелища? Итак, месса не имеет ничего общего с вечерей.

Отсюда также следует, что обетование Христово не больше относится к мессе, нежели к пиршеству жрецов-салиев. Ибо Христос, обещав, что даст нам Свое тело, одновременно велит нам его принимать и есть. Посему, если мы не слушаемся Его заповеди, то напрасно хвалимся обетованием. Объясню это несколько иначе и еще яснее: обетование связано с заповедью и является условным. Поэтому оно возымает действие лишь в том случае, если будет соблюдено условие. Например, написано (Пс.50:15) [в Синодальном переводе Пс.49:15. – прим. пер.]: призови Меня и услышу тебя. И наше дело повиноваться велению Божию, дабы Он дал нам обещанное. В противном случае мы сделаем обетование бездейственным. И что же паписты? Отбросив причастие, они освящают хлеб для совершенно другой цели. И, между тем, претендуют на то, что имеют тело Господне. Но поскольку они нечестиво разрывают то, что воедино связал Христос, их притязание выглядит совершенно напрасным. Поэтому, всякий раз как они приводят в качестве возражения фразу: «сие есть Тело Мое», им надо напомнить и о другой предшествующей фразе: «примите, ядите». Ибо смысл слов таков: причащаясь преломленным хлебом согласно установленному Мною порядку и ритуалу, вы также будете участниками Моего Тела. Итак, если один поглощает хлеб отдельно от других, обетование упраздняется. Кроме того, эти слова учат нас, каких именно действий требует от нас Господь. Примите, – говорит Он. Значит, те, кто во время вечери приносит жертву Богу, следуют не Христу, а какому-то иному Установителю. Ибо эти слова не научают нас приносить жертву.

Но что говорят о своей мессе паписты? Сначала они были столь бесстыдны, что утверждали, будто она зовется жертвой воистину и в собственном смысле слова. Теперь они допускают, что жертвоприношение это носит характер поминовения. Но при этом так, что посредством ежедневного жертвоприношения благодеяние искупления прилагается к живым и мертвым. Что бы там ни было, но паписты предъявляют народу зрелище жертвы. И делают это, во-первых, необдуманно, поскольку не основываются на какой-либо заповеди, а, во-вторых, грешат еще больше от того, что, в то время как Христос сделал целью вечери принятие и вкушение, они обращают ее к совершенно противоположной цели.

Сие есть Тело Мое. Не буду говорить о злосчастных богословских войнах, терзающих в наше время Церковь по поводу смысла этих слов. О, если бы можно было просто покрыть вечным забвением эти споры! Но выскажу, во-первых, искренне и непритворно, а, во-вторых, (как и обычно) свободно то, что представляется мне правильным.

Христос называет здесь Своим телом именно хлеб, ибо я безо всяких споров отбрасываю глупое измышление о том, что Господь указал апостолам не на хлеб, а на Свое видимое тело. Ведь сразу же после следует фраза: эта чаша – новый завет в Моей крови. Итак, бесспорно, что Христос говорит здесь о хлебе.

А теперь спрашивается, в каком же смысле? Чтобы понять этот смысл, будем придерживаться следующего: данное изречение является образным. Ведь отрицать сие значит выдавать свою полную никчемность. Итак, почему же хлебу присваивается имя тела? Думаю, что все согласятся с тем, что это делается на том же самом основании, на котором Иоанн назвал голубя Святым Духом. До сих пор все звучит вполне разумно. Теперь продолжим: причина такого наименования заключалась в том, что Дух Святой ранее являлся в образе голубя. Поэтому имя Духа переносится на Его видимый символ. Так зачем отрицать здесь такую же метонимию и не сказать, что имя тела приписывается хлебу, поскольку он – его символ или знак? Пусть простят меня все несогласные, но упрямо спорить по этому поводу, на мой взгляд, означало бы склонность к любопытству. Посему я просто утверждаю, что способ выражения здесь сакраментальный, и Господь присвоил знаку имя означаемой им вещи.

А теперь пойдем дальше и спросим, какова причина этой метонимии? Отвечаю: знаку присваивается имя означаемого не только потому, что он – его образ, но скорее потому, что он – символ, предъявляющий нам саму вещь. Ибо я не допускаю сравнения, каковое некоторые заимствуют от мирских и земных вещей, поскольку они кое в чем не похожи на Господни таинства. Геркулесом зовется статуя Геркулеса. Но что имеется здесь, кроме голого и пустого образа? Голубь же зовется Духом потому, что является надежным распознательным знаком Его невидимого присутствия. Значит, хлеб есть Тело Христово потому, что надежно свидетельствует о том, что действительно предъявляет означаемое им Тело. Или потому, что Господь, протягивая нам этот видимый символ, вместе с ним дает нам и Свое тело. Ибо Христос не лжив, чтобы обманывать нас пустыми образами. Посему для меня бесспорно то, что истина соединена здесь со знаком, то есть, мы в отношении духовной силы становимся участниками тела Христова не в меньшей степени, чем питаемся хлебом.

Теперь надо исследовать способ этого причастия. Паписты подсовывают нам свое пресуществление. Они говорят, что после освящения больше не присутствует субстанция хлеба, но остаются одни его акциденции. И этому измышлению мы противопоставляем не только ясные слова Писания, но и саму природу таинств. Что именно будет обозначать вечеря, если нет никакой аналогии между видимым знаком и духовным содержанием? Паписты хотят, чтобы знаком был ложный и обманчивый вид хлеба. Но тогда чем же будет обозначаемая им вещь, если не простым воображением ума? Поэтому, если надлежит быть соответствием между знаком и изображаемой истиной, с необходимостью должен иметься истинный, а не воображаемый хлеб, изображающий истинное тело Христово. Кроме того, тело Христово дается нам здесь не просто так, но в качестве пищи. Однако питает вовсе не цвет хлеба, а его субстанция. Итак, чтобы означаемая вещь была истиной, знак не должен содержать в себе обмана.

Посему, отбросив безумие папистов, посмотрим, каким же именно образом нам дается Христово тело. Некоторые толкуют так, что оно дается нам тогда, когда мы становимся участниками всех благ, которые Христос приобрел для нас в Своем теле. То есть, когда мы верою принимаем распятого за нас и воскресшего из мертвых Христа и, таким образом, действительно приобщаемся всех Его благ. Кто думает так, пусть довольствуются этим

смыслом. Я же признаю, что мы причащаемся благ Христовых лишь после того, как принимаем Самого Христа. А принимаем мы Его не только, когда веруем, что Он сделался за нас жертвой, но и когда Он обитает в нас, когда является с нами единым целым, когда мы становимся Его членами от Его же плоти, когда (так сказать) мы срастается с Ним, живя одной с Ним жизнью и образуя с Ним единую субстанцию. Кроме того, я слышу, как звучат слова Христовы: Он предлагает нам не только благодеяние Своей смерти и воскресения, но и само тело, в котором пострадал и воскрес. Отсюда я заключаю: во время вечери тело Христово дается нам (попросту говоря) реально, то есть, истинно, дабы стать для наших душ спасительной пищей. Я выражаюсь обычным языком, но разумею следующее: Христос питает наши души субстанцией Своего тела, чтобы мы воистину стали с Ним одним целым. Или, что то же самое, в нас из плоти Христовой через Святой Дух переливается животворящая сила, хотя эта плоть и находится от нас далеко, и с нами не смешивается.

Остается решить последний вопрос: как может быть, чтобы тело, находящееся на небе, подавалось нам здесь, на земле? Кое-кто воображает себе бесконечное тело Христово, не содержащееся в каком-либо пространстве, но наполняющее небо и землю наподобие Его божественной сущности. Но эта выдумка слишком абсурдна, чтобы ее опровергать. Схоласты рассуждают о прославленном теле Христовом более утонченно. Однако все их учение сводится к тому, чтобы искать Христа в хлебе так, словно Он в нем заперт. Вследствие этого люди цепенеют перед хлебом и поклоняются хлебу, как Самому Христу. Если кто-то спросит их, поклоняются ли они хлебу или его внешнему виду, они будут яростно это отрицать. Но между тем, собираясь поклониться Христу, эти люди обращаются к хлебу, причем обращаются к нему не только глазами и телом, но и помышлением своего разума. Но что это такое, как не чистое идолопоклонство? Я же утверждаю, что приобщение тела Христова, предлагаемое нам во время вечери, не требует ни локального присутствия, ни нисхождения Христа, ни бесконечной протяженности Его тела, ни чего-либо другого, подобного вышесказанному. Ведь, коль скоро вечеря – небесное действие, вовсе не нелепо, что Христос, пребывая на небесах, одновременно принимался нами здесь. И то, что Он сообщает Себя нам, происходит таинственной силой Святого Духа, способной не только собрать, но и соединить разделенные расстоянием и весьма удаленные друг от друга предметы.

Однако, чтобы стать способными к подобному приобщению, нам надлежит подняться на небеса. Поэтому здесь, когда все плотские чувства изнемогают, нам на помощь приходит вера. И говоря «вера», я подразумеваю именно ее, а не какое-то опирающееся на людские измышления мнение, как бредят насчет веры многие из тех, кто на нее претендует. Итак, что же? Ты видишь хлеб и ничего кроме хлеба. Однако ты слышишь, что он – опознавательный знак Христова тела. Не сомневайся, что Господь делает именно то, о чем говорят слова, и тело, не видимое тобой, становится для тебя духовной пищей. Кажется невероятным, что нас питает столь далеко находящаяся от нас Христова плоть. Но будем помнить, что действие Духа Святого таинственно и чудесно, и не подобает измерять его мерками твоего разума. Между тем отбрасывай прочь все грубые измышления, привязывающие тебя к хлебу. Оставь Христу истинную природу Его плоти, не простирай согласно ложному мнению Его тело по всему небу и земле. Не растаскивай Его в разные места своими измышлениями, не поклоняйся Ему здесь или там по своему плотскому разумению. Позволь Ему оставаться в Своей небесной славе. И воспрянь к небесам, дабы оттуда Христос сообщил тебе Самого Себя.

Этого немногого достаточно для скромных и здравомыслящих, склонные же к любопытству пусть утоляют свою страсть где-нибудь еще.

За вас ломимое. Некоторые относят сказанное к раздаянию хлеба, поскольку телу Христову надлежало оставаться целостным. Как гласит пророчество (Исх.12:46): кость Его не сокрушится. Я же, соглашаясь с тем, что Павел намекает здесь на преломление хлеба, все же думаю, что слово «ломаться» означает «приноситься в жертву», причем в переносном, но

вполне разумном смысле. Ибо, хотя во Христе не сокрушилась ни одна кость, Его тело, сперва подвергнутое стольким страданиям и мучениям, а затем – жесточайшему виду смерти, никак нельзя назвать неповрежденным. Его-то Павел и называет ломимым. Впрочем, это – вторая часть обетования, мимо которой ни в коем случае не следует проходить. Ибо Господь не предлагает нам Свое тело просто и безоговорочно, но лишь постольку, поскольку оно было принесено за нас в жертву. Итак, первая часть обетования означает, что нам предъявляется само тело, а вторая говорит о том, какой от него проистекает для нас плод, а именно: мы становимся причастниками искупления, и к нам прилагается благодеяние Христовой жертвы. Посему вечеря – это зеркало, отражающее и представляющее нам распятого Христа. И только принимающий Распятого вкушает ее с пользой и плодотворно.

Сие творите в Мое воспоминание. Значит, вечеря – это *μνημόσυιον*, установленное для вспомоществования нашей немощи. Ведь если бы мы и без нее достаточно вспоминали о смерти Христовой, это вспомоществование было бы излишним. И сказанное относится ко всем таинствам, поскольку все они помогают нам в немощи. Далее, какого именно поминовения хотел Христос во время вечера, мы скоро услышим.

Некоторые выводят отсюда, что Христос-де не присутствует на вечере. Ведь воспоминанию подлежит только то, что на деле отсутствует. Но ответить на это весьма легко: в том смысле, в каком вечеря является воспоминанием, Христа действительно на ней нет. Ибо Христос не присутствует на ней видимым образом, не воспринимается нашим зрением, подобно изображающим Его и пробуждающим в нас воспоминание символам. Чтобы присутствовать с нами, Христос не изменяет местоположения, но с небес передает нам присутствующую в Своей плоти силу.

25) *Чашу после вечера (когда вкусили вечерю).* Апостол, кажется, хочет сказать, что между раздачей хлеба и вручением чаши прошло какое-то время. Из Евангелий также не вполне ясно, вручил ли Христос чашу сразу или с некоторым перерывом. Однако это не столь уж важно. Ибо Господь, раздав хлеб, вполне мог произнести какую-то проповедь, и уже после этого протянуть чашу. Но, поскольку Он делал и говорил только то, что относилось к таинству, нельзя сказать, что в этом случае таинство нарушилось бы или оказалось ущербным.

Я не хочу вместе с Эразмом переводить эту фразу как «по совершении вечера», поскольку в столь важных вопросах следует избегать двусмысленности.

Сия чаша есть новый завет. Сказанное о чаше также относится и к хлебу. Эта фраза несет тот же смысл, что и предыдущее короткое изречение: «хлеб есть тело Мое». Ибо хлеб для того является для нас телом, чтобы быть завещанием в теле Христовом. То есть, заветом, заключенным через единократное принесение тела в жертву. Этот завет и теперь заключается через вкушение, когда верующие насыщаются от этой жертвы. Посему вместо слов, приводимых Павлом и Лукою: «завет в крови», у Матфея и Марка стоят слова «кровь завета», означающие то же самое. Ибо кровь была пролита, чтобы примирить нас с Богом. И теперь мы пьем ее духовно, дабы стать причастниками примирения. Так что в вечере у нас есть одновременно и завет, и подтверждающий этот завет залог.

О слове же «завещание», если даст Господь, поговорим в толковании на Послание к Евреям. Далее, вполне привычно называть таким словом таинства, коль скоро они для нас – свидетельства божественной воли, удостоверяющие ее в наших душах. Подобно тому, как люди заключают заветы путем торжественного обряда, похожим образом поступает с нами и Господь. И это сказано вполне уместно. Ибо вследствие связи между словом и знаком завет Господень воистину заключается в таинствах, и само слово «таинство» по отношению к нам несет аспект завета. И сказанное весьма поможет нам уяснить природу таинств. Ведь если таинства – завет, значит они содержат обетования, пробуждающие в людской совести спасительное упование. Отсюда следует: таинства – не только предна-

значенные для людей внешние знаки нашего исповедания, но и внутренние вспомоществования для нашей веры.

Сие творите, когда только будете пить. Итак, Христос учредил в вечере два символа. А то, что Бог соединил, человек да не разлучает. Поэтому раздавать хлеб без чаши, значит изувечивать установление Христово. Мы слышим, что говорит Христос. Как Он велит нам есть хлеб, так же приказывает и пить из чаши. Но соблюдать одну половину заповеди и опускать при этом другую – означает не что иное, как над заповедью издеваться. Однако при папской тирании народ не допускают к чаше, которую Христос предлагает всем. Кто же станет отрицать, что это сатанинская дерзость? Паписты прибегают к уловке и говорят, что Христос обращался к апостолам, а не к простым людям. Но это звучит по-детски и легко опровергается процитированным выше отрывком. Ибо Павел обращается здесь без всякого различия к мужчинам и женщинам, ко всему телу Церкви. Он свидетельствует, что передает им все это по заповеди Господней. Итак, на водительство какого духа будет претендовать тот, кто дерзнет отменить подобное предание? Однако даже сегодня столь грубое извращение упрямо защищают. Что же удивительного в том, если словесно и письменно оправдывают отклонение, которое с такой жестокостью отстаивают с помощью огня и меча?

26) *Ибо всякий раз, когда вы едите.* Теперь Павел говорит о том, какое именно воспоминание должно нами совершаться: такое, которое сопровождается благодарением. Не потому, что все воспоминание состоит в исповедании уст, ибо главное, чтобы сила Христовой смерти запечатлелась в нашей совести. Однако знание об этой смерти должно воспламенить нас и подвигнуть к провозглашению хвалы. Дабы мы провозгласили перед людьми то, что чувствуем внутри себя в присутствии Бога. Итак, вечеря – это (так сказать) некий вид поминовения, которое должно постоянно совершаться в Церкви до второго пришествия Христова, и установлено оно для того, чтобы Христос наставлял нас в благодеянии Своей смерти, и мы провозглашали это благодеяние перед людьми. Отсюда вечеря и получила наименование евхаристии. Посему, чтобы правильно совершать вечерю, помни: от тебя требуется исповедание веры.

Отсюда явствует, сколь бесстыдно насмеваются над Богом те, кто заявляет, будто месса в каком-то смысле представляет собой вечерю. Что такое месса? Они признают (я говорю не о папистах, а о лженикодимах), что она исполнена проклятых суеверий, и одновременно притворно одобряют их внешними телодвижениями. Но какое же это возвешение смерти Христовой? Разве это – не полное от нее отречение?

Доколе Он придет. Поскольку мы всегда нуждаемся в подобном вспомоществовании, куда живем в этом мире, Павел говорит, что это воспоминание заповедано нам вплоть до того, как Христос явится вершить суд. Ведь, коль скоро Он не живет с нами в Своей видимой форме, с необходимостью должен быть некий символ Его духовного присутствия, упражняющий наши души.

27) *Посему, кто будет есть хлеб сей ... недостойно.* Если Господь требует от нас благодарности в принятии этого таинства, если Он хочет, чтобы мы признавали Его благодать сердцем и проповедовали устами, то не чтущий Его, а скорее оскорбляющий не останется безнаказанным. Ибо Господь не потерпит презрения к Своей заповеди.

Далее, чтобы понять смысл сказанного, следует знать, что значит недостойно вкушать вечерю. Некоторые относят это к самим коринфянам и преобладавшей в их среде порче. Я же думаю, что Павел по своему обыкновению переходит от частного положения к общему, или же – от вида к роду. У коринфян имелся конкретный порок, и апостол, воспользовавшись этим поводом, завел речь о любом неподобающем совершении вечери. Бог, по его словам, не позволит профанировать это таинство, и сурово за это накажет. Итак, есть недостойно значит злоупотреблять вечерей и извращать ее правильное совершение. Поэтому у недостойности имеются (так сказать) разные степени. Одни грешат больше, дру-

гие – меньше. Допустим, к таинству без покаяния приступит какой-нибудь блудник, клятв-вопреступник, пьяница или обманщик. И поскольку столь надменное презрение – признак жуткого оскорбления в адрес Христа, всякий подобный человек несомненно примет причастие к своей гибели. Приступит и другой, не замеченный ни в каком значительном или известном пороке, но все же не так, как надо, приготовившийся в душе. И поскольку беспечность или небрежность эта – знак непочтения, она также достойна наказания Божия. Итак, подобно тому, как имеются разные виды недостойного вкушения, так и Господь за одни карает мягче, а за другие – жестче.

Но этот отрывок дал повод поставить вопрос: вкушают ли недостойные Христово тело на самом деле? Некоторые стали чрезмерно активно муссировать эту проблему. И кое-кто в пылу спора дошел до утверждения о том, что добрые и злые принимают тело совершенно одинаково. Да и сегодня многие упорно и громогласно защищают положение, что Петр во время первой вечери принял ровно то же, что и Иуда. Я не хотел бы жестко спорить с кем-нибудь по поводу этой (на мой взгляд) не столь уж важной темы. Но коль скоро другие позволяют себе учительским тоном и безосновательно говорить все, что им вздумается, и метать молнии в защищающих противоположную точку зрения, пусть простят и нас, если мы спокойно подкрепим доводами то, что считаем правильным. Я придерживаюсь следующей аксиомы и никогда не позволю себе от нее отказаться: Христа нельзя отделять от Его Духа. Отсюда я делаю вывод: Его тело не принимается мертвым или праздным, или отделенным от благодати и силы Его Духа. Не буду задерживаться на доказательстве этого положения.

Так вот, как же тот, кто полностью лишен живой веры и покаяния, примет Самого Христа, если у него нет ничего от Духа Христова? Больше того, коль скоро он полностью находится под властью сатаны и греха, как же он может быть способен принять Христа? Итак, я признаю, что есть люди, недостойно и одновременно истинно принимающие Христа во время вечери. Таковы многие немощные. Но одновременно я не допускаю, что люди, приступающие только с уверенностью в исторических фактах без живого ощущения покаяния и веры, принимают что-то, кроме символа. Ибо я не позволяю изувечивать Христа, и страшусь допустить нелепую мысль о том, будто Он отдает Себя нечестивым для вкушения в каком-то бездыханном виде. Именно так и думал Августин, говоря, что во время вечери злые принимают Христа только в знаке (*sacramento tenus*). В другом месте он выражается яснее, утверждая, что остальные апостолы вкусили хлеб, который был Господом, а Иуда – только хлеб, принятый от Господа.

Но здесь можно возразить: действительность таинств не зависит от достоинства людей, и людская злоба ни в чем не умаляет и не уменьшает обетования Божии. Согласен, и поэтому прямо утверждаю, что злым тело Христово предлагается не меньше, чем добрым. А этого вполне достаточно для силы таинства и верности Бога Своим обетованиям. Ибо и для злых Бог не лживо изображает в нем тело Своего Сына. Он предьявляет им его на самом деле. И хлеб для них – не пустой знак, но достовернейший символ. То же, что они его отвергают, никак не изменяет и не умаляет природу таинства.

Теперь нам осталось ответить тем, кто, ссылаясь на сказанное Павлом, рассуждает так: апостол объявляет недостойных виновными, поскольку они не различают тела Господня; значит, во время вечери они принимают Его тело. Я отрицаю такой вывод. Хотя они и отвергают тело Христово, они все равно заслуженно виновны, ибо оскверняют и бесчестят это тело в тот момент, когда оно им предлагается. Они как будто бросают это тело на землю и топчут его ногами. А разве это не великое святотатство? Итак, я не вижу никакой трудности в словах Павла, если подумать о том, что предлагает злым Бог, а не о том, что они принимают сами.

28) *Да испытывает же себя человек.* Увещевание, логически следующее из предыдущей угрозы. Если недостойно вкушающие виновны против тела и крови Господних, значит,

никто не должен приступать к ним, кроме хорошо и правильно подготовившихся. Пусть же каждый остерегается совершить по своей нерадивости или беспечности подобное святотатство.

Но спрашивается: каким должно быть то испытание, к которому нас призывает Павел? Паписты видят его в тайной исповеди. Они велят всем, собирающимся причаститься, тщательно и скрупулезно исследовать свою жизнь, дабы суметь высказать на ухо священнику все свои грехи. Таково их приготовление к таинству. Я же утверждаю, что испытание, о котором говорил Павел, сильно несхоже с описанным выше истязанием. Паписты думают, будто исполнили свой долг, если недолго мучили себя воспоминанием грехов, а затем известили о своих непотребствах «жреца». Но Павел требует здесь совершенно другого испытания, а именно: такого, которое соответствует законному употреблению священной вечери.

И ты, читатель, знаешь наилучший способ этого испытания. Если хочешь воспользоваться благодеянием Христовым, принеси свою веру и покаяние. В этих двух вещах и состоит проверка, позволяющая тебе приступить подготовленным. В покаяние я включаю и любовь. Ведь научившийся отречься себя, посвятивший себя Христу и Его послушанию, без сомнения от всей души почит восхваляемое Христом единство. Но здесь не требуется ни совершенной веры, ни совершенного покаяния, вопреки тем, которые, чрезмерно настаивая на нигде не обретаемом совершенстве, навечно отваживают всех смертных от вечери. Но если ты с искренним душевным чувством воздыхаешь о праведности Божией, если, смирившись от осознания своей беды, полностью полагаешься на Христову благодать и успокаиваешься в ней, знай: ты – достойный участник пиршества и можешь смело приступать к трапезе. Под достойными я разумею тех, кого не исключает Сам Господь, даже если кое-что в них еще остается исправить. Ибо вера делает недостойных достойными, даже если возникла в них совсем недавно.

29) *Кто ест ... недостойно ... осуждение себе.* Ранее, говоря, что недостойно вкушающие виновны против тела и крови Господней, апостол указывал на тяжесть их преступления. Теперь же он устрашает недостойных возвещением грядущей кары. Ибо многие лишь тогда обращают внимание на грех, когда их поражает суд Божий. Итак, апостол устрашает их, говоря, что эта пища, в ином случае спасительная, обратится в яд для недостойно вкушающих и послужит их грядущей гибели.

И он приводит причину: *они не различают тело Господне.* А именно: не отличают его, как священное от мирского. Апостол как бы говорит: подобные люди касаются тела Христова немывтыми руками; больше того, они не думают о том, насколько драгоценно это тело, словно оно – совершенно никчемная вещь; итак, они понесут наказание за подобное осквернение. Однако читатели должны помнить сказанное мною ранее: недостойным все же предлагается тело, хотя недостойность и лишает их его причастия.

30. *Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает.* 31. *Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы.* 32. *Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром.* 33. *Посему, братия мои, собираясь на вечерю, друг друга ждите.* 34. *А если кто голоден, пусть ест дома, чтобы собираться вам не на осуждение. Прочее устрою, когда приду.*

(30. *Оттого многие из вас немощны и больны и немало усопших.* 31. *Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы.* 32. *Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром.* 33. *Посему, братия мои, собираясь для вкушения, друг друга ждите.* 34. *А если кто голоден, пусть ест дома, чтобы есть вам не на осуждение. Прочее устрою, когда приду.*)

30) *Оттого и т.д.* Сказав в целом о недостойном вкушении вечери, и о том, какая кара ожидает осквернителей этого таинства, апостол увещевает коринфян о претерпеваемом

ими наказаниями. Неизвестно, свирепствовала ли тогда в их городе язва, или коринфяне страдали от каких-то других болезней. Но что бы то ни было, из слов Павла мы выводим: Бог уже поднял Свою розгу ради их исправления. И Павел не просто догадывается, что коринфян наказывают именно за этот проступок. Он говорит об этом, как о чем-то для него очевидном. Итак, апостол утверждает, что многие болеют, многие страдают продолжительной немощью, многие умерли именно из-за злоупотребления вечерей. Ибо такие люди оскорбили Бога. Этим апостол хочет сказать, что болезни и другие насылаемые Богом кары увещевают нас подумать о наших грехах. И Бог не напрасно поражает нас. Ведь Он не услаждается нашим несчастьем.

Это – весомый и глубокомысленный довод. Но здесь достаточно сказать о нем лишь вкратце. И если во времена Павла не столь уж тяжкое искажение вечера смогло воспламенить гнев Божий на коринфян, приведший к столь суровому мщению, то что же надо думать о современном положении дел? Мы видим во всем папстве не только ужасную профанацию вечера, но и воздвигнутую вместо нее святотатственную мерзость.

Во-первых, вечерю используют для позорной наживы и торгашества. Во-вторых, ее изувечивают, лишая верующих чаши. В-третьих, ей придали совершенно чуждую форму, когда был принят обычай причащаться одному [священнику – прим. пер.] без приобщения других. В-четвертых, на вечере не изъясняют народу таинство, а скорее бормочут, а это больше подходит магическим заклинаниям или скверным священнодействиям язычников, нежели установлению Господню. В-пятых, бесконечные обряды, исполненные отчасти нелепостей, а отчасти – суеверий, представляют собой очевидное осквернение. В-шестых, возникло дьявольское измышление о жертве, содержащее в себе нечестивую хулу на Христову смерть. В-седьмых, происходит опьянение несчастных людей плотским самоупованием: они предьявляют Богу вечерю в качестве умилоствления, думая, что этим амулетом отгоняют от себя всякое зло, причем без веры и покаяния. Больше того, уповая на то, что они вооружились против дьявола и смерти, и надежно защищены от Бога, люди дерзают грешить с еще большей вседозволенностью и проявляют еще большее упорство. В-восьмых, поклонение воздается сегодня идолу, а не Христу. Итак, папистская вечеря исполнена всякого рода мерзостей.

Но даже у нас, восстановивших ее правильное совершение и словно вернувших ей изначальные права, какое процветает к ней непочтение! Какое лицемерие заметно во многих! Какое зловонное месиво: преступные и откровенно порочные люди открыто, бесстыдно и беспрепятственно приступают к вечере, те, с которыми никакой честный и стыдливый человек не согласится вкушать даже обычную пищу! И мы еще удивляемся, откуда столько войн, столько эпидемий, столько бесплодия, столько военных поражений и тягот? Как будто причина не очевидна. Действительно, не стоит надеяться на то, что бедам придет конец, покуда мы не дадим для этого повод и не избавимся от своих пороков.

31) *Если бы мы судили сами себя.* Еще одна примечательная фраза: Бог весьма медлен на гнев и не карает нас сразу после согрешения. Чаще всего наша небрежность и лень едва не вынуждают Бога обратить на нас внимание; когда Он видит, как мы спокойно почиваем и льстим себе в наших грехах. Итак, мы либо отвратим, либо смягчим грозящие нам кары, если прежде осудим самих себя и, покаявшись, умолим прогневавшегося Бога, добровольно налагая на себя наказание. В итоге, верующие упреждают Божий суд собственным покаянием. У них нет иного средства добиться прощения от Бога, нежели добровольно осудив самих себя.

Но здесь не следует думать (как делают паписты), что между нами и Богом происходит какая-то сделка. Как будто мы, добровольно налагая на себя наказание, приносим Ему удовлетворение и неким образом выкупаем себя из Его десницы. Итак, мы отвращаем суд Божий не потому, что приносим какое-то возмещение, умиротворяющее Бога. Причина в другом: поскольку Бог, наказывая нас, хочет стряхнуть с нас оцепенение и пробудить нас

к покаянию, если мы делаем это сами и добровольно, у Него больше нет причины продолжать творить над нами Свой суд. Если же кто, разонравившись себе и начав думать о покаянии, все еще испытывает удары Божией розги, будем знать: его вразумление не настолько твердо и основательно, чтобы не нуждаться в некотором наказании, помогающем достичь лучшего результата. Вот каким образом покаяние предваряет суд Божий. Оно делает это через подходящее врачевство, а не через возмещение Богу.

32) *Будучи же судимы.* Весьма необходимое утешение. Ведь если кто-то, пребывая в скорби, помыслит о том, что Бог на него гневается, он скорее падет духом, нежели подвигнется к покаянию. Поэтому Павел говорит: Бог гневается на верующих так, что одновременно не забывает о Своем милосердии. Больше того, Он наказывает их собственно для того, чтобы помочь их спасению. Бесценное утешение: кары, исправляющие наши проступки, суть свидетельства не гнева Божия, направленного к нашей гибели, но скорее Его отеческой к нам любви, и одновременно служат нашему спасению. Ибо Бог гневается на нас, как на детей, которых не хочет погубить.

Говоря же: «чтобы не быть осужденными с миром», апостол имеет в виду два положения: дети мира сего, спокойно и беспечно поживая в своих уладах, подобно свиньям утучняются на день заклания. Хотя Господь Своею розгой порой приглашает к покаянию и нечестивых, чаще Он все же проходит мимо них, как Ему чуждых, и позволяет безнаказанно грешить, доколе не исполнится мера их наивысшего осуждения. Итак, благодать эта относится только к верующим, только они вразумляются карами, чтобы не погибнуть. Второе положение таково: карательные средства необходимы для верующих, ибо они низверглись бы в вечную гибель, если бы их не сдерживали временные наказания.

И подобные размышления должны научить нас не только терпению, дабы мы могли спокойно переносить тяготы, посылаемые Богом, но и благодарности, дабы, благодаря Богу и Отца, добровольно повиноваться Его дисциплинирующему воспитанию. Эти размышления во многих отношениях полезны и нам: они делают наказания спасительными для нас, приучая нас к умерщвлению плоти и благочестивому смирению; они приучают нас к послушанию Богу, изобличают присущую нам немощь, возжигают в наших душах молитвенный пыл, упражняют нашу надежду, дабы, в конце концов, если во всем этом и присутствует какая-то горечь, ее поглотила духовная радость.

33) *Посему, братия.* От рассмотрения общего учения апостол переходит к частному положению, о котором говорил вначале. И делает вывод: при проведении вечери Господней следует соблюдать равенство, дабы она, как и положено, стала истинным приобщением, и никто не совершал ее отдельно от других. Кроме того, он утверждает, что таинство это не следует смешивать с мирскими пиршествами.

34) *Прочее устрою, когда приду.* Вероятно, у коринфян имелись и другие подлежащие исправлению пороки. Однако, поскольку отклонения эти были менее серьезны, апостол откладывает их устранение до своего прихода. Хотя, возможно, дело обстояло и не так. Но, коль скоро личное присутствие дает возможность лучше определить приносящее пользу, Павел оставляет за собой свободу в будущем произвести у коринфян обустройство, которого потребуют обстоятельства.

Этот отрывок паписты предъявляют нам, прикрывая им свою мессу, словно каким-то щитом. Они толкуют его так, будто месса – именно то обустройство, совершить которое тогда обещал Павел. Словно апостол позволил бы себе извратить одобряемое им здесь вечное установление Христово. Ибо что общего с этим установлением у мессы? Но да умолкнет подобная болтовня! Несомненно, что Павел говорит здесь только о внешнем благообразии, а оно, будучи оставленным на усмотрение церкви, должно устанавливаться в зависимости от обстоятельств времени и места, а также от состояния людских душ.

1. Не хочу оставить вас, братия, в неведении и о дарах духовных. 2. Знаете, что когда вы были язычниками, то ходили к безгласным идолам, так, как бы вели вас. 3. Потому сказываю вам, что никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса, и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым. 4. Дары различны, но Дух один и тот же; 5. и служения различны, а Господь один и тот же; 6. и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех. 7. Но каждому дается проявление Духа на пользу.

(1. Далее, не хочу оставить вас, братия, в неведении о духовных. 2. Вы знаете, что, когда были язычниками, то следовали за безгласными идолами так, словно вас вели. 3. Потому извещаю вас, что никто, говорящий Духом Божиим, не произнесет анафемы на Иисуса, и никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым. 4. Есть различие даров, но Дух один и тот же; 5. есть различие служений, а Господь один и тот же; 6. есть различие способностей, а Бог один и тот же, производящий все во всех. 7. Но каждому дается проявление Духа на пользу.)

1) *О дарах духовных (о духовных).* Теперь апостол переходит к исправлению другого порока, а именно: поскольку коринфяне злоупотребляли дарами Божиими для показухи и помпы, совершенно не заботясь о любви, Павел учит, с какой целью Бог наделил верующих разными видами духовной благодати. Он сделал это для назидания братьев. Но свое утверждение апостол разделяет на две части. В первой, он делает Бога автором всех этих даров, а во второй, установив этот принцип, рассуждает об их цели. Ссылаясь на собственный опыт слушателей, он доказывает: то, чем они надмевались, было ниспослано им по благодати Божией. Павел напоминает коринфянам, сколь грубыми, глупыми, лишенными всякого духовного света были они прежде, чем их призвал Бог. Итак, ясно, что дарами этими наделила их не природа, а незаслуженная благость Божия.

Что касается отдельных слов, то во фразе: «не хочу оставить вас в неведении», подразумевается неведение того, что правильно, того, в чем состоит ваше служение, или нечто подобное. А духовным, как мы увидим впоследствии, апостол называет виды духовной благодати.

Следующая же фраза допускает два варианта чтения. Некоторые кодексы содержат только слово **ὅτι**, а другие добавляют **ὅτε**. Первое слово переводится как пояснительное «что», а второе – «когда». И последнее чтение больше подходит к контексту. Впрочем, кроме этого различия в самой конструкции предложения видна определенная путаница. Однако смысл все равно остается ясным. Дословно сказано так: вы знаете, что, когда были язычниками, за безгласными идолами, словно вас вели, следующими. Но суть сказанного Павлом я передал вполне правильно.

Идолов апостол называет безгласными, имея в виду, что они лишены движения и чувства. Этот отрывок учит нас, насколько слеп человеческий разум, лишенный просвещения Святого Духа. В этом состоянии он цепенеет перед немymi идолами и не может подняться выше в поисках Бога.

Слово «язычники» апостол употребляет в том же смысле, что и в Послании к Ефессянам: некогда вы были язычниками (Еф.2:11), без Бога, чуждыми надежды на спасение, и т.д. Также возможно, что апостол рассуждает путем сравнения противоположностей: коринфяне не должны выказывать меньшую обучаемость по отношению к Богу, принявшему их под Свое управление через Слово и Дух, если прежде они охотно и послушно следовали наущениям сатаны.

3) *Потому сказываю вам (извещаю вас).* Сославшись на их собственный опыт и дав соответствующее увещание, апостол излагает общее следующее из него учение. Ибо то, что коринфяне ощущали в самих себе, свойственно всем смертным: скитаться в заблуждениях прежде, чем придти к истине в силу благодетия Божия. Итак, Дух Божий с необходимо-

стью должен нами управлять. В противном случае мы будем вечно заблуждаться. Отсюда также следует: все, относящееся к истинному знанию Божию, есть дар Святого Духа.

Довод апостола состоит в следующем: противоположные причины рожают противоположные следствия. Никто не может проклинать Христа, говоря Духом Божиим, и, наоборот, никто не может Его проповедовать, если не говорит от Духа. *Произнести анафему* на Иисуса означает изречь на Него хулу. *Назвать же Иисуса Господом* значит почтительно и уважительно о Нем говорить, проповедуя Его величие.

Но спрашивается: коль скоро нечестивые порой прекрасно и великолепно рассуждают о Христе, имеют ли они Духа Божия? Отвечаю: без сомнения они имеют Его в смысле Его воздействия. Но иное дело – дар возрождения, и иное – дар простого понимания, которым был наделен и Иуда, когда проповедовал Евангелие. Отсюда также ясно, сколь велика наша немощь. Ведь мы не можем даже пошевелить языком для прославления Бога, если нами не управляет Его Дух. Об этом также¹ везде говорит Писание. Да и сами святые учат, что если Господь не отверзет им уста, они не смогут подойти на роль Его вестников. Среди них и пророк Исаия, говорящий (гл. 5:6): уста мои осквернены, и т.д.

4) *Дары различны (есть различие даров)*. Гармония Церкви состоит (так сказать) в ее многообразном единстве. То есть, разнообразие даров преследует одну цель, подобно тому, как в симфонии гармонично устроенное разнообразие звуков в совокупности своей создает единую музыку. Значит, надлежит быть и различию между дарами, и сведению их всех воедино. Поэтому Павел в Рим.12 расхваливает это разнообразие даров. И дабы никто, по дерзости вторгаясь в чужое служение, не нарушил установленное Господом различие, апостол велит каждому в отдельности довольствоваться своими дарами или, как говорит пословица: заботиться о Спарте, которой овладел, – а также запрещает каждому преступать положенные ему пределы из-за собственного неуместного рвения. Наконец, апостол увещевает каждого подумать о том, сколько именно ему дано, какой мерой благодати он наделен, и к чему он призван.

В нашем же отрывке Павел велит верующим несколько иное: снести воедино все, чем они обладают, и, не заглушая даров Божиих их отдельным использованием, соединить усилия во взаимном назидании. В обоих случаях использовано сравнение с человеческим телом, но, как видно, по разным причинам. Итог сводится к следующему: виды данной верующим благодати различны не до такой степени, чтобы оказаться разделенными; но в различии их содержится единство, коль скоро источником всех даров является один и тот же Дух, а Господом всех служителей и творцом всех способностей – один и тот же Бог. Бог же, будучи началом, также должен быть и нашей конечной целью.

Дух один. Это место следует внимательно рассмотреть и использовать против фанатиков, для которых имя Духа означает не сущность, а лишь дары или действия божественной силы. Здесь же Павел ясно дает понять, что у Бога есть одна сущностная сила, от которой истекают все Его дела. Действительно, порою имя Духа метонимически переносится на сами дары. Так, например, мы читаем о Духе разумения, суда, мужества, кротости. Но здесь Павел ясно свидетельствует: из одного источника исходят и суд, и разумение, и кротость, и все им подобное. Ибо служение Святого Духа состоит в том, чтобы, ниспосылая эти дары и распределяя их среди людей, проявить силу Божию и выказать ее на деле.

5) *Господь один*. Древние использовали это свидетельство против ариан для доказательства существования в Боге трех Лиц. Ибо здесь говорится о Духе, затем – о Господе и, наконец, – о Боге. И всем трем приписывается одно и то же действие. Таким образом, под именем Господа они разумели Христа. Но я, хотя и легко согласился бы с таким смыслом, все же вижу, что этот довод слаб, если бы кто-то выдвинул его против ариан. Ибо слова «служения» и «Господь» между собой соотносятся. Служения, – говорит Павел, – различны,

---

¹ Свидетельствует Давид, прося дать ему Духа: Господи, уста мои отверзи. А также

но Бог один, Которому нам надлежит служить, какими бы ни были наши обязанности. Так что в этом антитезисе заложен весьма простой смысл, и относить сказанное ко Христу было бы весьма натянутым.

б) *Бог один и тот же.* Там, где мы перевели «способности», по-гречески сказано **ἑνεργήματα**. А слово это содержит намек на глагол «действовать». Подобно тому, как в латинском языке слово «следствие» (effectus) происходит от глагола «производить» (efficere). Павел хочет сказать, что, хотя верующие и отличаются разными добродетелями, все они проистекают от единой Божией силы. Посему в этом отрывке фраза «производить все во всех» относится не к общему провидению Божию, а к Его щедрости, которую Он проявляет к нам, удостаивая каждого какого-нибудь вида благодати. Итог следующий: все доброе и достойное похвалы в людях происходит от одного Бога. Посему здесь неуместно ставить вопрос о том, как действует Бог в отверженных и сатане.

7) *Каждому дается проявление Духа.* Теперь апостол показывает цель, с какой Бог предназначил Свои дары. Ибо Он не напрасно ниспосылает их нам и не хочет, чтобы они служили показухе. Поэтому надо задать вопрос о том, как правильно их использовать. И на этот вопрос Павел отвечает: **πρὸς τὸ συμφέρον**, то есть так, чтобы Церковь получала от них плоды.

Проявление Духа можно понимать как в пассивном, так и в активном смысле: в пассивном, поскольку там, где имеется пророчество или знание, или какой-либо другой дар, проявляется Божий Дух; в активном, поскольку Дух Божий, наделяя нас каким-либо даром, раскрывает Свою сокровищницу, дабы явить нам то, что в противном случае было бы сокрыто и утаено. Причем, второе толкование подходит больше. Сказанное же Златоустом звучит несколько грубо и натянуто: слово «проявление» употребляется здесь потому, что неверующие признают Бога только в видимых чудесах.

8. *Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; 9. иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; 10. иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. 11. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно. 12. Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. 13. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом.*

(8. *Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; 9. иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; 10. иному способности сил, иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. 11. Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно. 12. Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, – так и Христос. 13. Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все черпали питье в одном Духе.)*

8) *Одному.* Теперь апостол говорит о разделении даров, то есть, перечисляет отдельные их виды. Причем, не все, но те, которые достаточны для его настоящей цели. Он говорит, что верующие выделяются разными дарами. Но каждый все, что имеет, должен приписывать Духу Божию. Ведь Дух изливает дары подобно тому, как солнце повсюду распространяет свои лучи.

Что же касается различия между этими дарами, то знание и мудрость в Писании понимаются в различных смыслах. Здесь я понимаю их как меньшее и большее. И в Кол.2:3 они также соединяются вместе, когда Павел говорит о том, что все сокровища мудрости и знания заключены во Христе. Итак, знание означает для меня разумение священных вещей, а мудрость – его совершенство (eius consummationem). Иногда между ними как что-то про-

межуточное помещают благоразумие. И тогда это слово означает опыт использования разумения на деле. Эти два понятия очень близки, но в их соединении видно и различие. Итак, знание – это нечто среднее (*mediocris*), а мудрость содержит в себе более таинственные и возвышенные откровения.

Слово «вера», как вскоре будет ясно из контекста, означает здесь веру особую. Она заключается не в принятии всего Христа для искупления, праведности и освящения, но лишь в совершении чудес от Его имени. Такую веру имел Иуда, творя через нее разные чудеса. Златоуст же толкует несколько иначе: верою он зовет здесь ту, которая относится к знамениям, а не догматическую, что, однако же, не сильно отклоняется от первого смысла.

Что такое *дары исцелений* – известно каждому.

По поводу *способностей сил* или (как переводят другие) *действий сил* сомнений возникает больше. Я склоняюсь к тому, что сила – это то, что используется против бесов и против лицемеров. Итак, когда Христос и апостолы властью Своей сдерживали бесов и приводили их в бегство, и проявлялось это *ἐνέργημα*. Оно же проявлялось, когда Павел ослепил волхва, а Петр умертвил Ананию и Сапфиру одним своим словом. Итак, дары исцелений и чудотворений служат божественной благодати, а последний из них – также суровости для разрушения царства сатаны.

Под *пророчеством* я разумею особый и чрезвычайный дар изъяснения тайной Божией воли. Так что пророчество – словно Божий вестник, обращающийся к людям. Почему я так думаю, подробнее расскажу после.

Различение духов – это прозорливость в распознавании людей, говорящих, что они что-то из себя представляют. Я говорю не о природном благоразумии, которому мы следуем в своем суждении, но об особом свете, ниспосланном некоторым людям как Божий дар. Использование его состояло в том, чтобы не обманываться личинами и пустыми масками, а посредством духовного суждения, как бы по некоему признаку, отличать истинных слугителей Христовых от ложных.

От *знания языков* отличается их *истолкование*, ибо наделенные первым часто не понимали язык народа, с которым имели дело. Толкователь же перелагал чужие языки на народное наречие. И дары эти верующие приобретали в то время не путем труда или обучения, но от чудесного откровения Духа.

11) *Один и тот же Дух*. Отсюда следует, что дурно поступают те, кто, никак не заботясь об общении, разрушают святую гармонию, достигающую полного совершенства там, где все под водительством Духа стремятся к одной цели. Апостол снова призывает коринфян к единству, увещевая, что все они почерпнули все, чем обладают, из одного источника. Одновременно он учит, что никто не имеет столь многого, чтобы довольствоваться самим собою и не нуждаться в помощи других. Апостол высказывает эту мысль в следующих словах: *разделяя каждому особо, как Ему угодно*. Итак, Дух Божий разделяет между нами дары, дабы мы снесли их воедино. Он никому не дает всего, дабы никто, довольствуясь своей участью, не отделялся от других и не жил для самого себя. К этому же относится наречие «особо», поскольку весьма важно сохранять то различие, с помощью которого Бог соединяет нас друг с другом. Из того же, что Духу приписывается здесь воля, причем связанная с властью, можно заключить, что Дух зовется Богом воистину и в собственном смысле слова.

12) *Ибо, как тело одно*. Теперь апостол проводит сравнение с человеческим телом, которым он также пользуется в Рим.12:4, но, как я говорил выше, с другой целью. Там он велит каждому довольствоваться своим призванием и не вторгаться в чужое служение. Ведь тщеславие, любопытство, или какие-либо другие виды похоти многих толкают взваливать на себя больше положенного. Здесь же апостол увещевает верующих прилепляться друг

ко другу через взаимное общение в дарах. Ибо Бог дал дары не для того, чтобы каждый использовал их только для себя, но чтобы каждый через эти дары оказывал другому вспомоществование.

Впрочем, вполне привычно называть любое человеческое сообщество или объединение телом. К примеру, горожане, сенат и народ являются одним телом. И Менений Агриппа, некогда желавший примирить несогласных с сенатом римских простолудинов, в качестве защиты привел учение, кое в чем похожее на учение Павла. Но в отношении христиан дело обстоит совсем иначе. Ибо они составляют не только политическое сообщество, но и являются тайным и духовным телом Христовым. И об этом же говорят добавленные Павлом слова.

Итак, смысл следующий: хотя члены тела различны и различаются по своему предназначению, они все же настолько связаны между собой, что срастаются в единое целое. Поэтому мы, являясь членами тела Христова, хотя и выделяемся разными дарованиями, должны заботиться о нашем единстве, которое мы имеем во Христе.

Так и Христос. Имя Христово поставлено здесь вместо имени Церкви. Ведь сравнение касается в этом месте не Единородного Сына Божия, а применяется к нам самим. Этот отрывок исполнен великого утешения, ибо Христос удостоивает нас такой чести, что хочет быть признанным не в Самом Себе, но и в Своих членах. Посему в другом месте тот же апостол говорит (Еф.1:23): Церковь является восполнением Христовым, дабы Он не оказался отделенным от Своих членов и в каком-то смысле искалеченным. И действительно (как изысканно говорит в одной книге Августин), если мы – плодоносная лоза во Христе, чем мы будем вне Его, как не засохшими ветвями? Утешение же наше состоит в том, что, как едины Христос и Отец, так и мы будем едины с Ним. Отсюда и происходит этот перенос наименований.

13) *Все мы одним Духом крестились.* Доказательство, основанное на результате крещения. Мы, – говорит апостол, – прививаемся к телу Христову, дабы быть подобно членам, соединенным взаимными связями, и жить одной жизнью. Значит тот, кто хочет пребывать в Церкви Христовой, с необходимостью должен почитать это сообщество.

Павел говорит о крещении верующих, действительном по благодати Духа. Ибо для многих крещение является лишь символом, лишенным какой-либо действительности. Но верующие вместе с таинством принимают и саму означаемую им вещь. И со стороны Бога всегда истинно, что крещение есть привитие к телу Христову. Ибо Он изображает в крещении только то, что готов исполнить на деле, лишь бы мы были к этому восприимчивы. Апостол весьма точен в своих словах: он учит, что крещение по своей природе соединяет нас в единое Христово тело, но дабы никто не приписывал сказанное только внешнему символу, добавляет, что это – дело Святого Духа.

Иудеи или Еллины. Апостол перечисляет разные категории людей, давая понять, что никакое различие в общественном положении не мешает восхваляемому им святому единству. И говорит об этом весьма уместно и своевременно: ибо в те времена зависть могла возникнуть от того, что иудеи не хотели уравнивать с собой язычников, и каждый, превосходящий в чем-либо других, держась за свое положение, удалялся тем самым от братьев.

И все напоены одним Духом (черпали питье в одном Духе). Дословно сказано: мы напоены в один Дух, но ясно следующее: чтобы два слова *ἐν* и *ἐν* не встретились вместе, Павел намеренно изменил *ἐν* на *εἰς*, что довольно часто делает и в других местах. Итак, апостол скорее имеет в виду, что мы напоены силою Духа Христова, нежели то, что мы черпали один и тот же Дух.

Далее, не ясно, говорит ли он о крещении или о вечере. Мне больше по душе относить сказанное к вечере, поскольку апостол упоминает о питии. Я не сомневаюсь, что это – намек на аналогию с символом вечери. Ведь у крещения нет ничего общего с питием. И хотя

чаша – только половина вечери Господней, в сказанном нет ничего несуразного. Ведь у Писания есть обычай говорить о таинствах, используя синекдоху. Так выше, в главе десятой, умолчав о чаше, апостол упомянул только хлеб. Поэтому смысл в следующем: причащение чаши направлено на то, чтобы все мы черпали одно и то же духовное питание. Ибо во время причащения мы пьем животворящую кровь Христову, дабы жить с Ним одной жизнью. А это происходит тогда, когда Христос живет в нас² Своим Духом. Итак, апостол учит верующих: как только они получают начаток через крещение Христово, то уже напеваются усердием к сохранению взаимного единства. А затем, через принятие святой вечери, они все теснее соединяются друг с другом, поскольку совместно подкрепляются одним и тем же питием.

14. Тело же не из одного члена, но из многих. 15. Если нога скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не рука, то неужели она потому не принадлежит к телу? 16. И если ухо скажет: я не принадлежу к телу, потому что я не глаз, то неужели оно потому не принадлежит к телу? 17. Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние? 18. Но Бог расположил члены, каждый в составе тела, как Ему было угодно. 19. А если бы все были один член, то где было бы тело? 20. Но теперь членов много, а тело одно. 21. Не может глаз сказать руке: те мне не надобна; или также голова ногам: вы мне не нужны. 22. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, гораздо нужнее, 23. и которые нам кажутся менее благородными в теле, о тех более прилагаем попечения; 24. и неблагообразные наши более благовидно покрываются, а благообразные наши не имеют в том нужды. Но Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, 25. дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о друге. 26. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. 27. И вы – тело Христово, а порознь – члены.

(14. Тело же не один член, но многие. 15. Если нога скажет: я не от тела, потому что я не рука, то неужели она потому не от тела? 16. И если ухо скажет: я не от тела, потому что я не глаз, то неужели оно потому не от тела? 17. Если все тело глаз, то где слух? Если все слух, то где обоняние? 18. Но Бог расположил члены, каждый из них в теле, как Ему было угодно. 19. А если бы все были один член, то где было бы тело? 20. Но теперь членов много, а тело одно. 21. Не может глаз сказать руке: те мне не нужна; или также голова ногам: вы мне не нужны. 22. Напротив, члены тела, которые кажутся слабейшими, необходимы, 23. и которые мы считаем менее благородными в теле, те окружаем более обильным почетом; и менее почтенные в нас украшаются более, 24. а пристойные в нас не имеют в том нужды. Но Бог соразмерил тело, придав нуждающемуся большую честь, 25. дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково по очереди заботились друг о друге. 26. Посему, страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены. 27. И вы – тело Христово, а в качестве частей – члены.)

15) *Если нога скажет.* Это – **ἐπεξερῶσιν** предыдущего предложения, то есть, его шлифовка с некоторым усилением смысла, изъясняющим то, что раньше было сказано вкратце. Далее, все это соответствует апологетическому слову Менения Агриппы. Если в теле возникает раздор, и ноги, желудок, глаза и руки не хотят служить остальному телу, что произойдет? Разве не последует гибель всего тела? Хотя Павел, собственно говоря, настаивает здесь на одном: отдельные члены должны довольствоваться своим местом и степенью, и не завидовать другим. Причем более благородные члены он сравнивает с теми, достоинство которых меньше. Ибо глаз занимает в теле более почетное положение, чем рука. А рука – более почетное, чем нога. Но если руки из-за зависти откажутся исполнять свой долг, разве природа это потерпит? Разве кто-нибудь будет слушать руку, желающую отделиться от остального тела?

---

² Далее, Дух этот един

Не быть от тела означает здесь не иметь какого-либо общения с другими членами, но жить для себя и служить собственным интересам. Разве руке позволено, – говорит Павел, – не служить прочим членам лишь потому, что она завидует глазу?

Все это сказано о теле природном, но должно прилагаться и к членам Церкви, дабы тщеславие, дурное ревнование или зависть не породили между нами озлобленности, и чтобы всякий, занимающий низшее место, не тяготился помогать занимающим место высшее.

17) *Если все тело глаз.* Апостол от невозможного опровергает глупое стремление к полному равенству. Если, – говорит он, – все члены пожелают достоинства глаза, все тело погибнет. Ибо невозможно, чтобы тело оставалось невредимым и целостным, если у его членов не будет разных способностей и взаимного воздействия друг на друга. Итак, равенство противоречит сохранению всего тела, поскольку порождает неразбериху, ведущую к гибели. Поэтому, какое безумие, если один член, не желая уступить другому, будет тем самым способствовать и своей, и всеобщей гибели?

18) *Но Бог расположил.* Еще один довод, основанный на установлении Божиим. Богу было угодно, чтобы тело состояло из разных членов, и эти члены отличались разными служениями и дарованиями. Итак, если член не будет доволен своим положением в теле, он подобно древним гигантам объявит войну Богу. Посему подчинимся порядку, установленному Самим Богом, дабы не оказаться напрасно противящимися Его воле.

19) *Если бы все были один член.* Апостол хочет сказать, что Бог наделил члены разными дарами вполне обдуманно и обоснованно. Он сделал так, поскольку это было необходимо для сохранности тела. Ведь, если подобная симметрия нарушится, установятся смута, разруха и хаос. С тем большим усердием нам надлежит повиноваться провидению Божию, столь подходяще расположившему все члены ради нашего общего блага.

Под одним членом здесь понимается телесная масса, имеющая какую-то одну форму и не содержащая внутри себя никаких различий. Ведь если бы Бог слепил наше тело в подобном виде, оно представляло бы собою бесполезное нагромождение материи.

20) *Членов много, а тело одно.* Апостол часто проводит эту мысль, поскольку в ней и заключается вся суть вопроса, а именно: единство тела таково, что может иметь место только при различии между членами. Поэтому члены отличаются друг от друга служениями и способностями, дабы быть взаимно связанными для сохранности всего тела. Итак, апостол учит: никакое тело не сохранится без многообразной гармонии между его членами. И мы должны знать: когда каждый исполняет свой долг, он способствует и личному спасению, и общему спасению всех.

21) *Не может глаз сказать руке.* До этого апостол учил тому, каково служение низших членов, а именно: помогать всему телу и не завидовать членам высшим. Теперь же, наоборот, он заповедует более благородным членам не презирать низшие, без которых высшие никак не могут обойтись. Глаз превосходит руку, но он не может ее презирать или относиться к ней, как к бесполезной. И доказывая, что именно так должно быть, апостол основывается на пользе. Члены, почитаемые низшими, необходимы более других. Значит, дабы тело пребывало в сохранности, ими не стоит пренебрегать.

Под *слабейшими* членами апостол имеет в виду члены презираемые, как и в другом месте (2Кор.12:9), говоря, что хвалится своими немощами, Павел означает этим словом то, что делало его презренным и невзрачным.

23) *Менее благородными.* Согласно доводу апостола, позор одного члена выливается в общее поношение всего тела. И это явствует из той озабоченности, с которой мы покрываем менее благородные члены. Благородные члены, – говорит апостол, – не нуждаются во внешнем украшении, о постыдных же и не столь благородных членах мы заботимся с

большим усердием. И по какой же причине, если не по той, что их позор был бы общим позором для всего тела?

Окружать почетом означает здесь покрывать с целью украшения, дабы члены, вызывающие стыд, оказались почетным образом прикрыты.

24) *Но Бог соразмерил тело.* Апостол повторяет сказанное ранее. Однако теперь его слова звучат более выразительно. Подобную гармонию установил Сам Бог, причем для пользы всего тела, поскольку иначе оно не могло бы пребывать в сохранности. Ведь от чего все члены добровольно пекутся о достоинстве менее благородного из них, и все стремятся скрыть его позор? Подобную склонность внушил им Сам Бог, поскольку без этого правила в теле скоро возник бы раздор. Отсюда явствует: как только кто-то присваивает себе больше, чем ему дано, он не только вредит телу и извращает природный порядок, но и открыто отвергает авторитет Бога.

26) *Страдает ли один член.* В человеческом теле, по словам Павла, наблюдается такая *συμπάθεια*, что, если какой-нибудь член испытывает неудобства, все остальные страдают вместе с ним так же, как и сорадуются его благополучию. Значит, здесь нет места ни для зависти, ни для презрения. Слово «славиться» понимается здесь в широком смысле как пребывание в благополучии и счастье. Ибо больше всего способствует согласию такое взаимодействие, когда каждый признает, что обогащается благами и обедняется нищетою других.

27) *И вы – тело Христово.* Значит, все, сказанное ранее о природе и состоянии человеческого тела, должно быть приложено и к нам. Ибо мы составляем не только гражданское сообщество, но и, будучи привиты ко Христову телу, являемся друг для друга членами. Итак, пусть каждый из нас знает: все, что у него есть, дано ему для общего назидания братьев. Поэтому он должен выложить это перед всеми, а не хоронить где-то внутри себя или использовать как свое собственное. Тот, кто выделяется большей благодатью, должен не презирать других и не превозноситься в гордыне, а размыслить о том, что даже самый ничтожный член может принести ему пользу. И воистину даже низший из благочестивых приносит свои, пусть и скудные, плоды, дабы в Церкви не было бесполезных членов. Те же, кто не устаивается высокой чести, пусть не завидуют высшим и не отказывают им в подчинении, но держатся за место, на которое их поставили. Да будут среди нас взаимная любовь, взаимная *συμπάθεια*, взаимное попечение. Будем же думать об общей пользе, дабы не повредить Церкви злобой, завистью, гордыней или каким-нибудь раздором, и дабы каждый из нас по мере сил заботился о ее освящении.

Это – пространный и превосходный довод, но мне вполне достаточно показать, как приспособить сказанное апостолом к Церкви.

Порознь (в качестве частей). Златоуст думает, будто эта фраза вставлена потому, что коринфяне не представляли собой вселенскую Церковь. Но этот смысл мне кажется натянутым. Некогда я думал, что подобная вставка указывает на переносный смысл. Однако сейчас, обдумав все детали, я скорее отнес бы сказанное к упомянутому ранее различию между членами. Итак, члены являются таковыми, потому что они – части. Ведь каждому члену приписан его удел и ограниченное служение. И к этому смыслу подводит нас сам контекст. Таким образом, выражения «в качестве частей» и «взятые вместе» друг другу противоположны.

28. *И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, Апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее, иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки.* 29. *Все ли Апостолы? все ли пророки? все ли учителя? все ли чудотворцы?* 30. *Все ли имеют дары исцелений? все ли говорят языками? все ли истолкователи?* 31. *Ревнуйте о дарах больших, и я покажу вам путь еще превосходнейший.*

(28. И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями; далее идут силы, затем дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки. 29. Все ли апостолы? Все ли пророки? Все ли учителя? Все ли силы? 30. Все ли имеют дары исцелений? Все ли говорят языками? Все ли истолкователи? 31. Последуйте же дарам большим.)

В начале главы апостол говорил о способностях. Теперь он начинает рассуждать о служениях, и порядок этот достоин особого внимания. Ибо Господь не назначил бы служителей, если бы прежде не снабдил их необходимыми дарами и не приготовил к исполнению вверенного им служения. Отсюда можно вывести: те, кто, не имея соответствующей способности, вторгается в дела Церкви, являются фанатиками и подстрегаются злым духом. Они претендуют на водительство Святого Духа, хвалясь таинственным призванием Божиим, будучи, между тем, неучами и совершенными профанами. Однако природный порядок заключается в том, чтобы служению предшествовали дары. И подобно тому, как ранее Павел учил, что все, данное отдельным верующим, следует сносить в общую копилку, так и теперь он говорит: обязанности распределены так, что все, соединив усилия, должны вместе назидать Церковь, причем каждый в меру своих способностей.

28) *Во-первых, апостолами.* Павел не перечисляет все виды служений, ибо это было ему не нужно. Он только хочет привести отдельные примеры. В четвертой главе Послания к Ефессянам (ст. 11) приводится более полный перечень служений, постоянно требующихся для управления Церковью. Там, если даст Господь, я и расскажу об их содержании. Хотя даже в Послании к Ефессянам апостол не упоминает все виды служений.

Что же касается настоящего отрывка, следует отметить: из упомянутых Павлом служений одни являются постоянными, а другие – временными. Постоянные совершенно необходимы для управления Церковью, а временные, предназначенные вначале для основания Церкви и воздвижения Царства Христова, некоторое время спустя прекратили свое существование.

К первому типу относится служение учителя, ко второму – апостола. Ибо Господь поставил апостолов, дабы они сеяли Евангелие по всему миру. Он не дал каждому апостолу собственный удел или приход, но хотел, чтобы апостолы, куда бы они ни пошли, служили Его послами во всех народах и племенах. В этом они отличаются от прочих пастырей, неким образом привязанных к своим церквям. Ибо у пастыря есть заповедь не проповедовать Евангелие по всему миру, а заботиться о церквях, порученных его опеке.

В Послании к Ефессянам Павел к апостолам присоединяет Евангелистов, здесь же он о них умалчивает. Ибо сразу же переходит от высшей степени служения к пророкам, под которыми понимает (на мой взгляд) не тех, кто отличался даром прорицания, а тех, кто обладал особой благодатью не только толковать Писания, но и разумно приспособлять их учение к конкретным ситуациям. Причина, по которой я так считаю, состоит в следующем: пророчество апостол ставит прежде всех остальных даров, поскольку оно способно к большему назиданию. А эта похвала никак не подходит к предсказанию будущих событий. Кроме того, определяя пророческий дар или, по крайней мере, рассуждая о том, что пророк должен делать в первую очередь, апостол говорит, что он занят утешением, увещанием и учением. Но все это отличается от предсказания. Итак, пусть пророки будут для нас в этом отрывке, прежде всего, выдающимися толкователями Писания. Кроме того, наделенные необычайной мудростью и здравомыслием в определении текущих нужд Церкви, они должны говорить весьма уместно и своевременно. По этой причине эти люди служат как бы вестниками божественной воли.

Между ними и учителями можно отметить то различие, что служение учителя заключается в сохранении и распространении здравых догматов, дабы религия в Церкви соблюдалась в чистоте. Хотя даже это слово понимается по-разному, и здесь, возможно, означает скорее пастора. Разве что кто-то предпочтет разуметь его в более общем смысле, как ука-

зывающее на всех, наделенных способностью учить. В этом смысле оно понимается в Деян.13:1, где Лука соединяет учителей с пророками. Но почему я не согласен с теми, кто все пророческое служение видит в толковании Писаний? Причина в следующем: Павел предписывает, что говорить должны два или три пророка, и причем по порядку. А это не подходит простому толкованию Писаний. В конце концов, я думаю так: пророками называются люди, которые, правильно и умело применяя прорицания, угрозы, обетования и все библейское учение к текущим нуждам Церкви, являют ей тем самым Божию волю. Если же кто-то не согласится, с готовностью это стерплю и не стану затевать по этому поводу споры. Ибо весьма трудно судить о тех дарах и служениях, которых Церковь лишена столь долгое время, и от которых остались только отдельные следы или тени.

О *силах и дарах исцелений* я говорил в 12-й главе. Здесь мы отметим лишь следующее: апостол говорит не столько о самих дарах, сколько об их употреблении. И поскольку он перечисляет здесь отдельные служения, я не согласен с мнением Златоуста, утверждавшего, что ἀντιλήψεις, то есть, вспоможения и раздаяния, состояли в поддержании немощных братьев. Что же следует из этого? Или некогда существовали служение и дар, сегодня совершенно нам не известные, или все сказанное относится к диаконии, то есть, к заботе о бедных. И второй вариант нравится мне больше. Причем, апостол в Рим.12:7 упоминает о двух разновидностях диаконии, которые там и рассматривает.

Управления я толкую как старейшин, надзирающих за дисциплиной. Ведь первоначальная Церковь имела собственный сенат, следивший за чистотой нравов в народе. И Павел намекает на это в другом месте (1Тим.5:17), упоминая о двух пресвитерских чинах. Значит, управление представляло собой пресвитеров, отличавшихся в глазах других серьезностью, опытом и авторитетом.

Под *разными языками* апостол понимает как знание языков, так и благодать их истолкования. Это – две различные способности, поскольку порой кто-то говорил на многих языках и, тем не менее, не знал языка той церкви, с которой имел дело. Так вот, данный недостаток как раз и восполняли толкователи.

29) *Все ли апостолы?* Возможно, кто-то мог быть наделен сразу многими дарами и одновременно исполнял несколько служений. В этом предположении нет ничего глупого. Но цель апостола состояла в изложении двух мыслей. Первая: никто не изобилует настолько всеми дарами, чтобы довольствоваться самим собой и не нуждаться в помощи других. Вторая: дары и служения распределены таким образом, что ни один член не представляет собой все, но отдельные члены, внося свой вклад в общее дело, образуют из себя целостное и совершенное тело. Павел устраняет здесь повод для гордыни, порочное ревнование, превозношение и презрение к братьям, злобу, тщеславие и тому подобное.

31) *Ревнуйте о дарах больших (Последуйте же дарам большим).* Можно было бы перевести и «высоко цените», что вполне подошло бы к контексту. Хотя смысл от этого сильно не меняется. Апостол увещевает коринфян прежде всего ценить те дары, которые больше всего способствуют назиданию. Ведь среди них процветал порок стремления не к пользе, а к показухе. Поэтому у них пренебрегали пророчеством, а говорение на языках, происходившее с большой помпой, было почти бесплодным. Но апостол обращается не к отдельным людям, так, словно хочет, чтобы каждый стремился к пророчеству или к учительскому служению. Он лишь расхваливает перед коринфянами усердие к назиданию и учит с большим прилежанием заниматься тем, что приносит большую пользу.

Глава 13

1. Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал звучащий. 2. Если имею дар пророчеств, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, – то я ни-

что. 3. И если я раздам все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.

(1. И показываю вам еще более превосходный путь. Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я стал титаном звенящим или кимвалом звучащим. 2. Если имею пророчество, и знаю все тайны и всякое познание, и если имею всю веру, так что могу и горы сдвигать с места, а не имею любви, – то я ничто. 3. И если я раздам как милостыню все имущество мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.)

Не могу умолчать о том, сколь нелепо произведено в этом месте разделение на главы. Особенно, поскольку в противном случае нельзя дать подходящее толкование. Какая была нужда присоединять к вышесказанному половинчатое предложение, так хорошо согласующееся с последующим и даже им восполняемое? Вероятно, это произошло по ошибке переписчиков.

Но как бы то ни было, ранее повелев, прежде всего, стремиться к назиданию, апостол говорит теперь, что покажет нечто больше, а именно: что все надо совершать в соответствии с правилом любви. Итак, если любовь – управительница всех наших действий, это – самый превосходный из всех путей. Вначале апостол формулирует посылку: все добродетели без любви – ничто, все великое и выдающееся ничего не значит в глазах Бога, если нет любви. И здесь апостол учит тому же, чему учил и в другом месте (1Тим.1:5; Кол.3:14), где говорит, что любовь – цель закона и узы совершенства, а также включает в ней всю святость благочестивых. Ведь чего еще требует от нас Бог во всей второй скрижали закона? Поэтому не удивительно, если Он оценивает все наши дела по тому, исходят ли они от любви. Также не удивительно, если выдающиеся дары ценны лишь в том случае, если соответствуют правилу любви.

1) *Если я говорю языками человеческими.* Апостол начинает с умения говорить языками. Сам по себе этот дар весьма благороден, но без любви не делает человека угодным Богу. Языком *ангельским* апостол гиперболически называет язык редкостный или необыкновенный. Хотя я скорее отнес бы сказанное к разнообразию языков, столь высоко ценимому коринфянами, все измерявшими не пользой, а тщеславием. Пусть, – говорит апостол, – ты владеешь не только всеми человеческими, но и ангельскими языками, все равно, если ты не имеешь любви, у тебя нет причин считать себя перед Богом чем-то большим кимвала.

2) *Если имею дар пророчества (пророчество).* Ранее апостол ставил пророчество прежде всех прочих добродетелей, но и его достоинство он сводит на нет, если оно не служит любви. Фраза «знаю все тайны» могла бы показаться добавленной к слову «пророчество» в качестве истолкования, но поскольку за ней сразу же следует слово «знание», которое прежде апостол поставил отдельно, подумай о том, не означает ли здесь знание тайн простую мудрость. И я, не дерзая утверждать этого прямо, все же склоняюсь к подобному толкованию.

Вера, о которой говорит апостол, на самом деле есть ее частная разновидность. Это явствует из тут же добавленной фразы «так что могу сдвигать и горы». Посему софисты ничего не достигают, злоупотребляя этим местом для преуменьшения силы веры. Коль скоро термин «вера» *πολύσημον*, обязанность разумного читателя – разобраться в его правильном значении в контексте данного отрывка. Павел же (как я уже говорил) истолковывает сам себя, ограничивая веру способностью творить чудеса. Златоуст называет ее верой, относящейся к знамениям, а мы – особой верой. Ибо она принимает не всего Христа, а только Его силу в совершении чудес. Поэтому эта вера может пребывать в человеке без Духа освящения, как и было в случае с Иудой.

3) *И если отдам (и если я раздам как милостыню) все имение мое.* Если оценивать этот поступок сам по себе, то он достоин наивысшей похвалы. Но поскольку щедрость часто проистекает из тщеславия, а не из истинной благотворительности, или поскольку тот, кто щедр, бывает лишен других аспектов любви (ведь даже внутренняя щедрость – только одна из ее частей), то дело, в принципе похвальное, будучи красивым и восхваляемым в глазах людей, считается перед Богом никчемным.

И если отдам тело мое. Без сомнения, Павел говорит здесь о мученичестве, – самом прекрасном и выдающемся из всех поступков. Что может быть чудеснее непобедимой душевной отваги, когда человек без колебаний отдает свою жизнь за евангельское свидетельство? Но и это деяние Бог ни во что ставит, если в душе отсутствует любовь. Вид казни, упомянутый апостолом, тогда еще не применялся к христианам столь часто. Мы читаем, что тираны, стремясь погубить Церковь, больше использовали меч, нежели костер. Исключение составляет, разве что, Нерон, проявлявший такую свирепость, что сжигал верующих. Кроме того, кажется, что Дух устами Павла пророчествовал здесь о будущих гонениях. Но это никак не относится к делу. Главная мысль этого отрывка в следующем: коль скоро любовь – единственное правило добрых дел и единственная управительница в правильном использовании даров Божиих, ничто, сколь бы великим оно ни было в глазах людей, не угодно без нее Богу. Ибо без нее все добродетели – только маска, пустой звук, не стоящий ни гроша, все они – зловонны и совершенно лишены привлекательности.

То же, что отсюда выводят паписты, – будто вследствие этого любовь сильнее веры в деле нашего оправдания – мы опровергнем несколько ниже. Теперь же пойдем дальше.

4. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, 5. не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, 6. не радуется неправде, а сорадуется истине; 7. все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. 8. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится.

(4. Любовь терпелива, милосердствует, любовь не ревнует, любовь не превозносится, не гордится, 5. не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не замышляет зла, 6. не радуется несправедливости, а сорадуется истине; 7. все терпит, всему верит, всего надеется, все переносит. 8. Любовь никогда не перестает, прекратятся ли пророчества, умолкнут ли и языки, упразднится ли знание.)

4) *Любовь долготерпит (терпелива).* Апостол хвалит любовь, ссылаясь на ее результат или ее плоды. Хотя его слова относятся не только к похвале любви, но и рассказывают коринфянам о том, каковы ее обязанности, и какова она сама. Главная цель апостола – показать, сколь необходима любовь для сохранения единства Церкви. Нет сомнения, что здесь он косвенно упрекает своих слушателей, предлагая им антитезис, из которого они могли бы осознать свои пороки.

Во-первых, любовь восхваляется за то, что, терпеливо перенося многое, возвращает в Церкви согласие и мир. Недалеко отстоит и другая ее добродетель: скромность и мягкость, ибо именно это означает соответствующее греческое слово. Третья добродетель заключается в том, что любовь устраняет ревнование – семя всех распрей. Под *ревнованием* апостол имеет в виду или зависть – весьма близкий и похожий порок, – или, скорее, ревнование, связанное с завистью и часто ею порождаемое. Значит, там, где царит зависть, где каждый хочет быть или казаться первым, нет никакой любви.

Там, где я перевел: «не превозносится», по-гречески стоит *οὐ περπερεύεται*. Эразм передает эту фразу как «не назойлива». Ясно, что у греческого слова имеются разные значения, но коль скоро оно иногда означает «буйствовать» или «надмеваться из-за тщеславия», этот смысл, кажется, более подходит контексту. Итак, Павел приписывает любви скромность и свидетельствует, что она – узда, сдерживающая людей, дабы они не буйствовали, но спо-

койно и порядочно вели себя по отношению друг ко другу. Затем апостол добавляет, что любовь чужда гордыни. Поэтому тот, кем управляет любовь, не надмевается гордыней и не льстит себе, презирая при этом других.

5) *Не бесчинствует*. Эразм перевел: не брезглива. Но поскольку он не приводит автора подобного толкования, я предпочел сохранить прямое и привычное значение греческого слова. Я истолковываю его так: любовь не кичится нелепой показухой и не порождает смугу, но соблюдает умеренность и приличие. Таким образом, Павел снова косвенно упрекает коринфян, постыдно утративших всякую благодать из-за позорного превозношения.

Не ищет своего. Отсюда можно вывести, что любовь никак не врождена нашей природе, ибо по природе мы склонны к самолюбию, попечению о самих себе и усердию о собственной пользе. Больше того, мы безоглядно во все это кидаемся. И врачевством от этой порочной склонности является любовь, соделывающая так, что мы, забыв о себе, беспокоимся о ближних, любим их и о них печемся. Далее, «искать своего» означает быть приверженным себе и заниматься обеспечением собственного удобства. И данное здесь определение отвечает на вопрос: позволительно ли христианину заботиться о собственной пользе? Однако Павел порицает здесь не какую угодно заботу, но ее излишек, проистекающий из неумеренной и слепой любви к самому себе. Излишек же состоит в том, что мы, думая о себе, пренебрегаем другими, или же в том, что попечение о собственном удобстве отвлекает нас от заботы, которую по заповеди Божией мы должны выказывать ближним.

Апостол добавляет, что любовь также является уздой, сдерживающей ссоры. И это следует из двух предыдущих положений. Ведь там, где царят кротость и терпимость, люди не могут внезапно распалиться друг на друга, и не подвигаются с легкостью на ссоры и распри.

7) *Все покрывает (все терпит)*. Этими словами апостол хочет сказать, что любви чужды нетерпение и злоба. Ибо все переносить – относится к терпению, а верить и на все надеяться – к доброте и человечности. По своей природе мы чрезмерно привержены себе, и этот порок делает нас ворчунами и жалобщиками. Поэтому каждый, желая, чтобы другие носили его на руках, отказывает при этом им в помощи. И врачевство от этой болезни – любовь, подчиняющая нас братьям и научающая подставлять свои плечи под их ярмо. И опять же, по природе мы весьма злобны. От этого возникает подозрительность и склонность истолковывать все в дурную сторону. Любовь же призывает нас к человечности, учит думать о своих ближних благожелательно.

Слово «все» понимай как все то, что следует терпеть, и, причем, подобающим образом. Ибо нам не следует терпеть пороки, льстиво одобряя их или взращивая их потаканием, вызванным нашей нерадивостью. Кроме того, терпимость не исключает исправления и справедливого наказания. И то же самое можно сказать о человечности, полагающейся нашему суду. Любовь *всему верит*, но не так, что христианин осознанно и добровольно позволяет себя обманывать, не так, что он оставляет благоразумие и рассудительность, дабы его легче было обвести вокруг пальца, не так, что он перестает отличать белое от черного. И что же тогда хочет сказать апостол? Он требует от нас упомянутой простоты и человечности в суждениях, и утверждает, что они – постоянные спутники любви. Таким образом, христианин скорее предпочтет обмануться из-за своей доброты и мягкости, нежели отягощать брата необоснованным подозрением.

8) *Любовь никогда не перестает*. Другое преимущество любви состоит в том, что она продолжается вечно. Но к никогда не кончающейся добродетели стремятся вполне заслуженно. Значит, любовь следует предпочесть всем временным и преходящим дарам. Пророчества заканчиваются, языки умолкают, знание прекращается, любовь же превосходит их все, поскольку останется даже тогда, когда они исчезнут.

Паписты искажают смысл этого отрывка для утверждения своей догмы, измышленной ими без какой-либо опоры на Писание: якобы души умерших молятся за нас перед Богом. Они рассуждают так: молитва – постоянная обязанность любви, а любовь остается в душах умерших святых, значит – они за нас молятся. Я же, хотя и не хочу яростно спорить по этому поводу, все же отвечу на их довод, дабы они не думали, что им сильно поможет подобное допущение.

Во-первых, даже если любовь остается всегда, отсюда не следует, что она, как говорится, продолжается в непрерывном действии. Что мешает нам сказать, что святые, наслаждаясь ныне спокойствием и миром, не практикуют любовь в нынешних обязанностях? Что глупого в этом могут найти паписты? Во-вторых, если я не соглашусь с тем, что молиться за братьев есть постоянная обязанность любви, как паписты докажут противное? Для ходатайства требуется знание о нуждах. И, если нам позволено делать догадки о состоянии умерших, более вероятно то, что умершие святые не знают о здешних событиях, нежели то, что они осведомлены о наших нуждах. Паписты воображают, что святые видят весь мир в отраженном свете, получаемом ими от созерцания Бога. Но это – мирское и совершенно языческое измышление, более подходящее египетской теологии, нежели христианской философии. Допустим, я скажу, что святые, не зная о нашем состоянии, о нас не заботятся. Каким доводом паписты заставят меня признать противоположное? Что если я скажу следующее: святые настолько заняты и как бы поглощены созерцанием Бога, что ни о чем другом, кроме этого, не думают? Как паписты докажут неразумность подобной мысли? Что если я приведу такое возражение: упомянутая апостолом неизбежность любви относится ко времени после судного дня, а не ко времени промежуточному? Что если скажу: долг взаимного ходатайства заповедуется лишь живым, находящимся в этом мире, и потому не распространяется на умерших? Но сказанного вполне достаточно.

То же, за что сражаются паписты, я оставляю без ответа, дабы не спорить по лишним вопросам. Однако попутно было полезно сказать о том, как мало помогает им это место, в котором они усматривают столь веское доказательство своей позиции. Нам же вполне достаточно и того, что мнение их не подкрепляется никаким свидетельством Писания, и поэтому должно считаться дерзким и необдуманным.

И знание упразднится (упразднится ли знание). Смысл сказанного вполне ясен, но здесь возникает важный вопрос: уравниются ли с неучами в Царстве Божием те, кто отличается в этом мире ученостью или какими-то иными дарами? Во-первых, я хотел бы предупредить благочестивых читателей не утруждать себя чрезмерно в исследовании этого вопроса. Пусть они скорее ищут путь, ведущий в Царствие Божие, нежели допытываются о том, в каком состоянии будут пребывать там души. Да и Господь Своим молчанием отваживает нас от подобного любопытства. А теперь отвечу постольку, поскольку можно предположить и отчасти даже вывести из настоящего отрывка: коль скоро учение, знание языков и другие подобные им благодатные дары служат нуждам земной жизни, мне не кажется, что они будут продолжаться в Царстве Божием. Однако с их исчезновением ученые люди не потерпят никакого ущерба, поскольку получают их плод, значительно превосходящий по достоинству сами эти дары.

9. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; 10. когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. 11. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. 12. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. 13. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше.

(9. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; 10. когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. 11. Когда я был младенцем, то по-

младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. 12. Теперь мы видим посредством зеркала в иносказании, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. 13. А теперь пребывают вера, надежда, любовь, сии три; но любовь из них больше.)

Апостол доказывает грядущее упразднение пророчества и прочих подобных ему даров из того, что они даются в подмогу нашей немощи. Но несовершенству когда-нибудь наступит конец. Поэтому одновременно прекратится и использование этих даров. Глупо существовать тому, что излишне, поэтому оно и исчезнет. И этот довод апостол развивает вплоть до конца настоящей главы.

9) *Отчасти знаем.* Многие толкуют это место превратно: у нас-де еще нет совершенного знания или пророчества, но мы ежедневно в них преуспеваем. Однако подлинный смысл сказанного иной: то, что сейчас у нас имеются знание и пророчество, вызвано нашим несовершенством. Значит, фраза «отчасти» означает здесь, что мы еще не совершенны. Итак, пока у нас имеются знание и пророчество, в нас остается несовершенство, вспомоществованием для которого они и являются. Верно, что нам надлежит всю жизнь преуспевать в этих вещах, и что сейчас у нас имеются только их начатки. Но надо понять, что же именно хотел доказать Павел, а именно: что дары, о которых идет речь, всего лишь временны. И он доказывает это тем, что польза от них продолжается лишь до той поры, пока мы продвигаемся к цели путем ежедневного преуспевания.

10) *Когда же настанет совершенное.* Павел как бы говорит: когда мы достигнем цели, исчезнут все вспомоществования, поддерживающие нас в пути. Он использует уже употребленный им способ выражения, противопоставляя совершенство тому, что существует отчасти. Совершенство, – говорит апостол, – с приходом своим упразднит все то, что служит несовершенству. И когда же это совершенство наступит? Оно начнется с момента нашей смерти, поскольку вместе с телом мы совлечемся множества немощей. Однако, как мы вскоре услышим, полное совершенство наступит не раньше судного дня. Отсюда вывод: неразумно распространять сказанное апостолом на наше промежуточное время.

11) *Когда я был младенцем.* Апостол приводит сравнение, проясняющее его мысль. Ведь младенческому возрасту подобает многое из того, что впоследствии проходит с наступлением зрелости. Например, для младенчества необходимо детоводительство, а для зрелого возраста оно неуместно. И мы, пока влачим земное существование, нуждаемся в некотором детоводительстве, поскольку еще далеки от совершенной мудрости. Итак, совершенство, будучи возрастом духовной зрелости, положит конец детоводительству и всему, что с ним сопряжено. В Послании к Ефесянам (4:14) апостол увещевает нас не оставаться детьми. Однако там он развивает другую мысль, о которой мы скажем, когда дойдем до толкования соответствующего места.

12) *Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло (посредством зеркала).* Это – дальнейшее приложение приведенного выше сравнения. Способ нашего настоящего познания соответствует нашему несовершенству и младенчеству, поскольку мы еще не созерцаем ясно тайны Небесного Царства и не наслаждаемся ясным видением. Отметим также, что апостол пользуется здесь несколько иным сравнением, а именно: теперь мы видим как бы посредством зеркала, и поэтому – смутно. И эта смутность выражается словом «иносказание».

Во-первых, несомненно, что апостол сравнивает с зеркалом служение Слова и необходимые для его осуществления орудия. Ибо Бог, будучи невидим, предназначил эти средства, чтобы через них являть Себя нам. Хотя сказанное можно отнести и ко всему мирозданию, в котором нам сияет слава Божия, как сказано в Рим.1:20 и Евр.11:13. Творения апостол называет зеркалами, в которых нам явлено величие невидимого Бога. Но поскольку здесь речь идет прежде всего о духовных дарах, помогающих существующим в Церкви служе-

ниям и являющихся как бы приложениями к ним, не будем дольше распространяться на эту тему.

Итак, служение Слова подобно зеркалу. Ибо ангелы не нуждаются ни в проповеди, ни в прочих низших вспомоществованиях, ни в каких-либо таинствах. Они наслаждаются иным способом лицезрения Бога, и Бог являет им Себя не только в зеркале, но и путем открытого лицезрения. Мы же, еще не достигшие подобной высоты, рассматриваем образ Божий, предлагаемый нам в Слове, в таинствах, во всем церковном служении.

И это видение Павел называет иносказательным не потому, что оно сомнительно или лживо, а потому, что оно не такое ясное, каким будет после судного дня. Той же самой мысли, но другими словами, апостол учит в 2Кор.5:6: покуда мы живем в этом теле, мы странствуем вдали от Господа; ибо мы ходим верою, а не видением. Значит, теперь наша вера созерцает Бога, как отсутствующего. И каким же образом? Таким, что она не видит Его лика, но довольствуется Его отраженным в зеркале образом. Но когда мы, оставив этот мир, отойдем к Богу, наша вера узрит Его как близкого и предстоящего ее взору.

Посему следует думать так: знание о Боге, получаемое нами из Его Слова, надежно и истинно, и не содержит в себе ничего смутного, запутанного или темного. Однако в сравнительном смысле оно зовется гадательным, поскольку далеко отстоит от ожидаемого нами открытого лицезрения. Ведь тогда мы будем видеть Бога лицом к лицу. Поэтому этот отрывок никак не противоречит другим, где говорится о ясности закона, Писания и прежде всего Евангелия. Писание – ясное и открытое откровение Божие, данное в Его Слове. Оно открыто настолько, насколько это полезно для нас и не содержит (как воображают нечестивые) ничего запутанного и внушающего сомнения. Но что все это по сравнению с тем видением, к которому мы стремимся? Посему апостол зовет наше видение гадательным лишь в сравнении с будущим лицезрением.

Наречие «тогда» скорее означает последний день, нежели время, следующее тут же после смерти. И хотя полное видение отложено до дня пришествия Христова, более близкое лицезрение Бога начинается сразу же после смерти, когда души, разрешенные от тел, больше не нуждаются ни во внешнем служении, ни в других низших вспомоществованиях. И все же (как я говорил ранее) Павел озабочен здесь вовсе не состоянием умерших, поскольку знание о нем не сильно полезно для благочестия.

Теперь знаю я отчасти. То есть, настоящий способ познания несовершенен. Так же и Иоанн говорит в своем Послании (1Ин.3:2): мы знаем, что являемся детьми Божиими, но это еще не открылось, покуда мы не увидим Бога, Каков Он есть. Ибо тогда мы увидим Его не в образе, но в Самом Себе, дабы видение наше стало в каком-то смысле взаимным.

13) *А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь (А теперь пребывают вера, надежда, любовь).* Вывод из вышесказанного заключается в том, любовь превосходит остальные дары; но вместо вышеприведенного списка даров апостол соединяет с любовью веру и надежду, коль скоро все дары соотносятся с этими высшими добродетелями. Ибо к чему предназначено все служение, если не к тому, чтобы наставить нас в веру, надежде и любви?

Значит, слово «вера» здесь понимается шире, нежели до этого. Апостол как бы говорит: есть много различных даров, но все они направлены и обращены к этой главной цели. Под словом «пребывают» апостол понимает следующее: за вычетом всего остального на счетах остается ровно такая сумма. Ибо вера не продолжается после смерти, и апостол в другом месте противопоставляет ее прямому видению. Она длится лишь дотеле, доколе мы странствуем вдали от Господа. А теперь посмотрим, что в этом месте означает вера. Она означает познание Бога и Его воли, или же, если угодно, всеобщую и в собственном смысле понимаемую веру.

«Надежда» же есть не что иное, как стойкость в вере. Ибо, однажды уверовав в Слово Божие, нам остается стоять в этой вере до самого конца. Посему, как вера есть мать надежды, так и надежда поддерживает веру, не давая ей упасть.

Но любовь из них больше. То есть, если оценивать преимущество по перечисленным ранее результатам. Кроме того, надо принять во внимание непрекращаемость любви. Ведь каждому приносят пользу его собственные вера и надежда, любовь же распространяется на других. Вера и надежда относятся к несовершенству, а любовь останется даже в состоянии совершенства.

Но если рассмотреть отдельные последствия веры и сопоставить их с последствиями любви, то обнаружится, что вера во многих аспектах выше. Больше того, по свидетельству того же апостола (1Фес.1:3), любовь есть следствие веры. А следствие без сомнения ниже своей причины. Кроме того, вере приписывается особая похвала, не подобающая любви, когда Иоанн (1Ин.5:4) говорит, что вера – наша победа, преодолевающая мир. Наконец, через веру мы возрождаемся, становимся детьми Божиими, обретаем вечную жизнь и делаемся обителью Христовой. Не говоря уже о других бесчисленных аспектах веры, и то немногое, что я перечислил, вполне доказывает, что вера во многих своих последствиях превосходит любовь. Отсюда явствует: любовь названа большей не во всех смыслах, а в лишь в том, что она вечна и ныне играет первую роль в сохранении единства Церкви.

Удивительно, как довольны собой паписты, громогласно рекламируя эти слова. Если, – говорят они, – нас оправдывает вера, значит, в еще большей степени оправдывает любовь, называемая здесь большей. Однако из сказанного ранее ответ на это возражение вполне очевиден. Но допустим, что любовь превосходит веру во всех смыслах, в чем же тогда состоит довод папистов? Поскольку любовь больше, она способна оправдывать в большей степени. Значит, царь будет пахать землю лучше крестьянина и шить обувь лучше сапожника, коль скоро он благороднее их обоих. Значит, человек должен бежать быстрее лошади и переносить большие тяжести, нежели слон, коль скоро он превосходит их обоих по достоинству. Значит, ангелы лучше освещают землю, нежели солнце и луна, будучи много их превосходнее. Итак, если бы сила оправдывать зависела от достоинства или заслуги веры, возможно, довод папистов и заслуживал бы внимания. Но мы учим, что вера оправдывает не потому, что более достойна или заслуживает большей чести, а потому, что она принимает праведность, даром предложенную нам в Евангелии. И здесь не имеют значения ее величие или достоинство. Значит этот отрывок так же мало помогает папистам, как и в случае, если бы апостол всему прочему предпочел веру.

Глава 14

1. Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать. 2. Ибо кто говорит на незнакомом языке, тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не понимает его, он тайны говорит духом; 3. а кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение. 4. Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя; а кто пророчествует, тот назидает церковь. 5. Желая, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали; ибо пророчествующий превосходит того, кто говорит языками, разве он притом будет и изъяснять, чтобы церковь получила назидание. 6. Теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу, когда не изъяснюсь вам или откровением, или познанием, или пророчеством, или учением?

(1. Последуйте любви; ревнуйте о духовных, особенно же о том, чтобы пророчествовать. 2. Ибо кто говорит на языке, тот говорит не людям, а Богу; потому что никто не слушает его, он тайны говорит духом; 3. а кто пророчествует, тот говорит людям в назидание, увещание и утешение. 4. Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя; а кто пророчествует, тот назидает церковь. 5. Желая, чтобы вы все говорили языками; но лучше, чтобы вы пророчествовали; ибо пророчествующий больше того, кто

говорит языками, разве он притом будет и изъяснять, чтобы церковь получила назидание. 6. Теперь, если я приду к вам, братия, и стану говорить на незнакомых языках, то какую принесу вам пользу, когда не обращусь к вам или через откровение, или через познание, или через пророчество, или через учение?)

Подобно тому, как прежде апостол велел коринфянам стремиться к большим дарам, так и теперь он предписывает им следовать любви. Ибо, как он пытался доказать ранее, любовь – наивысшая добродетель. Значит, коринфяне будут хорошо и правильно использовать духовные дары, если между ними станет процветать любовь. Косвенно же апостол упрекает недостаток их любви тем, что они до этого злоупотребляли своими дарами. И сделав из вышесказанного вывод, что там, где любви не отводят главенствующего места, нельзя достичь истинного преимущества, Павел показывает, сколь глупо тщеславие коринфян, делающее напрасными их надежды и пожелания.

1) *Ревнуйте о дарах духовных (ревнуйте о духовных)*. Дабы коринфяне не возразили, что презирать дары Божии значит оскорблять Бога, апостол упреждает эту мысль и свидетельствует: у него нет намерения отваживать их даже от тех даров, которыми они злоупотребляли. Скорее, напротив, он хвалит стремление к этим дарам, и хочет, чтобы они имели место в Церкви. Действительно, поскольку эти дары даны ради пользы Церкви, порочность людей не может сделать их излишними или вредными. И больше всего апостол расхваливает пророчество как самое полезное по сравнению с прочими дарами. Итак, Павел придерживается наилучшего правила, не отвергая ничего полезного, но, при этом, увещевая коринфян не предпочитать из-за порочной зависти меньшего большему. На первое место он ставит пророчество. Затем говорит: ревнуйте о духовных, то есть, не пренебрегайте никаким даром; ибо я предписываю вам усердствовать во всем, лишь бы первенство вы отдавали пророчеству.

2) *Кто говорит на (незнакомом) языке, тот говорит не людям*. Теперь апостол из самой сути дела показывает, почему он предпочел пророчество остальным дарам. Он сравнивает пророчество с даром языков. Вероятно, что коринфяне больше стремились именно к этому дару, как более подходящему внешней помпе. Ведь человек, говорящий на редком языке, вызывает всеобщее восхищение. Итак, из ранее установленных принципов апостол показывает, сколь порочна такая практика, никак не назидательная церковь. Вначале он говорит, что говорящий на языке говорит Богу, а не людям. То есть (согласно пословице), он поет для себя и для муз. В слове «язык» не содержится плеоназма, подобного имеющемуся во фразах «так она возглаголила устами» и «ушами ловил я голос», но содержится только внешняя идиома. Причина, по которой такой оратор не говорит людям, заключается в следующем: никто не слышит его речь как членораздельную. Все слышат звук, но не понимают, что говорится. Такой человек «говорит духом», то есть – по духовному дару (ибо так я понимаю эту фразу вместе со Златоустом) вещи тайные и сокрытые, и поэтому никому не полезные.

Слово «тайны» Златоуст понимает в почтительном смысле как особенные откровения Божии, я же придаю ему отрицательный смысл, означающий темные и запутанные загадки. Апостол как бы говорит: такой человек высказывает нечто никем другим не разумеемое.

3) *А кто пророчествует, тот говорит людям*. Пророчество, – утверждает апостол, – плодоносно для всех, в то время как язык – зарытое под землей сокровище. Итак, как же глупо тратить время на совершенно бесполезную вещь, и упускать то, что приносит наивысшую пользу! Говорить для назидания означает говорить то, в чем содержится способное к назиданию учение. И слово это я толкую как учение, наставляющее нас в благочестии, в вере, в почитании Бога и страхе Божиим, в праведных и святых служениях. Поскольку же мы сильно нуждаемся в стимулах, и некоторые из нас тяготятся скорбями и страдают от немощи, к учению апостол добавляет увещание и утешение. Кроме того, из этого и пре-

дыдущего предложения явствует, что пророчество – это вовсе не дар прорицания. Но не буду повторять то, о чем я говорил выше.

4) *Кто говорит на незнакомом языке, тот назидает себя.* Раньше апостол утверждал, что такой человек говорит Богу, теперь же заявляет, что он обращается к себе. Ибо все совершаемое в Церкви должно быть полезно всем. Итак, пусть прекратится превратное тщеславие, мешающее пользе всего народа. Добавь к этому, что Павел явно использует здесь уступку. Ведь там, где тщеславие дало такие всходы, нет никакого внутреннего усердия к преуспеванию. И Павел как бы велит исчезнуть из общего собрания всем любителям показухи, заботящимся лишь о самих себе.

5) *Желаю, чтобы вы все говорили языками.* Апостол снова свидетельствует: он предпочитает пророчество, но так, что второе место отводит языкам. И это следует тщательно уразуметь. Ведь Бог ничего не дает Своей Церкви напрасно. И у языков раньше было свое употребление. Хотя коринфяне из-за усердия к превратной помпезности сделали этот дар отчасти излишним и никчемным, а отчасти даже вредным. И все же Павел, прекрасно осознавая происшедшую порчу, хвалит дар языков и ни в коем случае не желает его упразднения.

Да и сегодня, когда нам крайне необходимо знание языков, Бог Своим чудесным благодеянием снова вывел их из тьмы на всеобщее обозрение. В настоящее время имеются богословы, яростно противящиеся этому дару. Но коль скоро ясно, что Дух Святой украсил дар языков небесной славой, легко понять, каким именно духом ведомы эти критики, из всех сил ругающие их изучение. Хотя наша ситуация не похожа на ту, о которой идет речь. Ведь Павел имеет в виду языки, служившие всемирной проповеди Евангелия. Наши же критики осуждают языки, из которых, как из некоего источника, мы черпаем чистую истину Писания.

Затем следует оговорка: не стоит так сосредоточиваться на языках, чтобы при этом пренебрегать пророчеством, заслуженно занимающим первое место.

Разве он при том будет и изъяснять. Если добавляется истолкование, речь идет уже о пророчестве. Однако не думай, будто Павел позволяет кому-то, бормоча необычные слова, оставлять церковь бесплодной. Как было бы смешно без причины возвещать одно и то же на многих языках! Но часто случается, что чужой язык используют вполне своевременно. Лишь бы люди преследовали при этом одну цель: назидание церкви.

б) *Теперь, если я приду к вам.* В качестве примера апостол предлагает самого себя, ибо более яркой иллюстрации нельзя было придумать. Коринфяне получили плод от его учения. Итак, апостол спрашивает их: какую они поймали бы пользу, если бы он говорил им на незнакомом языке? Этим он хочет сказать, насколько лучше для них стремиться к пророчеству. Кроме того, показать им глупость подобной ситуации на своем примере было менее оскорбительно, нежели сделать это на примере кого-нибудь еще.

Апостол говорит о четырех видах назидания: откровении, знании, пророчестве и учении. И поскольку толкователи изъясняют их по-разному, пусть и мне будет позволено высказать свое предположение. Хотя, поскольку это – всего лишь догадка, окончательный суд я препоручаю своим читателям.

Откровение и пророчество я соединяют вместе и думаю, что последнее есть осуществление первого. Подобным же образом я думаю о знании и учении. Посему, обретаемое посредством откровения возвещается другим через пророчество. Сообщение же знания состоит в учении. Таким образом, пророчество – это толкователь и служитель откровения, что больше соответствует, нежели противоречит приведенному выше определению. Ибо ранее мы сказали, что пророчество – не простое и голое толкование Писаний, а одновременно и знание того, как приспособить Писание к текущим нуждам. А знание это обретается лишь по откровению и особому внушению Божию.

7. *И бездушные вещи, издающие звук, свирель или гусли, если не производят отдельных тонов, как распознать то, что играют на свирели или на гуслих?* 8. *И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению?* 9. *Так если и вы языком произносите невразумительные слова, то как узнают, что вы говорите? Вы будете говорить на ветер.* 10. *Сколько, например, различных слов в мире, и ни одного из них нет без значения.* 11. *Но если я не понимаю значения слов, то я для говорящего чужестранец, и говорящий для меня чужестранец.* 12. *Так и вы, ревнуя о дарах духовных, старайтесь обогатиться ими к назиданию церкви.* 13. *А потому, говорящий на незнакомом языке, молись о даре истолкования.* 14. *Ибо когда я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода.* 15. *Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом.* 16. *Ибо если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина как скажет: «аминь» при твоём благодарении? Ибо он не понимает, что ты говоришь.* 17. *Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается.*

(7. И бездушные, издающие звук, свирель или гусли, если не производят отдельных звуков, как распознать то, что играют на свирели или на гуслих? 8. И если труба будет издавать неопределенный звук, кто станет готовиться к сражению? 9. Так если и вы на языке произносите ничего не означающее слово, как понять, о чем говорится? Вы будете говорить на ветер. 10. Сколько, например, различных звуков в мире, и ни один из них не является немым. 11. Но если я не понимаю силы звука, то я для говорящего варвар, и говорящий для меня варвар. 12. Так и вы, следуя духам, ищите возвышения своего для назидания церкви. 13. А потому, говорящий на языке, пусть молится об истолковании. 14. Ибо когда я молюсь на языке, дух мой молится, но ум мой остается без плода. 15. Итак, что же? Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, буду петь и умом. 16. Ибо если ты будешь благословлять духом, то стоящий на месте простолюдина как скажет: «аминь» на твоё благодарение? Ибо он не понимает, что ты говоришь. 17. Ты хорошо благодаришь, но другой не назидается.)

7) *И бездушные.* Апостол приводит два сравнения. Первое основано на музыкальных инструментах, а второе – на всеобщей природе вещей. Ибо нет звука, в котором не присутствовало бы некое устройство, помогающее его распознать. По словам апостола, этому учат нас даже бездушные вещи. Действительно, часто приходится слышать звуки, издаваемые без какой-либо музыкальности. Но Павел ведёт речь о звуках, издаваемых с определённым искусством. Он как бы говорит: человек не может вложить душу в свирель или гусли, но делает звучание их столь стройным, что можно различить его смысл. Итак, сколь глупо, если сами люди, наделенные разумом, издадут незнамо какое бормотание!

Далее, не стоит утонченно рассуждать в этом месте о разных музыкальных тонах. Ведь Павел говорит лишь о самых распространенных из них, например, звуке трубы, о котором он скажет вскоре. Ибо этот звук настолько способен воспламенять души, что может взбудоражить не только людей, но и коней. Посему история повествует, что лакедемоняне в начале сражения больше использовали свирель, дабы войско в излишней пылкости не обрушилось на врага сразу же. В конце концов, все мы по опыту знаем, сколь сильна музыка в деле пробуждения человеческих чувств. Так что Платон не без причины утверждает, что она весьма сильна склонять государственную мораль в ту или иную сторону.

Говорить на ветер означает здесь напрасно сотрясать воздух. Апостол как бы говорит: твой голос, не доходя ни до Бога, ни до людей, просто растворяется в окружающем пространстве.

10) *И ни одного из них нет без значения (и ни один из них не является немым).* Апостол говорит обобщенно. Он имеет в виду естественные звуки, издаваемые животными. *Немое* означает в данном месте неясное и противопоставляется членораздельному. Ведь лай собаки отличается от ржания лошадей, рык льва – от мычания ослов. И даже каждой птице

свойственна своя определенная манера пения или верещания. Итак, вся природа устроена Богом так, что призывает нас говорить членораздельно.

11) *Я для говорящего чужестранец (варвар)*. Язык должен быть отпечатком души, но не в том смысле, в котором гласит поговорка, а в том, в каком учит Аристотель в начале книги «Об истолковании». Итак, сколь это глупо и некрасиво, когда человек издает в собрании звуки, которые слушатель совершенно не понимает, в которых он не видит никакого знака, указывающего на то, что хочет сказать говорящий! Итак, Павел обоснованно считает глупостью быть варваром для слушателей, издавая звуки на неизвестном наречии. Одновременно он тонко высмеивает нелепое тщеславие коринфян, пытавшихся этим хвалиться и превозноситься. В результате, – говорит апостол, – награда твоя в том, чтобы прослыть варваром. Ибо слово «варвар», является ли оно придуманным (как учит Страбон), или производится от какого-то другого слова, всегда понимается в дурном смысле. Поэтому греки, казавшиеся себе единственными красноречивыми и культурными людьми, всех остальных называли варварами из-за грубости и дикости их языка. Однако нет такого культурного наречия, которое нельзя считать варварским из-за отсутствия понимания. Слушатель, – говорит Павел, – будет для меня варваром, и я буду варваром для него. Этими словами он намекает, что говорить на незнакомом языке значит – не общаться с церковью, а скорее от нее отчуждаться. Поэтому поступающий так заслуженно презирается остальными, как сам первый их презревший.

12) *Ревнуя о дарах духовных (последуя духам)*. Павел делает вывод: дар языков дан не для того, чтобы служить тщеславию немногих без всякого плода для церкви. Если, – говорит апостол, – вам нравятся духовные дары, целью их должно быть назидание; ваше возвышение лишь тогда истинно и достойно похвалы, когда церковь получает от него плод. Впрочем, из-за этого Павел не разрешает стремления к возвышению, даже с пользой для церкви, но, исправляя этот недостаток, показывает, как далеки коринфяне от того, к чему стремятся. Одновременно он учит, каких людей следует особенно ценить, а именно: чем усерднее кто-либо занят назиданием, тем больше достоинства он приобретает. Однако наше дело – стремиться только к одной цели: чтобы Господь наш возвышался, и Царство Его возрастало день ото дня. Духами апостол метонимически называет здесь духовные дары, подобно тому, как дух учения, разумения или рассудительности означает само духовное учение, разумение или рассудительность. В любом случае надо держаться того, чему Павел учил ранее: один и тот же Дух по Своей воле раздает разным людям разные дарования.

13) *А потому, говорящий на незнакомом языке (говорящий на языке)*. Здесь имеет место упреждение возможного возражения. Кто-то вполне мог бы сказать: значит, владеющий чужим языком получил бесполезный дар? Но зачем же скрывать то, что можно выказать с прославлением Бога? И Павел называет средство исправления этого порока: пусть таковой просит у Бога дара истолкования; если же он его лишен, то пусть воздержится от внешней помпы.

14) *Ибо когда я молюсь на незнакомом языке*. Хотя апостол мог использовать и этот пример для подтверждения сказанного ранее, он, на мой взгляд, преследует здесь иную цель. Ибо вполне вероятно, что коринфяне грешили и в этом вопросе: они не только разговаривали, но и молились на чужих языках. Впрочем, оба злоупотребления проистекали из одного источника и относились к одному роду.

Что означает *молиться на языке*, ясно из предыдущего контекста. Это значит произносить молитву на незнакомом наречии. Что же означает здесь слово «дух» объяснить нелегко. Толкование Амвросия, отнесшего сказанное к Духу, получаемому нами в крещении, лишено не только оснований, но и какого-либо правдоподобия. Августин истолковал изящнее, отнеся это слово к способности восприятия, постигающего идеи и символы отдельных вещей, то есть к способности души, низшей по сравнению с умственным разумением.

Еще вероятнее мнение тех, кто думает, что здесь говорится о духе, исходящем из гортани, то есть о дыхании. Но такому толкованию противоречит то обстоятельство, что в течение настоящего рассуждения Павел употребляет слово «дух» в одном и том же смысле. Больше того, в этом случае будет иметь место частый повтор. Ведь коринфяне гордились этим почетным званием. И Павел вполне им его разрешил. Но одновременно он указывает, сколь порочно злоупотреблять столь добрым и известным прозвищем. Апостол как бы говорит: ты претендуешь на дух, но зачем все это, если он бесполезен? На этом основании я и вынужден согласиться со Златоустом по поводу значения слова «дух». Он толкует его, как и раньше, разумея под ним духовный дар. Таким образом, фраза «мой дух» означает то же, что и ниспосланный мне дар.

Но здесь возникает новая проблема: невероятно (по крайней мере, мы нигде об этом не читаем), чтобы кто-то говорил на незнакомом для себя языке по внушению от Святого Духа. Ведь дар языков посылался не для шума, а для общения. Как было бы смешно, если бы Дух Божий заставлял язык римлянина произносить слова на греческом, совершенно неизвестные говорящему! Подобно тому, как обучают воспроизводить человеческие слова попугаев, сорок и ворон! Если же наделенный даром языков говорил с пониманием и смыслом, Павел напрасно утверждает, что *дух молится, а ум остается бесплодным*. Ибо ум в таком случае непосредственно связан с духом.

На все вышесказанное отвечу так: Павел говорит здесь с целью научения. Он исходит из предположения того, чего на самом деле не было. Апостол спрашивает: если дар языка отделить от разумения, так, что говорящий будет варваром и для себя, и для других, что он достигнет от своего бормотания? Называть же ум *ἄκαρτος* потому, что церковь не получает от него никакой пользы, весьма натянуто. Ведь Павел говорит здесь о частных молитвах. Итак, согласимся с тем, что апостол разделяет соединенные друг с другом вещи с целью нашего научения, но не потому, что так могло бы быть, или обычно происходило. В таком случае смысл становится ясным. Если я молюсь на незнакомом мне наречии, и Дух подсказывает мне конкретные слова, то молится Дух, управляющий моим языком, но ум мой или блуждает вдали, или, по крайней мере, вовсе не участвует в молитве.

Отметим: Павел считает большим пороком то, что ум не участвует в молитвословии. И не удивительно: ибо что еще мы делаем, молясь, как не изливаем перед Богом свои помышления и желания? Кроме того, поскольку молитва есть духовное почитание Бога, разве может быть что-либо более чуждым ее природе, чем упражнение уст, а не души? И это было бы известно всем, если бы дьявол не оглушил мир настолько, что люди поверили, будто молятся правильно, только двигая губами.

Паписты настолько упорны в своей безумии, что не только оправдывают не понятные никому молитвы, но и требуют от несведущих бормотать совершенно незнакомые им слова. Между тем, они насмеются над Богом путем утонченного софизма, говоря, что в молитве вполне достаточно целевого намерения. То есть, Богу вполне угодно такое почитание, если какой-нибудь испанец на немецком языке станет Его проклинать и думать при этом о чем-либо мирском, лишь бы перед произнесением молитвенной формулы его намерение было хотя бы слабо обращено к Богу.

15) *Стану молиться духом*. Кто-то мог бы возразить и сказать: значит, дух совершенно бесполезен в молитве. Поэтому Павел учит: надлежит молиться и духом, лишь бы при этом присутствовал разум, то есть разумение. Итак, он допускает и одобряет использование в молитвах духовного дара. Но одновременно требует самого главного: наш ум не должен оставаться праздным.

Говоря же «буду петь», апостол под частным подразумевает общее. Коль скоро цель песнопений – восхваление Бога, под пением апостол понимает благословение, или благодарение, Бога. Ведь в своих молитвах мы либо просим что-нибудь у Бога, либо признаем ниспосланные от Него благодеяния.

Из этого отрывка мы также заключаем: обычай петь уже тогда распространился среди верующих. Об этом сказано даже у Плиния, который спустя по меньшей мере сорок лет после смерти Павла писал, что христиане имели обычай перед рассветом воспевать гимны Христу. И я не сомневаюсь, что в отношении песнопений христиане с самого начала подражали обряду иудейской церкви.

16) *Если ты будешь благословлять духом.* До сих пор апостол показывал, сколь суетными и бесплодными для каждого из нас будут молитвы, в которых к голосу не присоединяется разум. Теперь апостол переходит к молитвам общественным. Если собрание не понимает того, кто придумывает или возглашает молитвы от имени народа, то как простолюдины присоединят свой голос в конце, чтобы принять в них участие? Ведь общение в молитве бывает лишь в том случае, если у всех – единый помысел и одно желание. Подобное происходит и при благословениях, в которых мы благодарим Бога.

«Говорить» означает у Павла ситуацию, когда кто-то из служителей громко произносит молитвы, а весь народ внутренне и до самого конца присоединяется к его словам. Тогда все говорят «аминь», исповедуя, что молитва, произнесенная одним, была общей для всех. Известно, что слово «аминь» еврейское и производится из того же корня, что и вера или истина. Итак, оно служит подтверждением как утверждаемого, так и желаемого. Далее, поскольку это слово употреблялось иудеями очень долго, оно по этой причине перешло к язычникам. И греки пользовались им так, как если бы оно принадлежало их языку. Итак, речь идет о молитвенной формуле, распространенной во всех народах. И Павел говорит: если в торжественной молитве ты используешь непонятное наречие, не разумеемое неучами и простолюдинами, среди которых ты говоришь, между тобой и ими не будет общения в молитве. Тогда твоя молитва или твое благословение перестанут быть общественными. Почему? Потому что никто не может сказать «аминь» молитве или песнопению, если их не поймет.

Однако то, что отвергает Павел, паписты считают вполне освященным и законным. В этом проявляется их удивительное бесстыдство; больше того, это ярчайший пример, показывающий нам, какой разнузданной вседозволенностью обладает сатана в царстве папы. Что может быть яснее слов Павла: простолюдин не может участвовать в общественной молитве, если не понимает, что в ней говорится? Разве можно яснее и понятнее запретить совершать общественные благодарения и молитвы не на народном языке? Но паписты, ежедневно делая то, что запрещает Павел, неужели не превращают при этом в неуча его самого? И соблюдать с наивысшим благоговением то, чему он не велит быть, разве не означает открытого презрения к Богу? Итак, мы видим, сколь безнаказанно резвится среди них сатана. И дьявольское превозношение папистов выдает себя также в том, что, будучи обличенными, они не только не каются, но и готовы защищать свое заблуждение с помощью огня и меча.

18. Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками; 19. но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тысячу слов на незнакомом языке. 20. Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни. 21. В законе написано: иными языками и иными устами буду говорить народу сему, но и тогда не послушают Меня, говорит Господь. 22. Итак языки суть знамение не для верующих, а для неверующих; пророчество же не для неверующих, а для верующих. 23. Если вся церковь сойдется вместе, и все станут говорить незнакомыми языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь? 24. Но когда все пророчествуют, и войдет кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится. 25. И таким образом тайны сердца его обнаруживаются, и он падет ниц, поклонится Богу и скажет: истинно с вами Бог.

(18. Благодарю Бога моего: я более всех вас говорю языками; 19. но в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели десять тысяч слов на

языке. 20. *Братия! Не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершенными.* 21. *В законе написано: иными языками и иными устами буду говорить народу сему, но и так не послушают Меня, говорит Господь.* 22. *Итак языки вместо знамения не для верующих, а для неверующих; пророчество же не для неверующих, а для верующих.* 23. *Если вся церковь сойдется вместе, и все говорят языками, и войдут к вам незнающие или неверующие, то не скажут ли, что вы беснуетесь?* 24. *Но когда все пророчествуют, и войдет кто неверующий или незнающий, то он всеми обличается, всеми судится.* 25. *И таким образом тайны сердца его обнаруживаются, и он, пав ниц, поклонится Богу, возвещая, что истинно среди вас Бог.)*

18) *Благодарю и т.д.* Поскольку многие порицали чужие способности, которыми не обладали сами, Павел, дабы не казалось, будто он по злобе или зависти преуменьшает дар языков, упреждает подобное подозрение и ставит себя выше остальных в отношении этого дара. Смотрите, – говорит апостол, – моя речь не должна вызывать у вас подозрения, словно я унижаю то, чем не обладаю сам; если устроить состязание в знании языков, никто из вас со мною не сравнится; и хотя я мог бы расхваливать (*venditare*) это свое знание, все же назидание я ценю больше. Сказанное добавляет учению Павла немало авторитета, ибо он проповедовал его безо всякой корысти. Впрочем, дабы не показалось, будто апостол превозносится, ставя себя выше прочих, все свои дарования он относит к Богу, умеря скромностью собственную похвалу.

19) *Хочу лучше пять слов.* Высказывание Павла содержит гиперболу, если только не понимать пять слов как пять предложений. И коль скоро апостол, способный блистать говорением на языках, добровольно от этого воздерживается, стремясь к одному лишь назиданию безо всякой помпезности, он тем самым обличает ветреное тщеславие тех, кто желал выделяться пустым и никчемным бормотанием. Одновременно авторитет апостола должен был весьма помочь в том, чтобы отвадить коринфян от подобной суеты.

20) *Братия! Не будьте дети умом.* Апостол идет дальше. Он показывает, насколько обезумели коринфяне. Ведь в качестве особого блага они желали себе того, что Господь грозился послать народу, желая поразить его тягчайшей карой. Какое безумие – жадно и усердно стремиться к тому, что Бог рассматривает как проклятие! И чтобы лучше понять мысль апостола, отметим: эта фраза из Исаии (28:11) привязана к тут же добавленному апостолом свидетельству. Но переводчиков обмануло то, что они не обратили внимания на контекст. И дабы устранить всякое заблуждение, сначала объясним сказанное Исаией. Рассмотрим внимательнее слова апостола. В соответствующей главе своей книги пророк Исаия яростно обрушивается на десять колен, осквернивших себя всевозможными беззакониями. Все утешение пророка состояло в том, что у Бога сохранялся неиспорченный народ в колене Иуды. Но вскоре он начинает оплакивать и его порочность. И оплакивает тем горше, что на исправление его не оставалось никакой надежды. Исаия говорит от имени Бога: кого научу знанию? Вскормленных молоком матери? Оторванных от сосцов? Этим он хочет сказать, что они не более восприимчивы к учению, чем младенцы, недавно питавшиеся молоком.

Затем следуют слова: заповедь к заповеди, наставление к наставлению, повеление к повелению, указание к указанию, немного здесь, немного там. Этими словами Бог как бы передразнивает иудеев и изображает свойственные им нерадивость и лень. Он как бы говорит: обучая их, Я напрасно трачу Свое время; все безуспешно, коль скоро они чрезмерно невежественны и тут же забывают все, чему научились долгими стараниями. И снова вывод: кто говорит с этим народом, тот словно бормочет и говорит на чужом языке. Именно это место и цитирует Павел. Он хочет сказать: народ был поражен такой слепотой и таким безумием, что понимал говорящего с ним Бога не больше, чем какого-то варвара или чужестранца, болтающего на незнакомом наречии. А это – ужасное проклятие. Апостол не приводит сказанного пророком дословно, ибо ему было вполне достаточно только указать

на данный отрывок, дабы сами коринфяне, получив соответствующее наставление, размыслили над ним тщательнее.

Говоря же, что сказанное написано в законе, Павел не нарушает установившуюся терминологию. Ведь пророки не несли отдельного от закона служения, будучи его верными толкователями. И все учение их было как бы дополнением к закону. Поэтому законом названо здесь все Писание, составленное до пришествия Христова. И Павел делает вывод: братия, надо остерегаться младенческого неразумия, столь сурово порицаемого пророком, дабы глас Божий не звучал в ваших ушах бесплодно; если же вы отвергаете предъявленное вам пророчество и предпочитаете восхищаться пустыми звуками, разве это не значит добровольно навлекать на себя проклятие Божие?

Далее, дабы коринфяне не возразили, сказав, что в других отрывках младенческий настрой, наоборот, восхваляется, Павел упреждает эту возможность и увещевает их быть младенцами на злое, но не младенцами по уму. Отсюда мы заключаем, сколь бесстыдно поступают те, кто выдает невежество за христианскую простоту. Павел хочет, чтобы умом все верующие были, насколько возможно, совершенны. Папа же, поскольку легче обманывать ослов, нежели людей, под предлогом простоты велит всем своим оставаться неучами. Отсюда видно, что представляет собой папское правление, и сколь отличается оно от установления Христова.

22) *Итак языки суть знамение (итак языки вместо знамения).* Это место можно истолковывать двояко и относить слово «итак» либо только к ближайшему предложению, либо ко всему предыдущему рассуждению. Если выбрать первое, смысл будет таким: смотрите, братья, то, что вы желаете столь сильно – вовсе не благодеяние Божие верующим, а кара, насылаемая на неверующих. И Павел имеет в виду не постоянное использование языков, но вполне определенный и конкретный случай. Если же кто-то предпочтет отнести сказанное ко всему предыдущему рассуждению, возражать не стану, хотя меня вполне устраивает и первое толкование.

Если же понимать обобщенно, смысл будет следующий: языки, постольку, поскольку даны в качестве знамения, то есть, в качестве чуда, предназначены собственно не для верующих, а для неверующих. Разнообразным было использование языков. Отчасти оно было вынужденным, поскольку разнообразие народных наречий не должно было мешать апостолам сеять Евангелие по всему миру. А с помощью языков апостолы могли свободно общаться со всяким народом. Кроме того, дар языков или производил впечатление на неверующих, или устрашал их лицезрением чуда. Ведь цель как других чудес, так и этого чуда, состояла в том, чтобы приготовить к послушанию Христу тех, кто ранее был Ему чужд. Верующие же, уже посвятившие себя Его учению, не до такой степени нуждались в подобной подготовке. Итак, коринфяне напирала на этот дар неправильно и неуместно, презирая в то же время пророчество, особо и в собственном смысле предназначенное для верующих, и поэтому обязанное быть для них желанным. В языках же внимание их привлекало одно лишь чудо.

23) *Если вся церковь сойдется.* Поскольку коринфянами овладела глупая и порочная страсть, они вовсе не замечали своего порока. И Павел учит их: они подвергнутся насмешкам нечестивых и неучей, если последние, придя на их церковное собрание, застанут их не говорящими, а издающими непонятные звуки. Ибо какой неуч не сочтет, что не безумны люди, вместо разумной речи попусту сотрясающие воздух? Люди, занятые подобной глупостью, несмотря на то, что собрались услышать божественное учение? Слова Павла весьма язвительны: вы в восторге от самих себя, – говорит он коринфянам, – а между тем нечестивые и неучи осмеивают вашу нелепость; итак, вы не видите даже того, что ясно видно неученым и неверующим.

Но Златоуст задает здесь следующий вопрос: коль скоро языки даны в знамение неверующим, почему же, по словам апостола, они будут их высмеивать? И отвечает так: языки

служили знамением, приводившим неверующих в изумление, но не наставляющим или изменяющим их к лучшему. Тем не менее, Златоуст добавляет, что знамение казалось неверующим беснованием в силу их собственной порочности. Но мне не нравится такое решение вопроса. Ибо какое бы впечатление ни производило чудо на неверующего или неуча, как бы ни читал он в нем дар Божий, он не перестанет из-за этого высмеивать или осуждать неуместное употребление этого дара. Он скажет себе: чего хотят достичь эти люди, напрасно изнуряющие себя и других? Зачем говорить так, чтобы при этом ничего не сказать? Таким образом, Павел имеет в виду следующее: неверующие и неучи будут заслуженно осуждать безумие коринфян, как бы те сами себе ни нравились.

24) *Но когда все пророчествуют.* Ранее апостол учил, насколько пророчество полезнее для верующих по сравнению со знанием языков. Теперь же он учит тому, что полезно не только для них, но и для внешних. И для коринфян это – самый веский и обличительный довод. Ибо сколь порочно недооценивать дар полезный и внутри и вне Церкви, и между тем держаться за другой, бесполезный для домашних и создающий преткновение для чужих! Апостол видит плод пророчества в том, что оно вызывает совесть нечестивого на суд Божий. Оно так поражает его живым ощущением этого суда, что он, ранее спокойно презиравший здоровое учение, вынужден теперь воздать славу Богу.

Впрочем, этот отрывок будет еще легче понять, если сравнить с ним сказанное в Евр.4:12: Слово Божие живо и действенно, и проникает глубже любого меча обоюдоострого, доставая до разделения души и духа, сочленений и мозгов, творя суд над помышлениями сердца. И здесь, и там проповедуется одна и та же действенность Слова Божия, но полнее и яснее в отрывке из Послания к Евреям. Что же касается настоящего места, то теперь нетрудно понять, что значат слова *обличать* и *судить*. Совесть человека пребывает в оцепенении, ее вполне устраивают собственные злые дела, покуда она заволакивается тьмою невежества. Неверие – это, в конечном итоге, летаргический сон, усыпляющий все чувства. Но Слово Божие проникает до самых отдаленных тайников души и словно внесенным светильником рассеивает их мрак, стряхивая с души смертельное оцепенение. Итак, неверующие обличаются в следующем смысле: понимая, что имеют дело с Богом, они впадают в серьезное волнение и трепет. Их также подвергают суровому суду. Ведь ранее, спрятавшись в своем мраке, они не видели собственной гнусности; теперь же, после извлечения их на свет, нечестивые вынуждены против себя свидетельствовать.

Фразу «всеми обличается, всеми судится» отнеси к тем, кто пророчествует. Ведь немного выше апостол говорил: но когда вы все пророчествуете. Павел выразительно пользуется здесь словом «все», дабы устранить небрежение пророческим даром. По его словам, неверующий обличается не потому, что пророк намеками или открыто выносит ему приговор, но потому что совесть самого слышащего узнает из учения пророка о собственном осуждении. Он судится, поскольку обращается к самому себе и, устроив самопроверку, узнает о себе то, чего ранее не знал. Сюда же относится сказанное Христом: Дух, придя, обличит мир о грехе (Ин.16:8). Именно об этом говорит апостол в сразу же следующей фразе: «тайны сердца его обнаруживаются». На мой взгляд, он имеет в виду не то, что остальные узнают, каков он на самом деле, а скорее то, что совесть его пробудится, осознав ранее неизвестное ей собственное зло.

Но здесь Златоуст снова спрашивает: как пророчество может быть столь действенным для обличения неверующих, если сам Павел ранее говорил, что оно дано не им. На этот вопрос он отвечает так: пророчество, действительно, им дано, но не как бесполезный знак, а как повод для назидания. Я же думаю, что проще и лучше было сказать по-другому: пророчество дано грешникам, однако не погибающим, сердца которых ослепил сатана, дабы те не видели сияющий в нем свет. И будет лучше, если мы соединим эту фразу с пророчеством Исаии (28:11), где он ведет речь о неверующих, для которых пророчество бесплодно и бесполезно.

25) *И он падет ниц и поклонится (пав ниц, поклонится).* Ибо смирить плотскую гордыню может только истинное познание Бога. И пророчество подводит нас именно к нему. Итак, природа и сила пророчества заключаются в том, чтобы сбросить людей с высоты их гордыни и заставить их, пав ниц, поклониться Богу. Впрочем, для многих пророчество остается бесполезным, больше того, некоторые становятся от него хуже. Но Павел приписывает эту силу пророчеству не в том смысле, что оно всегда ее выказывает. Он только дает понять, какая от него польза, и в чем состоит его служение. Великая похвала пророчеству! Ведь оно заставляет неверующих признать, что Бог находится со Своим народом, и в собрании оно сияет Его величие.

26. *Итак что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть псалом, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, – все сие да будет к назиданию.*

27. *Если кто говорит на незнакомом языке, говорите двое, или много трое, и то порознь, а один изъясняй.* 28. *Если же не будет истолкователя, то молчи в церкви, а говори себе и Богу.* 29. *И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают.* 30. *Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи.* 31. *Ибо все один за другим можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение.* 32. *И духи пророческие послушны пророкам,* 33. *потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира. Так бывает во всех церквях у святых.*

(26. *Итак что же, братия? Когда вы сходитесь, и у каждого из вас есть песнопение, есть поучение, есть язык, есть откровение, есть истолкование, – все сие да будет к назиданию.* 27. *Если кто говорит на языке, говорите двое, или много трое, и то порознь, а один да изъясняет.* 28. *Если же не будет истолкователя, пусть молчит в церкви, а говорит себе и Богу.* 29. *И пророки пусть говорят двое или трое, а прочие пусть рассуждают.* 30. *Если же другому из сидящих будет откровение, то первый молчи.* 31. *Ибо все каждый по отдельности можете пророчествовать, чтобы всем поучаться и всем получать утешение.* 32. *И духи пророческие послушны пророкам,* 33. *потому что Бог не есть Бог неустройства, но мира, как и во всех церквях у святых.)*

26) *Итак что же.* Апостол говорит о врачевстве, способном излечить указанный им недуг. Во-первых, надо давать место всем дарам, но по очереди и в меру. Во-вторых, церковь должна заниматься не бесполезными упражнениями, но стремиться к назиданию во всех своих делах. О назидании апостол говорил прежде, и говорил следующим образом: каждый, наделенный каким-нибудь даром, должен стараться употреблять его ради общей пользы. Ведь именно так следует понимать слово «каждый», а вовсе не в обобщающем смысле, словно все до одного были наделены каким-нибудь видом подобной благодати.

27) *Если кто говорит на незнакомом языке (говорит на языке).* Теперь апостол говорит о порядке говорения на языках и предписывает его надлежащий способ. Если кто-то хочет говорить на языках, пусть говорят двое или трое, по крайней мере, не больше трех, и пусть тут же присутствует истолкователь. Без толкователя от языков нет пользы. Значит, пусть знающие их воздержатся в этом случае от их употребления. Отметим, что апостол не повелевает, а только разрешает. Ибо церковь без всякого неудобства могла бы обойтись без дара языков, нуждаясь в них лишь настолько, насколько последние помогают пророчеству. Таковы сегодня еврейский и греческий языки. Но Павел допускает использование языков, дабы не казалось, что он лишает верующих какой-либо духовной благодати. Хотя и это могло бы показаться неразумным, ибо раньше апостол говорил, что языки полезны неверующим, и при этом лишь постольку, поскольку являются знаменами. Отвечаю: хотя бы чудо производилось прежде всего ради неверующих, отсюда не следует, что оно никоим образом не относится к верующим. Если же слова о том, что незнакомый язык есть знамение для неверующих, понимать в смысле Исаии, мысль апостола предстанет совершенно по-иному. Он допускает языки, но так, чтобы соединенное с ними истолкование проясняло все.

Итак, апостол устраняет порок коринфян наилучшим возможным средством. Он не отвергает никакой Божий дар, позволяя всем Его благодеяниям проявляться среди верующих. Однако Павел предписывает способ использования того или иного дара, дабы место славы Божией не заняло тщеславие, и дабы меньший дар не мешал использованию большего. Одновременно апостол ставит условие – не допускать пустого и лишнего плода бахвальства.

28) *Говори (говорит) себе и Богу.* Пусть они пользуются, – говорит апостол, – своим даром в своей же совести и благодарят за это Бога. Именно так я и толкую фразу «говорить себе и Богу». Она означает следующее: признавать в самом себе ниспосланную Им благодать, сопровождать ее благодарением, и пользоваться ею как бы для самого себя, когда неуместно выказывать ее перед другими. Ибо апостол противопоставляет этому тайному говорению открытое, которое он запрещает устраивать в церкви.

29) *Пророки ... двое или трое.* Апостол устанавливает определенные рамки также для дара пророчества. Ибо, как говорят в народе, множественность порождает неразбериху. И это истинно, поскольку подтверждается нашим повседневным опытом. Однако Павел не столь строго ограничивает число говорящих, как в случае с языками. Ибо нет никакой опасности посвящать пророчеству большее время. Напротив, подобное усердие было бы весьма похвально. Однако Павел имеет в виду людскую немощь и то, что она способна усвоить за один раз.

И все же остается вопрос: почему апостол устанавливает одно и то же число говорящих как для пророчества, так и для языков? Разве что в отношении последних он подчеркнуто добавляет слово «много». Ведь если языки менее полезны, чем пророчества, использование их должно быть более редким. Отвечаю: под языками в том смысле, в котором здесь их понимает Павел, имеются в виду и пророчества. Ведь языки употребляются или для изъяснения, или для молитвы. В первом случае толкователь исполняет роль пророка. Таким и было главное, а также весьма частое употребление пророческого дара. Апостол же лишь устанавливает ограничение, дабы пророчество не надоедало и не падало от этого в цене. Кроме того, он не хочет, чтобы менее опытные похищали у лучших право и возможность поучать. Павел хочет, чтобы те, кому он присваивает проповедническое служение, поставлялись открыто из числа самых выдающихся посредством общего голосования церкви. Но известно, что в этой ситуации большую пронируемость проявляют весьма посредственные и малоученые люди. Так что истинна пословица о том, что невежеству свойственна дерзость. И Павел хочет предотвратить подобное зло, возлагая обязанность говорить лишь на двух или трех пророков.

Прочие пусть рассуждают. Дабы не давать кому-то повода для жалоб, словно он желает подавить и похоронить ниспосланный ему Божий дар, Павел показывает, как можно пользоваться этим даром во благо церкви, даже храня при этом молчание. Им можно пользоваться, раздумывая о том, что говорят другие. Весьма полезно присутствие людей, опытных в рассуждении, не позволяющих здравому учению извращаться мошенничеством сатаны или искажаться какими-то нелепостями. Итак, Павел утверждает: прочие пророки, даже храня молчание, будут весьма полезны для церкви.

Но представляется весьма глупым позволять людям судить об учении Божиим, которое должно приниматься безо всяких споров. Отвечаю на это: учение Божие не подчиняется здесь суждению людей. Говорится лишь, что люди, руководствуясь Духом Божиим, должны размышлять над тем, от Бога ли исходит произносимое слово, или же, о чем будет сказано ниже, под предлогом откровения нам преподается простое человеческое измышление.

30) *Если же другому из сидящих будет откровение.* Это – вторая польза, которую могут принести пророки, даже храня молчание. Ведь им обязательно дадут возможность говорить, когда наступит подходящий случай. Посему у пророков нет причин жаловаться на

то, что им связывают дух или затыкают рот. Ибо у каждого по мере необходимости остается возможность и свобода говорить, лишь бы никто, больше потакая себе, нежели служа другим, не пользовался ею несвоевременно. И подобную скромность апостол требует от всех, дабы каждый уступал другому, если тот способен принести большую пользу. В этом и состоит подлинная духовная свобода: не в том, чтобы каждому позволялось наобум вещать все, что ему вздумается, но в том, чтобы все, от малого до великого, добровольно подчинялись порядку и слушали одного и того же Духа, чьими бы устами Он ни говорил. Что же касается надежности откровений, то о ней будет сказано немного ниже.

31) *Все один за другим (каждый по отдельности) можете.* Во-первых, говоря «все», апостол имеет в виду не всех верующих вообще, но лишь тех, кто наделен соответствующими способностями. Во-вторых, он хочет сказать не то, что у всех должны быть одинаковые возможности для научения, но то, что каждый должен учить реже или чаще в зависимости от того, какую пользу получает народ. Апостол как бы говорит: никто не останется без дела навечно. Ведь повод для научения сегодня предоставлен одним, а завтра – другим.

Апостол добавляет: «чтобы всем поучаться». И хотя эта фраза относится ко всему народу, все же, прежде всего, Павел имеет в виду пророков, поскольку сказанное больше всего подходит именно к ним. Никто никогда не станет хорошим учителем, если сам не будет выказывать обучаемость и готовность к восприятию знаний. Ведь нет никого, кто был бы настолько совершен в учении, что не получал бы пользу, слушая других. Итак, все должны исполнять учительское служение так, чтобы всякий раз, как другим представится возможность назидать церковь, не отказываться занять место ученика.

Затем идет фраза о том, чтобы «всем получать утешение». Отсюда можно вывести: служители Христовы должны быть далеки от зависти и радоваться от души, что не они одни, а кто-то еще отличается присущим им дарованием. Священная история гласит, что именно так и был настроен Моисей. Ибо когда его слуга, восплавав из-за глупой ревности, опечалился, что и другим дана благодать пророчества, Моисей, упрекая его, сказал (Числ.11:28): о, если бы весь народ Божий обладал таким же достоинством, как и я. Действительно, благочестивым служителям доставляет великое утешение видеть, как Дух Божий, орудиями Которого они являются, действует и в других людях. От этого они немало укрепляются в своей готовности служить. Утешение также состоит в том, что множество служителей и свидетелей способствует распространению Слова Божия.

Впрочем, поскольку глагол *παρακαλεῖται*, которым здесь пользуется Павел, несет двойной смысл, можно было бы перевести и так: «всем получать ободрение». И это вполне соответствовало бы контексту. Ведь нам для большего стимула к исполнению своего служения порою бывает полезно послушать мнение других.

32) *И духи пророческие.* Вот одна из причин, по которой необходимо чередование выступающих. Ибо порою один пророк может кое в чем исправить учение другого. Несправедливо, – говорит Павел, – чтобы кто-то был полностью неподсуден другим. Поэтому по общему согласию очередь на выступление иногда переходит к тому, кто до этого сидел молча.

Это место кое-кто понял превратно: словно Павел сказал, что пророки Господни не похожи на одержимых, находящихся вне себя с того момента, как на них снизошел *ἐνθουσίᾳ αἰμῶς*. Истинно, что пророков Божиих никогда не оставляет разум, однако эта мысль не имеет никакого отношения к настоящему отрывку. Ибо апостол (как уже говорилось) хочет сказать следующее: всякий подлежит суду других, и всех слушают лишь с тем условием, что учение их не противится проверке.

Однако и такое толкование не лишено трудностей: ведь апостол утверждает здесь подчинение духов. Хотя речь, безусловно, идет о дарах, все же непонятно, как люди могут судить о пророчестве, данном от Святого Духа, без того, чтобы оценивать Сам Дух? В таком

случае проверке будет подлежать и Слово Божие, открываемое нам Духом. Но оскорбительность подобной ситуации ясна сама собой, не требуя никаких иных доказательств. Так вот, я отрицаю, что Дух или Слово Божие подлежат такого рода проверке. Величие Святого Духа остается неповрежденным, и Он судит других, не судясь при этом Сам. Также сохраняется почтение и к слову Божию: его следует принимать без споров, как только оно возвещено.

Итак, спросишь ты, что же в таком случае подлежит проверке? Отвечаю: если очевидно, что кому-то дано откровение, он вместе со своим даром становится, безусловно, выше любого расследования. Нет никакого подчинения там, где есть полнота откровения; но, поскольку Бог каждому дает Духа в меру, и даже при самом великом Его избытке чего-то всегда недостает, не удивительно, если никто не возвышается настолько, чтобы свысока смотреть на всех и не иметь над собой никакого судьи.

Теперь мы видим, как можно проверять дары Святого Духа без всякого оскорбления в Его адрес. Больше того, даже там, где после тщательного испытания не обнаружится ничего достойного упрека, все же останется нечто, требующее шлифовки. Итог таков: дар Духа подлежит проверке в том смысле, что пророки должны исследовать, исходит ли предлагаемое другими от Святого Духа? И если будет ясно, что автором является Сам Дух, все колебания следует отбросить.

Однако остается еще один вопрос: каково правило этой проверки? На этот вопрос можно отчасти ответить устами самого Павла, который в Рим.12:6 подводит даже пророчество под правило христианской веры. Однако касательно испытания, не подлежит сомнению, что им должны управлять Слово и Дух Божий, дабы одобрялось и принималось лишь то, о чем доказано, что оно исходит от Бога, а все отвергаемое отвергалось лишь через Его Слово. И наконец, последнее – на этом разбирательстве председательствует Сам Бог, а людям отведена лишь роль Его глашатаев.

Из сказанного Павлом можно вывести, какое богатство и разнообразие даров имелось в коринфской церкви. Пророки составляли в ней целое сообщество, так что им было трудно установить между собою очередность. Одним словом, разнообразие даров было таким, что даже имелся какой-то их излишек. Отсюда мы делаем вывод о нашей собственной немощи и даже нищете. Но все это – справедливое наказание за нашу же неблагодарность. Ибо богатство Божие не оскудело и щедрость Его не иссякла, но мы как недостойны получения Его даров, так и не способны вместить Его щедроты. Хотя пока еще вполне достаточно света и научения, лишь бы не исчезло усердие к благочестию и проистекающий из него плод.

33) *Бог не есть Бог неустройства.* Здесь подразумевается слово «творец» или что-то в этом роде. Это, действительно, в наивысшей степени полезное утверждение. Оно учит нас, что Богу может служить лишь тот, кто любит мир и стремится к миру. Там же, где имеется страсть к спорам, Бог, определенно, не царствует. И как легко об этом говорить! Как все единодушно этому вторят! И, между тем, многие ссорятся без всякого повода и, желая хоть как-то выделиться и чем-то казаться, сеют в церкви смуту.

Итак, будем помнить: вынося суждение о Христовых слугах, надо обращать внимание на следующий признак: стремятся ли они к миру и согласию, ведут ли себя спокойно и избегают ли по мере сил споров? Лишь бы под миром мы разумели тот, узам которого является истина Божия. Ведь, если предстоит сражаться с нечестивыми учениями, то даже если небо упадет на землю, борьбу все равно следует продолжать. Прежде всего, надо стремиться к тому, чтобы истина Божия не подлежала сомнению, но если нечестивые на нее восстают, и на них, в свою очередь, следует восстать, не боясь при этом обвинения в смуте. Ибо проклят тот мир, залог которого – отпадение от Бога, и благословенна та война, которая необходима для защиты Царства Христова.

Так бывает во всех церквах (как и во всех церквах). Сравнение относится не только к предыдущему предложению, но и ко всему сказанному выше. Апостол как бы говорит: до сих пор я заповедывал вам лишь то, что соблюдается и в прочих церквах. Через это они и живут в мире. Итак, заимствуйте то, спасительность чего другие церкви проверили на собственном опыте, то, что в наибольшей степени способствует сохранению мира. И слово «святых» несет на себе эмфазу: апостол как бы утверждает, что правильно устроенные церкви находятся вне всяких подозрений.

34. Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит. 35. Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; ибо неприлично жене говорить в церкви. 36. Разве от вас вышло слово Божие? Или до вас одних достигло? 37. Если кто почитает себя пророком или духовным, тот да понимает, что я пишу вам, ибо это заповеди Господни. 38. А кто не понимает, пусть не понимает. 39. Итак, братия, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать, но не запрещайте говорить и языками; 40. только все должно быть благопристойно и чинно.

(34. Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит. 35. Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают о том дома у мужей своих; ибо неприлично жене говорить в церкви. 36. Разве от вас вышло слово Божие? Или до вас одних достигло? 37. Если кто почитает себя пророком или духовным, тот да понимает, что я пишу вам, ибо это заповеди Господни. 38. А кто не знает, пусть не знает. 39. Итак, братия, ревнуйте о пророчестве, но не запрещайте говорить и языками; 40. только все должно быть благопристойно и чинно.)

Из этого становится ясным еще один порок коринфской церкви: на священных собраниях коринфяне давали место и чуть ли не предоставляли вседозволенность женской болтливости. Итак, апостол запрещает женщинам говорить на собраниях с целью обучения других или пророчества. И это следует понимать в отношении обычного служения женщин, или же относить к тому случаю, когда имеется уже обустроенная церковь. Ибо может возникнуть необходимость, требующая, чтобы женщина получила право говорить. Но Павел имеет в виду лишь то, чему подобает быть в правильно обустроенном собрании.

34) *Быть в подчинении, как и закон говорит.* Но какое отношение к настоящей мысли апостола имеет подчинение, к которому закон принуждает женщин? Что мешает женщинам, скажет кто-нибудь, одновременно и подчиняться, и учить? Отвечаю: учительское служение в церкви связано с председательством, и поэтому противоречит подчинению. Как непристойно было бы, если бы та, которая подчинена одному из членов церкви, председательствовала всему ее телу! Итак, довод апостол основан на сравнении противоположностей: если женщина подчинена, значит, она лишена власти публично учить. Действительно, везде, где уважалась природная благообразность, женщин во все века отстраняли от общественного управления. Да и всеобщий здравый смысл диктует нам, что женовластие порочно и постыдно. Больше того, когда в Риме им было позволено выступать в суде, наглость Каии Афрании привела к тому, что вскоре им это запретили. Но довод апостола весьма прост. Власть учить чужда женской природе, поскольку, если женщина учит, она, вопреки положенному ей подчинению, руководит всеми, и в том числе мужчинами.

35) *Если же они хотят чему научиться.* Дабы не показалось, что женщины, таким образом, лишаются возможности обучаться тому, чего они не знают, Павел велит им спрашивать в частном порядке и не затевать публичных обсуждений. Говоря же о *мужьях*, апостол не запрещает женщинам обращаться, если понадобится, и к пророкам. Ведь далеко не все мужья способны отвечать вразумительно.

Но коль скоро Павел ведет здесь речь о внешней благопристойности, ему было достаточно просто указать на то, что является неприличным, и предостеречь от этого коринфян. Между тем, дело разумного читателя понять, что вещи, о которых здесь говорится, без-

различные и как бы промежуточные. В них нет ничего непозволительного, кроме разве того, что они противоречат пристойности и назиданию.

36) *Разве от вас вышло.* Упрек апостола звучит несколько сурово, однако он должен был обуздать гордыню своих слушателей. Ведь они были влюблены в себя сверх всякой меры и не терпели, чтобы их и что-то, связанное с ними, в чем-либо порицали. Итак, апостол спрашивает: разве вы единственные, разве вы первые или последние христиане в этом мире? От вас ли, – говорит апостол, – вышло Слово Божие? То есть, у вас ли оно стало проповедоваться впервые? И закончилось ли оно на вас? То есть, разве оно не стало распространяться дальше? Сюда же относится и увещевание коринфян не полагаться на свои измышления и обычаи, отбрасывая при этом прочие доводы. Так что учение Павла носит общий характер: никакая церковь не должна быть привержена только себе, пренебрегая при этом другими, но все должны протягивать друг другу руку помощи и лелеять взаимное общение. И насколько требует стремление к согласию, одни должны приспособляться к другим.

Но спрашивается: если какая-нибудь церковь идет впереди другой по старшинству, должна ли она обязывать ту, другую, соблюдать свои установления? Ведь именно на это, кажется, и намекает здесь Павел. Например, иерусалимская община была матерью всех церквей, поскольку из нее и вышло Слово Господне. Могла ли она в таком случае присвоить себе право обязывать всех подражать своим установлениям? Отвечаю: Павел по своему обыкновению использует здесь не общий довод, но тот, который особым образом подходил коринфянам. Поэтому он больше имеет в виду людей, чем само существо вопроса. Так что из сказанного не следует с необходимостью, что все нижестоящие церкви во всем должны слушаться установлений высших. Причем даже сам Павел не присваивает себе права навязывать другим церквям обряды, принятые в Иерусалиме. Да исчезнет тщеславие, да исчезнет наглость, да исчезнут превозношение и презрение к остальным. И, наоборот, пусть будет усердие к назиданию, пусть соблюдаются скромность и благоприличие. Тогда в разнообразии обрядов не окажется ничего заслуживающего порицания.

Итак, будем помнить: здесь осуждается гордыня коринфян, которые, заботясь лишь о самих себе, проявляли абсолютную неблагодарность к церквям, от которых получили Евангелие, а также не стремились приспособиться к тем церквям, до которых благовестие дошло позже. О, если бы в наше время в отношении этого и других пороков больше не было никаких Коринфов! Но мы видим вокруг себя множество варваров, которые, не вкусив Евангелие сами, постоянно тревожат благочестивые церкви тираническим навязыванием своих законов.

37) *Если кто почитает себя пророком.* Вот в чем рассудительность пророков, которую раньше столь сильно расхваливал Павел, а именно: они должны принимать все, что признают исходящим от Бога. Апостол велит им не исследовать Слово Божие как нечто сомнительное, но твердо принимать его в таком качестве. Ибо пророки обязательно признают его таковым, если будут правильно судить. Далее, право предписывать коринфянам правильное мнение по тем или иным вопросам Павел относит к своему апостольскому авторитету.

Он даже высказывает еще большую уверенность в своей власти, говоря: «кто не знает, пусть не знает». И подобная уверенность была, безусловно, позволительной для Павла, твердо осознававшего, что он получил откровение от Бога. Да и сами коринфяне должны были знать его и думать о нем не иначе, как об апостоле Господнем. Однако не каждый имеет право заявлять о себе такое. А если и заявит, подлежит заслуженному осмеянию из-за своей дерзости. Ибо подобная самоуверенность уместна лишь тогда, когда дела соответствуют проповеди уст. Павел истинно утверждал, что его заповеди исходят от Господа, но многие претендуют на то же самое и при этом беззастенчиво лгут. В этом вопросе важно выяснить, говорит ли от Святого Духа или от собственного разума тот, кто не хочет

подчиняться общему порядку. И если он окажется не чем иным, как простым орудием Святого Духа, то сможет спокойно провозгласить вместе с Павлом: отвергающие мое учение – не пророки и не духовные люди. Причем, он сделает это по праву, ведь, как было сказано в начале Послания, духовный судит обо всем.

Однако здесь можно задать вопрос: как мог Павел называть заповедями Господними те установления, о которых нет никакого свидетельства в Писании. Кроме того, возникает и другой вопрос: заповеди Господни связывают совесть, и их необходимо строго соблюдать, но заповеди Павла – просто установления для общественной церковной жизни, и соблюдение их не связано с подобной необходимостью. Все это так, но, по словам Павла, он заповедует лишь то, что согласуется с волей Божией. А Бог наделил его мудростью для установления как в Коринфе, так и в других местах внешнего церковного порядка. Причем вовсе не для того, чтобы он был нерушимым законом, каким являются установления, заповедующие духовное почитание Бога, но для того, чтобы этот порядок был полезным для всех детей Божиих, и им ни в коем случае не пренебрегали.

38) *Кто не понимает (кто не знает)*. Древний перевод гласит так: о незнающем же и самом не будут знать. Однако такой вариант ошибочен. Ведь Павел только хотел лишить повода для споров склонных к любопытству людей, которые никогда не прекращают препираться под предлогом какого-то исследования, как будто вопрос им до сих пор не ясен. Или же апостол просто хочет сказать, что все, сомневающиеся в его словах, могут делать все, что им угодно. Павел как бы говорит: если кто-то не знает, я не буду его удерживать, ибо из-за этого достоверность моего учения не убавится; пусть таковой будет здравствовать, кем бы он ни был, вы же веруйте говорящему через меня Христу. В итоге, апостол хочет сказать следующее: сомневающиеся, спорщики, любители утонченных доводов, своими вопросами ни в чем не убавляют авторитет здравого учения и его истину, которая должна быть незыблемой для всех верующих. Одновременно он убеждает нас, что нам не должны мешать их постоянные колебания. Однако подобная высота души, презирующая все человеческие суждения, должна основываться на ясно познанной истине. Итак, подобно тому, как было бы превратной дерзостью упорно защищать однажды принятое мнение вопреки несогласию остальных, или упрямо придерживаться его, несмотря на их сомнения, так же, если нам ясно, что с нами говорит Бог, следует не обращать внимания на все препятствия или трудности, возникающие со стороны людей.

39) *Итак, братия*. Ответ на главный сформулированный выше вопрос: хотя пророчество и надо предпочесть всем дарам как самое полезное, все же не стоит пренебрегать и прочими дарованиями. Апостол имеет в виду, что пророчество достойно того, чтобы все пламенно и упорно к нему стремились. Между тем, он увещевает не завидовать другим, обладающим этим редким и столь желанным даром. Больше того, он учит, отбросив всякое ревнование, с готовностью уступать славу другому человеку.

40) *Все должно быть благопристойно и чинно*. Это – самый общий вывод, относящийся не только ко всему обсуждению, но и к отдельным его частям. Больше того, это – правило, с которым надлежит согласовывать все, касающееся внешнего порядка. Ранее апостол в разных местах Послания рассуждал о чинном устройстве дел, теперь же он хочет подвести краткий итог сказанному, а именно: надо соблюдать благопристойность и избегать беспорядка. И эти слова показывают, что Павел не желал связывать совесть верующих вышеизложенными предписаниями, словно последние сами по себе необходимы. Он заповедал их лишь постольку, поскольку они способствуют благопристойности и миру. Отсюда (как я уже говорил) мы выводим неизменное учение о том, какой цели служит общественное устройство Церкви.

Господь потому оставил на наше усмотрение богослужебный порядок, чтобы мы не думали, будто именно в нем заключается правильное богочитание. Между тем, Он не разрешает нам блудливую и разнузданную вседозволенность, но (так сказать) полагает для нее

пределы. Или же Он так ограничивает данную нам свободу, чтобы то, что правильно, мы должны были усматривать из Его Слова. Итак, если этот отрывок истолковать правильно, он ясно покажет нам различие между тираническими законами папы, жестоким образом порабощающими совесть, и благочестивыми законами Церкви, устанавливающими дисциплину и порядок. Больше того, отсюда можно вывести, что справедливые законы не следует считать человеческими преданиями, ибо они основаны на общей заповеди Божией и ясно одобряются Им так, словно исходят из уст Самого Христа.

Глава 15

1. Напоминаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились, 2. которым и спасаетесь, если преподанное удерживаете так, как я благовествовал вам, если только не тщетно уверовали. 3. Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, 4. и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, 5. и что явился Кифе, потом двенадцати; 6. потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили; 7. потом явился Иакову, также всем Апостолам; 8. а после всех явился и мне, как некоему извергу. 9. Ибо я наименьший из Апостолов, и недостойн называться Апостолом, потому что гнал церковь Божию. 10. Но благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною.

(1. Возвещаю вам, братия, Евангелие, которое я благовествовал вам, которое вы и приняли, в котором и утвердились, 2. через которое и имеете спасение, если преподанное удерживаете так, как я возвестил вам, если только не тщетно уверовали. 3. Ибо я первоначально преподавал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, 4. и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию, 5. и что явился Кифе, потом двенадцати; 6. потом явился более нежели пятистам братий в одно время, из которых большая часть пребывает и доныне, до сего дня, а некоторые и почили; 7. потом явился Иакову, также всем апостолам; 8. а после всех явился и мне, как некоему извергу. 9. Ибо я наименьший из Апостолов, и недостойн называться апостолом, потому что гнал церковь Божию. 10. Но благодатию Божиею есмь то, что есмь; и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая присутствовала со мною.)

1) *Напоминаю вам (возвещаю вам).* Теперь апостол переходит к другой теме, а именно: к воскресению, вера в которое среди коринфян была поколеблена некоторыми нечестивцами. Не ясно, спорили ли они только о последнем воскресении плоти, или также о бессмертии души. Вполне известно, что по этому вопросу возникали различные заблуждения. Некоторые философы сомневались в том, что души бессмертны, а мысль о воскресении плоти никому из них даже не пришла в голову. Еще грубее заблуждались саддукеи, думавшие только о настоящей жизни, больше того, считавшие человеческую душу простым лишенным сущности дуновением.

Итак, (как я уже говорил) не вполне ясно, дошли ли коринфяне до такого безумия, что полностью отбросили упование на будущую жизнь, или же только отрицали воскресение плоти. Ведь доводы, которыми здесь пользуется Павел, кажется, говорят о том, что коринфяне были просто одурманены саддукейским сумасшествием. Например, когда апостол говорит: чем полезно креститься ради мертвых? разве не лучше вместо этого есть и пить? для чего мы всегда подвергаемся опасности? и тому подобное, – можно было бы легко ответить, опираясь на мнение философов: все это делается потому, что души остаются жить после смерти. Посему все рассуждение Павла, содержащееся в этой главе, некоторые относят также и к бессмертию души. Я же как оставляю без ответа вопрос, в чем именно состояло заблуждение коринфян, так и не могу пойти на то, чтобы переносить

сказанное Павлом на что-либо еще, кроме воскресения плоти. Итак, пусть будет бесспорным следующее: в настоящей главе речь идет лишь об этом воскресении.

И почему бы нет, если нечестие Именей и Филита дошло до того, что, по их словам, воскресение уже произошло, и больше никакого другого не будет? Да и сегодня на них похожи некоторые беснующиеся, или скорее бесы, одержимые бесами и зовущие себя либертинцами. Мне кажется более правдоподобным такое предположение: коринфяне обманулись из-за какой-то выдумки, лишившей их надежды на будущее воскресение, подобно тому, как Именей и Филит, вообразив себе аллегорическое воскресение, отбросили истинное, которое было им обетовано.

Но как бы то ни было, случай с коринфянами, действительно, ужасен и чудовищен: будучи научены великим учителем, они так быстро впали в столь грубое заблуждение! Но что удивительного? Ведь и саддукеи в израильской церкви дерзали говорить, что человек, касательно сущности души, ничем не отличается от скотов, имея лишь то счастье, которое присуще и им. Однако же, отметим, что подобное ослепление было праведным судом Божиим, дабы те, кто не довольствовался истиной Божией, то тут, то там поддавались обману сатаны.

Но спрашивается: почему апостол отложил до конца послания тему, заслуживавшую первоочередности? Согласно некоторым, это было сделано для того, чтобы глубже укоренить его учение в памяти слушателей. Я же скорее думаю, что Павел не хотел обсуждать столь значимую тему, пока не утвердил среди коринфян свой несколько поколебленный авторитет, и, обуздав их превозношение, сделал их более обучаемыми.

Напоминаю вам (возвещаю вам) и т.д. Слово «возвещаю» означает здесь не обучение ранее неизвестному, но напоминание того, о чем коринфяне уже слышали. Апостол как бы говорит: вспомните со мною то Евангелие, которому вы научились, прежде чем сошли с правильного пути. Евангелием же он называет учение о воскресении, дабы коринфяне не считали, будто каждому можно безнаказанно думать о нем все что угодно, как и о других никак не затрагивающих спасение вопросах. Добавляя же «возвещенное мною», апостол усиливает смысл и как бы говорит: если вы признаете меня апостолом, то я, безусловно, именно этому вас и учил.

Другое усиление смысла заключается во фразе «которые вы и приняли». Ведь, если сейчас коринфяне позволяют убеждать себя в обратном, их вполне можно обвинить в непостоянстве. Третье усиление: коринфяне до сих пор с твердой и несгибаемой решимостью стояли в этом учении. А это нечто большее, чем просто один раз уверовать. Но самое главное в другом: апостол говорит, что в этом учении заключается спасение коринфян. И отсюда следует, что по устранении воскресения у них не остается ни религии, ни убежденности веры, ни вообще какой-либо веры.

Другие толкователи понимают глагол «стоять» иначе. Согласно им здесь он означает «терпеть». Но приведенное мною толкование, безусловно, правильное.

2) *Если ... удерживаете ..., если только не тщетно, и т.д.* Эти две оговорки весьма едки и колки. Первая намекает на непостоянство и легковесность коринфян. Ведь их скорое падение служило доказательством того, что они либо никогда не понимали возвещенного им, либо знание их, столь быстро исчезнувшее, было нетвердым и преходящим. Вторая же оговорка возвещает коринфянам о том, что они напрасно стали христианами, если не придерживаются этого учения.

3) *Ибо я первоначально преподавал вам.* Теперь апостол изъясняет сказанное ранее. То есть, что именно он проповедал коринфянам воскресение, и причем, в качестве главного артикула веры. «Первоначально» – то есть, подобно тому, как при строительстве здания сперва полагают фундамент. И апостол еще больше усиливает авторитет своей проповеди, говоря: «я преподавал вам лишь то, что принял сам». Здесь он имеет в виду, что пересказал им

не просто слышанное от других, но именно то, что повелел Господь. Ибо глагол «препо-
давать» следует истолковывать в зависимости от контекста. В обязанность же апостола
входит провозглашать только то, что он принял от Господа, передавая Церкви Слово Бо-
жие как бы из рук в руки.

Что Христос умер, и т.д. Теперь понятно, откуда получил Павел свое учение. Ведь в ка-
честве свидетельства он цитирует Писание. Вначале он упоминает о смерти Христовой, и
даже о Его погребении, давая нам понять, что как Он подобен нам в этих двух событиях,
так же будет подобен и в воскресении плоти. Итак, Христос умер вместе с нами, дабы мы
воскресли вместе с Ним. В погребении же лучше видна подлинность смерти, которой вме-
сте с нами приобщился Христос. Далее, смерть и воскресение Христовы были предска-
заны во многих местах Писания, но яснее всего в Ис.53, Дан.9:26 и Пс.22 [в Синодальном
переводе Пс.21. – прим. пер.].

За грехи. То есть, дабы избавить нас от проклятия, взяв его на Себя. Ибо чем еще была
смерть Христова, как не умиловляющей за грехи жертвой? Как не возместительным
наказанием, посредством которого мы примирились с Богом? Как не осуждением Одного
для обретения прощения всем нам? Павел говорит об этом и в Рим.4:25. Но там он, исходя
из сравнения противоположностей, приписывает воскресению то, что оно приносит нам
праведность. Ведь, подобно тому, как грех был упразднен Христовой смертью, так и пра-
ведность была достигнута Его воскресением. Следует прилежно отметить данное разли-
чение, дабы мы знали, что надо испрашивать от смерти, а что – от воскресения Христова.
Впрочем, поскольку в других местах Писание говорит об одной лишь смерти, усвоим, что
в этом случае под смертью также подразумевается воскресение. Но когда они упоминают-
ся отдельно, в смерти полагается начало нашего спасения, а в воскресении – его завер-
шение.

5) *И что явился Кифе.* Теперь апостол ссылается на свидетелей, которых Лука зовет **αὐ-
τόπτας**. Они воочию увидели то, исполнение чего ранее предвозвестило Писание. Но Павел
не перечисляет здесь всех очевидцев, коль скоро ничего не говорит о видевших Христа
женщинах. Поэтому слова о том, что Христос первым явился Петру, надо разуместь в том
смысле, что Петр предполагается всем прочим свидетелям-мужчинам. И этому не про-
тиворечит сказанное Марком о явлении Христа Марии.

Но как Христос мог, по словам Павла, явиться двенадцати ученикам, если после смерти
Иуды их уже оставалось одиннадцать? Златоуст думает, что явление произошло уже после
того, как был избран Матфий. Другие предпочитают поправить текст, как если бы в нем
содержалась ошибка. Но, коль скоро мы знаем, что число двенадцать освящено установ-
лением Христовым, хотя бы от него и отпал кто-то один, вовсе не глупо, если оно всегда
сохраняет за собой свое имя. Подобно тому, как у римлян говорилось о центумвирах, хотя
имелось в виду сто два человека. Но подобное словупотребление к этому времени уже
вошло в оборот. Итак, число *двенадцать* понимай как просто означающее совокупность
избранных апостолов.

Однако, когда произошло явление более, чем пятистам братьев, не вполне ясно. Хотя
столь большое их количество, возможно, и сумело собраться в Иерусалиме, когда им
явился Христос. Ибо Лука просто говорит об учениках, собравшихся с одиннадцатью апо-
столами, но не называет их точное число. Златоуст же относит сказанное к вознесению и
предлог **ἐπάνω** понимает как «свысока». Действительно, фраза о том, что Иакову Христос
явился отдельно, может относиться ко времени после вознесения.

Под *всеми апостолами* я разумею не только двенадцать учеников, но также всех тех, кому
Христос поручил проповедовать Евангелие. И будем знать: чем большему количеству лю-
дей и чем чаще Христос свидетельствовал о Своем воскресении, тем тверже должны мы в
это воскресение верить. Апостол же, доказывая воскресение Христово из того, что Он

явился многим, хочет тем самым сказать, что воскресение это не аллегорическое, но истинное и физическое. Ибо у духовного воскресения очевидцев быть не может.

8) *А после всех явился и мне, как некоему извергу.* Теперь апостол причисляет к очевидцам также самого себя. Ведь остальным Христос еще ранее выказал Себя живым и прославленным. И коль скоро это явление Павлу было не ложным, оно способно еще больше утвердить веру в воскресение. Этим доводом апостол пользуется в Деян.26:8,9. Но поскольку для него было весьма важным обрести в глазах коринфян наивысший и весомейший авторитет, он попутно упоминает и о собственной персоне, однако же прилагая к этому такие оговорки, что, приписывая себе многое, тем не менее проявляет наивысшую скромность. Итак, дабы никто не возразил: а кто такой ты, чтобы мы тебе верили? – апостол охотно признает собственное недостоинство. Во-первых, Павел сравнивает себя с извергом. Причем, я думаю, что здесь он намекает на внезапность своего обращения. Ибо как новорожденные выходят из утробы не раньше, чем в течение положенного времени будут в ней образованы и вскормлены, так и Господь, поставляя, возвращая и создавая апостолов, соблюдал должный промежуток времени. Павел же, едва зачавшись живодательным Духом, сразу был выброшен из утробы.

Другие толкователи слово «изверг» понимают как «мертвец», но первый вариант подходит больше, поскольку, родившись внезапно и в один миг, Павел предстал уже вполне зрелым мужем. И посредством этих «преждевременных родов» благодать Божия проявилась в лице Павла ярче, чем если бы он постепенно и понемногу возрастал во Христе.

9) *Я наименьший.* Не ясно, приводили ли этот довод злопыхатели для преуменьшения авторитета апостола, или же признание его не вызвано какими-либо внешними причинами. Я же не сомневаюсь, что Павел всегда был склонен добровольно принижать себя, дабы превознести Божию благодать, и подозреваю, что здесь он все же хочет упредить возможную клевету. Ведь как из многих вышеприведенных отрывков, так и из помещенного ниже сравнения можно заключить, что некоторые коринфяне злословили апостола, стремясь преуменьшить его авторитет. И Павел никогда бы не привел это сравнение, если бы его не вынудило к этому нечестие некоторых. Апостол как бы говорит: ругай меня, сколько хочешь... я вытерплю, даже если меня опустят ниже земли и сделают ничем, дабы тем больше воссияла благодать, проявленная ко мне Богом. Итак, пусть меня считают наименьшим из апостолов, ведь я сам считаю себя не достойным даже такой чести. Какими заслугами я мог достичь апостольства? Что заслуживал я, подвергая гонениям Церковь Божию? Но не стоит оценивать меня, исходя из моей никчемности. Ибо Господь смотрел не на то, каким я был, но сделал меня другим по Своей благодати.

Итог таков: Павел не отрицает, что стоит ниже всех прочих и почти ничего из себя не представляет, лишь бы это презрение не мешало ему в служении и ни в чем не умаляло его учение. Смотря на себя, Павел согласен считать себя не достойным никакой чести, лишь бы, взирая на данную ему благодать, люди признавали его апостольство. Действительно, Бог не для того наделил его столь выдающимися дарованиями, чтобы Павел похоронил их в себе, пренебрегая полученной благодатью, но хотел сделать его апостольство знаменитым и досточтимым.

10) *И благодать Его во мне не была тщетна.* Те, кто противопоставляет благодати Божией свободную волю, дабы не приписывать ей все совершаемое нами добро, искажают смысл этих апостольских слов. Словно Павел хвалится, будто он по собственному усердию позаботился о том, чтобы Бог не напрасно дал ему Свою благодать. Из этого они делают вывод: Бог предлагает нам благодать, но правильное ее употребление находится во власти людей, и от них зависит, будет ли благодать не напрасной. Я же отрицаю, что эти слова апостола поддерживают их заблуждение. Ведь Павел здесь не приписывает себе ничего своего, словно он независимо от Бога сделал что-либо достойное похвалы. И что же? Дабы не казаться напрасно хвляющимся одними словами в отсутствии всяких дел, апостол

говорит, что возвещает коринфянам лишь то, что очевидно для всех. Кроме того, я признаю: эти слова говорят, что Павел не злоупотребил благодатью Божией, не сделал ее бесполезной через собственную лень. Но я отрицаю, что это – повод для того, чтобы делить между ним и Богом похвалу, всецело принадлежащую одному лишь Богу. Ведь именно Он дает нам не только способность делать добро, но также и волю, и все, что от нее происходит.

Но я более всех их. Некоторые относят сказанное к хвастунам, которые, ругая Павла, тем самым афишировали самих себя. Нелепо думать, по их мнению, будто Павел состязается здесь с другими апостолами. Однако, сравнивая себя с ними, он делает это только из-за нечестивых, обычно противопоставлявших Павла прочим апостолам с целью его обесславить. Что мы и видим, например, в Гал.1:11. Посему вероятно, что Павел говорит здесь именно об апостолах, ставя свой труд выше их труда. Причем, совершенно верно, что Павел превосходил прочих апостолов не только потому, что переносил многие тяготы, попал во множество непростых ситуаций, воздерживался от многих позволительных вещей, стойко презирал все опасности, но и потому, что Господь дал его трудам значительно больший успех, нежели усилиям прочих. Ибо труд я понимаю здесь как плод, остающийся после совершения дела.

Не я, впрочем, а благодать. Древний переводчик, опустив артикль, дал повод для заблуждения людям, не знающим греческого языка. Поскольку он перевел: не я, но благодать Божия со мною, – они подумали, что благодати Божией приписывается лишь половина славы, а вторая половина присваивается человеку. Итак, по их мнению, смысл таков: Павел, хоть и не один (коль скоро он – ничто без сотрудничающей с ним благодати), но все же трудился по почину собственной свободной воли и собственными силами. Однако слова апостола звучат совсем иначе. Ибо все то, что ранее Павел назвал своим, он после, поправляясь, присваивает благодати Божией. Причем, все, а не только часть. Ведь то, что, как казалось, сделал он сам, по его свидетельству является делом этой благодати. Это – поистине замечательное место, способное как ниспровергнуть людскую гордыню, так и пояснить действие в нас божественной благодати. Апостол словно признает, что поступил неправильно, сделав себя автором какого-либо доброго дела, поэтому затем он как бы исправляет сказанное, называя производительницей всего Божию благодать. Не будем думать, что здесь идет речь лишь о суетном подражании смирению. Апостол говорит от всего сердца, так что его слова полностью соответствуют его же мыслям. Итак, научимся следующему: в нас имеется лишь то благо, которое незаслуженно даровал нам Господь, и мы творим только то добро, которое Он Сам в нас производит. Не потому, что мы не делаем ничего сами, а потому что действуем только будучи приведенными в действие, то есть, под водительством и по побуждению Святого Духа.

11. Итак я ли, они ли, мы так проповедуем, и вы так уверовали. 12. Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых? 13. Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; 14. а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. 15. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге, что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если, то-есть, мертвые не воскресают; 16. ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес. 17. А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших. 18. Поэтому и умершие во Христе погибли. 19. И если мы в этой только жизни надеемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков.

(11. Итак я ли, они ли, мы так проповедуем, и вы так уверовали. 12. Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мертвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мертвых? 13. Если нет воскресения мертвых, то и Христос не воскрес; 14. а если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша. 15. Притом мы оказались бы и лжесвидетелями о Боге, потому что свидетельствовали бы о Боге,

что Он воскресил Христа, Которого Он не воскрешал, если мертвые не воскресают; 16. ибо если мертвые не воскресают, то и Христос не воскрес. 17. А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна: вы еще во грехах ваших. 18 Поэтому и умершие во Христе погибли. 19 И если мы в этой только жизни надемся на Христа, то мы несчастнее всех человеков.)

11) *Итак я ли, они ли.* Сравнив себя с остальными апостолами, Павел теперь соединяет их с собою в смысле согласия в общей проповеди. Он как бы говорит: молчу о самом себе – но все мы учили так ранее и продолжаем учить теперь. Ибо глагол **κτρίσσομεν** стоит в настоящем времени, обозначая длящееся действие, то есть стойкость в учении. Поэтому, – говорит Павел, – если дело обстоит иначе, то апостольство наше погибнет; да и вы уверовали в то же самое, поэтому в этом случае также падет и ваша вера.

12) *Если же о Христе.* Апостол начинает доказывать воскресение всех, исходя из воскресения Христова. Ибо здесь – и в случае утверждения, и в случае отрицания, – справедлив как прямой, так и обратный вывод. От Христа к нам рассуждение идет так: если Христос воскрес, значит, воскреснем и мы. Если же Христос не воскрес, то и мы не воскреснем. А теперь обратное рассуждение от нас ко Христу: если мы воскресаем, то и Христос воскрес. Если же не воскресаем, то не воскрес и Христос.

В первом рассуждении – от Христа к нам – доказательство построено следующим образом: Христос умер и воскрес не для Себя, а для нас; значит, Его воскресение есть утверждение воскресения нашего, и то, что совершилось с Ним, должно совершиться и с нами. Отрицательный же вывод обосновывается так: в противном случае Христос воскрес бы напрасно и без пользы, поскольку плод воскресения Его сообщается не Ему, но Его членам. А теперь – довод противоположного рассуждения от нас ко Христу: воскресение не происходит от природы, не происходит оно и откуда-либо еще, кроме как от Христа. Ибо в Адаме все умирают, и жизнь возвращается к нам только во Христе Иисусе. Отсюда следует: воскресение Христово есть фундамент нашего воскресения, и, устранив первое, мы уничтожим и последнее. Обоснование же отрицательного вывода нами уже изложено: коль скоро Христос должен был воскреснуть только ради нас, воскресение Его было бы ничемным, если бы не принесло нам пользы.

14) *И проповедь наша тщетна.* Не потому, что к ней примешано что-либо лживое, а потому что в таком случае вся она пуста и напрасна. Ибо что еще нам остается, если Христа поглотила смерть, если Он погиб, если был раздавлен проклятием за грех, если, наконец, покорился сатане? Значит, по устранении этого артикула веры все прочее становится совершенно неважным. По той же самой причине апостол добавляет: тщетной будет и вера ваша. Ибо может ли вера быть твердой, если нет никакой надежды на жизнь? Но смерть Христа, взятая в отдельности, дает нам лишь повод для отчаяния. Ведь тот, кто полностью покорился смерти, не может быть автором спасения других. Итак, будем помнить: все Евангелие состоит главным образом в смерти и воскресении Христовых. И для усвоения этой мысли мы должны приложить особое усердие, если хотим правильно и должным образом преуспевать в изучении благовестия, а не трудиться впустую, оставаясь без всякого плода.

15) *Мы оказались бы и лжесвидетелями.* Другие приводимые апостолом неудобства, которые могли бы нас постигнуть, были более значимы: исчезнет вера, все учение Евангелия окажется недействительным, все мы лишимся надежды на спасение. Но весьма глупо звучит и то, что апостолы, поставленные Богом глашатаями Его вечной истины, вдруг оказываются обманщиками всего мира. Ведь это навлекло бы на Бога ужасное поношение.

Под «лжесвидетелями» можно понимать как тех, кто незаконно привлекает имя Божие для удостоверения лжи, так и тех, кто обличается во лжи, заявляя, что принял нечто от Бога. И второй смысл мне нравится больше, поскольку он много жестче. Кроме того, о подобного рода людях Павел говорил еще раньше. Итак, апостол учит, что Бог в лице назначенных и

поставленных Им же свидетелей станет виновным во лжи, если отрицается воскресение Христово. И добавленная апостолом причина вполне соответствует такому пониманию: ведь в этом случае проповедники утверждали бы ложь не от себя, а от лица Самого Бога.

Мне известно, что предлог *κατὰ* другие истолковывают иначе. Древний переводчик передает его как «против», Эразм же – как «о». Но поскольку у греков он означает также *ἄπὸ*, приведенный мною перевод, кажется, более подходит контексту. Ибо Павел, как я уже говорил, ведет речь не о человеческом мнении, но о том, что ложь будет вменена Самому Богу, коль скоро возвещаемое людьми исходит непосредственно от Него.

17) *Вы еще во грехах ваших.* Даже если Христос Своей смертью изгладил наши грехи, дабы они больше не вменялись нам на судилище Божиим, даже если Он распял нашего ветхого человека, дабы в нас больше не царствовали его похоти, даже если Он смертью разрушил державу смерти и упразднил самого дьявола, – все это было бы впустую, не воскресни Он из мертвых как победитель. Посему, если устранить воскресение, владычество греха восстанавливается в полной мере.

18) *И умершие во Христе погибли.* Ранее, желая доказать, что по устранении Христова воскресения вера бесполезна и христианство становится сплошной тщетой, апостол говорил, что живые продолжают в таком случае оставаться в своих грехах. Но коль скоро этот принцип ярче проявляется на примере мертвых, апостол заводит речь и о них.

Какая польза мертвым быть в этом случае христианами во время земной жизни? Неужто наши уже умершие братья напрасно жили в вере Христовой? Однако, если согласиться, что душа бессмертна по своей природе, этот довод, на первый взгляд, становится шатким. Ибо можно было бы легко возразить: мертвые не погибли, поскольку души их живут отдельно от тел. Отсюда некоторые безумцы выводят, что в промежутке времени между смертью и воскресением нет никакой жизни. Однако их безумие опровергается без труда. Хотя души умерших живут и сейчас, наслаждаясь блаженным покоем, все же все их счастье и утешение состоит в одном лишь будущем воскресении. Ибо они благополучны только потому, что ожидают дня, когда их призовут к наследованию Царства Божия. Посему надежда умерших погибнет, если этот долгожданный день не наступит в свое время.

19) *И если мы в этой только жизни.* Еще один абсурд: если от смерти нет никакой пользы, то, веруя, мы не только теряем время, нам много лучше не веровать вовсе. Ибо в этом случае более предпочтительно и желанно положение неверующих. *Веровать в этой жизни* означает здесь – видеть плод от веры в земном житии, когда наша вера не смотрит дальше и не простирается за пределы настоящей жизни. Это утверждение еще яснее показывает нам, что коринфяне, подобно Именею и Филиту, были введены в заблуждение какой-то извращенной теорией, учащей аллегорическому воскресению, словно конечный плод нашей веры дается нам именно в этом мире. Ибо, коль скоро воскресение – завершение нашего спасения и как бы конечная цель всех наших благ, утверждающие, что мы уже воскресли, не оставляют нам после смерти никакой надежды на лучшее. Но, как бы там ни было, этот отрывок не поддерживает безумия тех, кто воображает, будто души спят вместе с телами вплоть до дня воскресения. Они заявляют: если души, отделенные от тел, сохраняют жизнь, то Павел не сказал бы, что, отбросив воскресение, мы будем иметь надежду только в этом мире; ведь у душ все равно оставалось бы некое блаженство. На это я отвечаю: Павел не воображал себе елисейские поля и другую подобную чушь, но считал очевидным следующее положение: вся надежда христиан относится ко дню последнего суда. В ожидании его благочестивые души даже теперь обретают успокоение. Поэтому мы потеряем все, если лишимся подобного упования.

Но почему апостол говорит, что мы будем *несчастнее всех*, словно участь христианина будет хуже участи нечестивого? Ведь, по словам Соломона (Еккл.9:2), все происходящее на свете выпадает и на долю добрых, и на долю злых. Отвечаю: все смертные – и добрые, и злые, – время от времени подвержены общим невзгодам, все они испытывают одинако-

вые неудобства, все ощущают одно и то же горе. Но есть две причины, по которым христиане во все века чувствовали себя хуже. А еще одна относилась к эпохе самого Павла.

Первая причина состоит в следующем: как бы часто ни поражал Господь нечестивых Своей розгой, как бы ни начинал творить над ними Свой суд, Он все же наказывает и Своих, хотя и делает это особым образом. Во-первых, Он бьет тех, кого любит, а, во-вторых, Он делает это, чтобы воспитать в них терпение, испытать их послушание, и через несение креста постепенно приготовить их к истинному обновлению³. Как бы там ни было, в отношении верующих всегда исполняется сказанное: время начаться суду с дома Божия (1Пет.4:17). А также: нас считают как бы овцами, готовыми на заклание (Пс.44:23) [в Синодальном переводе Пс.43:24. – прим. пер.]. А также: вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге (Кол.3:3). Между тем, судьба нечестивых, как правило, счастливее, поскольку Господь откармливает их как свиней на день убиения.

Вторая причина в том, что верующие, даже если они в изобилии владеют богатствами и всяческими благами, не роскошествуют от этого, не насыщаются ими в полном довольстве, наконец, не наслаждаются миром так же, как неверующие, но постоянно обеспокоены, вздыхая как от осознания своей немощи, так и от желания будущей жизни. Неверующие же всецело отличаются тем, что опьяняются уладами этого мира.

Третья причина, как было уже сказано, относилась ко времени самого апостола: тогда имя «христианин» было настолько ненавистным и бесславным, что никто не мог исповедывать Христа, не подвергая себя при этом смертельной опасности. Значит, апостол обоснованно говорит, что христиане будут несчастнее всех людей, если упование их заключается в этом мире.

20. Но Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. 21. Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. 22. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, 23. каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его. 24. А затем конец, когда Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу. 25. Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои. 26. Последний же враг истребится – смерть, 27. потому что все покорил под ноги Его. Когда же сказано, что Ему покорено все, то ясно, что кроме Того, Который покорил Ему все. Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем.

(20. Ныне же Христос воскрес из мертвых, бывши первенцем из умерших. 21. Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. 22. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживотворяются, 23. каждый в своем порядке: первенец Христос, потом те, кто будут Христовы, в пришествие Его. 24. А затем конец, когда Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу. 25. Ибо Ему надлежит царствовать, доколе низложит всех врагов под ноги Свои. 26. Новейший же враг истребится – смерть, 27. потому что все покорил под ноги Его. Когда же сказано, что все, то ясно, что все покорено кроме Того, Который покорил Ему все. Когда же все покорит Ему, тогда и Сам Сын покорится Покорившему все Ему, да будет Бог все во всем.)

20) *Но Христос воскрес (ныне же Христос воскрес).* Показав, какая путаница возникнет во всем, если отрицать воскресение мертвых, апостол снова объявляет незыблемым доказанное ранее положение о том, что Христос воистину воскрес. Затем он добавляет, что Христос – начаток, и, по-видимому, заимствует подобие из древнего обряда закона. Ведь, подобно тому, как через начатки Богу посвящался весь годичный урожай и приплод, так и сила воскресения Христова распространяется на нас всех. Можно понять и проще: в Его лице был освящен первый плод воскресения. И все же я думаю, что смысл сказанного

---

³ А также по другим причинам

следующий: прочие умершие последуют за Христом подобно тому, как за начатками следует весь урожай. И этот смысл подтверждается последующей фразой.

21) *Ибо, как смерть через человека.* Следовало доказать, что воскресение мертвых не ограничится одним Христом, что Он является лишь начатком этого воскресения. И апостол доказывает это, исходя из сравнения противоположностей, поскольку смерть происходит не от природы, но от человеческого греха. Подобно тому, как Адам умер в ущерб не только себе, но и всем нам, так и Христос, являясь Его противоположением, воскрес не только для Себя Самого. Ибо Он пришел, чтобы восстановить все погибшее в Адаме.

Надо отметить силу апостольского довода: он строит доказательство на основании не какого-то подобия или примера, а обосновывает противоположность следствий противоположностью причин. Причина смерти – это Адам, и в Нем все мы умираем. Значит, Христос, служение Которого – вернуть нам то, что мы утратили в Адаме, является для нас причиной жизни. И воскресение Его – утверждение и залог нашего воскресения. Как Адам – начало смерти, так и Христос – начало жизни. В пятой главе Послания к Римлянам апостол проводит то же самое сравнение, но разница в том, что там он рассуждает о духовной жизни и смерти, а здесь – о плоде духовной жизни, то есть воскресении плоти.

23) *Каждый в своем порядке.* Упреждение возможного вопроса. Если, – скажет кто-то, – жизнь Христова влечет за собой нашу жизнь, почему же мы видим другое? В то время, как Христос воскрес из могилы, все мы продолжаем в ней гнить. Ответ Павла таков: порядок, установленный Богом, отличен от того, о котором мы думаем. Пока мы должны довольствоваться только начатком в лице Христа, время же нашего собственного воскресения настанет в Его второе пришествие. До той поры нашей жизни надлежит быть сокрытой со Христом, коль скоро пришествие Его еще не наступило. Поэтому весьма нелепо пытаться воскреснуть прежде Христова дня.

24) *А затем конец.* Ранее, возвестив, что подходящее время для новой жизни наступит только после пришествия Христова, апостол набросил узду на наше нетерпение. Но поскольку этот мир подобен штормящему морю, непрестанно швыряющему нас в разные стороны, положение наше столь неопределенно и зыбко, а обстоятельства меняются столь внезапно, что немощные души могло бы обуять сильное смятение. Поэтому апостол отсылает нас к этому будущему дню, говоря, что все получит тогда надлежащее устройство. Это – конец, то есть, цель всего нашего поприща, спокойная гавань, состояние, больше не подверженное никаким переменам. Одновременно Павел призывает нас терпеливо ждать этого конца, поскольку было бы глупо получать венец на половине пути. Каким же образом Христос передаст Царство Отцу, мы скажем немного ниже.

Фраза «Богу и Отцу» может быть понята двояко. Или так, что Бог Отец будет зваться Богом и Отцом Христа, или же так, что слово «Отец» добавлено для пояснения. Тогда союз «и» будет означать следующее: имея в виду вышесказанное, вовсе не глупо и вполне привычно называть Христа подчиненным Богу по человеческой природе.

Когда упразднит всякое начальство. Некоторые относят сказанное к враждебным Христу властям. При этом они исходят из следующего предложения: *доколе низложит всех врагов.* Однако эта фраза соответствует вышеприведенной, где апостол говорил: Христос не раньше передаст Царство, и т.д. Поэтому у нас нет причин ограничивать таким образом смысл настоящего предложения. И я толкую его обобщенно, относя ко всем законным поставленным от Бога властям. Во-первых, даже у пророков сказано о будущем затмении солнца и луны и ярком сиянии одного лишь Бога. Но хотя это пророчество и начало исполняться в Царствии Христовом, оно не может полностью осуществиться до дня последнего суда. И, когда настанет этот день, с необходимостью прекратится всякое превозношение, дабы везде засияла одна лишь слава Божия. Кроме того, мы знаем: все земные начальства и власти пригодны лишь для поддержания настоящей жизни. Посему они являются частью мира сего, откуда и следует их временный характер. Значит, как настанет ко-

нец этому миру, так же наступит конец и полиции, магистратам, законам и различию словий, разнообразию почестей и тому подобному. Раб больше не будет отличаться от господина, царь – от плебея, член магистрата – от частного лица. Больше того, на небе тогда исчезнут ангельские начальства, а на земле – служения и предстоятельства, так что один лишь Бог, Сам, а не посредством людей или ангелов, будет осуществлять Свою власть и Свое господство. Ангелы, безусловно, останутся, сохранится и их достоинство, праведники также будет сиять, причем, каждый по мере данной ему благодати, но у ангелов будет отобрано начальство, которым ныне они пользуются от имени Бога и по Его заповеди. Упразднятся должности епископа, учителя и пророка: все они сложат с себя служение, которое ныне исполняют. Слова же «начальства», «власти» и «силы» в этом месте не сильно отличаются по смыслу и поставлены вместе для придания фразе большей выразительности.

25) *Ибо Ему надлежит царствовать.* Апостол доказывает, что еще не настало время, когда Христос передаст Царство Отцу, и, опираясь на это, учит, что еще не пришел конец, когда повсюду воцарятся праведность и спокойствие. Ведь Христос еще не покорил всех врагов под Свои ноги. Но этому надлежит исполниться, коль скоро Отец посадил Христа одесную Себя с той целью, чтобы Он не ранее отдал принятую Им власть, чем покорит Своих противников. И это сказано для утешения благочестивых, дабы они терпеливо переносили промедление дня воскресения.

Данный отрывок содержится в Пс.110:1 [в Синодальном переводе Пс.109:1. – прим. пер.]. Но кажется, что Павел толкует слово «доколе» более утонченно, чем этого требует простой и подлинный смысл. Ведь Дух возвещает в псалме не о том, что произойдет потом, а о том, чему надлежит исполниться ранее. Отвечаю: Павел, делая вывод, что Христос передаст Царство Отцу, основывается не на том, что так предсказано в псалме, но пользуется свидетельством псалма для того, чтобы доказать: еще не настал день передачи Царства, поскольку Христос еще сражается со Своими врагами. Впрочем, Павел попутно объясняет и то, что значит сидение Христова одесную Отца, употребляя вместо этого иносказательного выражения простое слово «царствовать».

26) *Последний же враг (новейший же враг).* Мы все еще видим, что Христу противостоит множество врагов, надменно противящихся Его Царству. Смерть же будет последним уничтоженным врагом. Поэтому Отчему Царству еще надлежит находиться под Христовым управлением. Пусть же верные успокоятся и не падают духом, доколе не исполнится все, что должно предшествовать воскресению.

Но спрашивается: как же Павел говорит, что смерть уничтожится последней, если она уже разрушена смертью Христовой или, по крайней мере, Его воскресением, победившим смерть и обретшим для нас жизнь? Отвечаю: смерть уже уничтожена, но в том смысле, что больше не является губительной для верующих, а не в том, что больше не причиняет им никаких тягот. Обитающий в нас Дух Божий есть жизнь, но все мы еще носим смертные тела. Некогда в нас исчерпается подлежащая смерти материя, но ныне она все еще в нас остается. Мы уже возрождены от нетленного семени, но еще не пришли к совершенству. Или же, кратко выражая суть дела: ныне притуплен меч смерти, ранее способный проникнуть до самого сердца. Он еще ранит, но уже не опасен. Ибо мы умираем, но посредством смерти переходим к жизни. Наконец, как в другом месте Павел учит о грехе (Рим.6:12), так же и здесь надо думать о смерти: она еще обитает в нас, но уже в нас не господствует.

27) *Потому что все покорил, и т.д.* Некоторые думают, что это свидетельство взято из Пс.8:7 [в Синодальном переводе Пс.8:8. – прим. пер.]. Не буду с этим спорить, хотя вполне уместно предположить, что высказывание Павла основано на природе Христова Царства. Но будем следовать более принятому толкованию. Ссылаясь на отрывок из псалма, Павел показывает, что Бог Отец отдал Христу власть над всем, поскольку сказано: все покорил под ноги Его.

Сами по себе эти слова ясны, но здесь возникают две трудности. В этом месте пророк говорит не об одном Христе, а обо всем человеческом роде. Кроме того, словом «все» он обозначает лишь то, что употребляется в настоящей земной жизни, подобно сказанному в Быт.2:19. На первое сомнение ответить легко: коль скоро Христос рожден прежде всякой твари и наследник всего, Бог Отец так передал человеческому роду пользование всеми тварями, что у Христа остается главная власть над ними и как бы прямое господство. Кроме того, мы знаем, что Адам утратил данное ему право, так что больше мы ничего не можем называть своим. Ведь проклятию подверглась и сама земля, и все, что на ней находится. И мы возвращаем себе утраченное нами ранее только через Иисуса Христа. Итак, слова «все покорил под ноги Его» в собственном смысле и вполне заслуженно подходят личности Христа, поскольку вне Него мы ничем не владем по праву. Ибо откуда у нас наследие Божие, если мы не станем Его детьми? А через Кого мы становимся детьми, если не через Христа?

Вторая же трудность разрешается следующим образом: пророк подчеркнуто упоминает о птицах небесных, рыбах морских и скотах земных, поскольку этот вид господства видим и сразу бросается в глаза. Но общее утверждение пророка простирается шире: до неба, земли, и всего, что в них содержится. Так вот, господство должно соответствовать личности господствующего. То есть, должно быть аналогичным Его положению и с ним соотносываться. Христос же не нуждается ни в животных для пищи, ни в других творениях для восполнения Своей нужды. Поэтому Он господствует только для того, чтобы все служило Его славе. И коль скоро Он берет нас в соучастники Своего господства, плод этой милости ясно проявляется в видимых тварях. Однако верующие чувствуют в своей совести еще более сокровенный плод, имеющий, как я уже говорил, еще более полезное употребление.

Все покорено кроме Того, Который покорил Ему все. Апостол настаивает на двух положениях. Первое: все должно придти в повиновение Христу прежде, чем Он отдаст Отцу власть над миром. И второе: Отец все отдал Сыну так, что сохранил за Собой право главенства. Из первого следует, что еще не настал час последнего суда. Из второго – что Христос так посредничает ныне между нами и Отцом, что в конец концов приведет нас именно к Нему. Поэтому апостол тут же делает вывод: когда Отец покорит Сыну все, тогда и Сам Сын покорится Отцу. Павел как бы говорит: мы должны спокойно ждать, доколе Христос, победитель всех Своих врагов, не подчинит нас с Собою власти Божией, дабы Царство Божие исполнилось в нас самым совершенным образом.

Однако этому положению на первый взгляд противоречит повсеместное утверждение Писания о вечности Царства Христова. Как же одно согласовать с другим? Его Царству не будет конца, и при этом Сам Он покорится? И разрешение этой трудности еще больше прояснит сказанное Павлом. Во-первых, следует отметить: Христу отдана всякая власть постольку, поскольку Он явился во плоти. Простому человеку не подобало бы такое величие, но Отец превознес Христа в той же самой природе, в которой Он претерпел уничижение, и дал Ему имя, пред которым преклонится всякое колено. Кроме того, отметим: Христос так поставлен Господом и Верховным Царем, что, управляя миром, является как бы Отчим наместником. И не потому, что Он действует один в то время, как Отец пребывает в праздности (ибо как могло бы такое быть, коль скоро Христос – Отчая премудрость и совет, одной с Ним сущности, и тот же самый, что и Он, Бог?), но Писание свидетельствует, что Христос от имени Отца властвует теперь над небом и землей с той целью, чтобы мы, не воображая себе другого правителя, господина, охранителя, судью живых и мертвых, сосредоточенно взирали только на Него Одного. Мы признаем правителем Бога, но только в лице человека Иисуса Христа. В день же последнего суда Христос отдаст принятое Им Царство, чтобы мы соединились с Богом совершенным образом. И через это Он не отречется от Своего Царства, но неким образом передаст его от Своей человеческой природы Своему же славному божеству. Ибо тогда для нас откроется доступ к Богу, ныне закрытый для нас из-за нашей немощи. Таким-то вот образом Христос и покорится Своему

Отцу: когда по устранении всех покровов мы увидим Бога воочию, царствующего в Собственном величии. И человеческая природа Христа, ныне мешающая нам прямо взирать на Бога, тогда больше не будет играть посреднической роли.

28) *Да будет Бог все во всем.* Но будет ли Бог в дьяволе и нечестивых? Никоим образом. Разве что слово «будет» надо понимать как «будет признан» или «будет открыто зрим». Тогда смысл станет таким: ныне, когда дьявол воюет с Богом, когда нечестивые возмущают и расстраивают установленный Им порядок, когда перед нашим взором предстают бесконечные соблазны, не вполне ясно, что Бог все во всем. Но когда Христос, осуществив вверенный Ему от Отца суд, прострет сатану и всех нечестивых, слава Божия станет вполне очевидной в их погибели. То же самое можно сказать и о святых, законных в своем роде, властях. Ибо даже они некоторым образом мешают Богу являться нам непосредственно и Собственной персоной. Тогда же Бог Сам, без какого-либо посредника управляя небом и землею, будет в этом смысле всем, а следовательно – и во всем, то есть не только в личностях, но и в тварях.

Такой смысл благочестив, и коль скоро он вполне соответствует намерению апостола, я охотно его принимаю. Однако не будет никакой натяжки, если отнести сказанное только к верующим, в которых Бог ныне начал, а тогда и завершит Свое Царство. Причем завершит так, чтобы они совершенно к Нему прилепились. И оба этих смысла сами по себе вполне достаточно опровергают нечестивые бредни тех, кто пытается прикрыться этим отрывком. Одни из них воображают, будто Бог потому будет все во всем, что все исчезнет и обратится в ничто. Но слова Павла означают лишь, что все будет приведено к Богу как к единственному началу и цели, дабы полностью с Ним соединиться. Другие заключают отсюда, что и дьявол, и все нечестивые спасутся, словно Бог не полностью и не в большей степени проявит Себя в погибели дьявола, чем в случае, если присоединит его к Себе, сделав с Собой одним целым. Итак, мы видим, сколь неразумно эти безумцы искажают слова Павла для утверждения своих богохульств.

29. Иначе, что делают крестящиеся для мертвых? Если мертвые совсем не воскресают, то для чего и крестятся для мертвых? 30. Для чего и мы ежечасно подвергаемся бедствиям? 31. Я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалою вашею, братия, которую я имею во Христе Иисусе, Господе нашем. 32. По рассуждению человеческому, когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают? Станем есть и пить, ибо завтра умрем! 33. Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы. 34. Отрезвитесь, как должно, и не грешите; ибо, к стыду вашему скажу, некоторые из вас не знают Бога.

(29. Иначе, что делают крестящиеся для мертвых? Если мертвые совсем не воскресают, то для чего и крестятся для мертвых? 30. Для чего и мы ежечасно подвергаемся опасности? 31. Я каждый день умираю через нашу похвалу, братия, которую я имею во Христе Иисусе, Господе нашем. 32. Если я по человеку боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза? Станем есть и пить, ибо завтра умрем! 33. Не обманывайтесь: худые разговоры развращают добрые нравы. 34. Бдите праведно и не грешите; ибо, к стыду вашему скажу, некоторые из вас не знают Бога.)

29) *Иначе, что делают.* Апостол снова говорит о тех нелепостях, которые следуют из заблуждения коринфян. Он начал делать это с самого начала, но затем вставил в свою речь утешение и поучение, немного отклонившись от темы, к которой теперь возвращается.

Во-первых, Павел утверждает следующее: крещение, принимаемое теми, кто уже считается мертвым, будет бесполезным, если нет воскресения мертвых. Прежде, чем истолковать данное место, полезным будет опровергнуть его обычное основанное на авторитете древних и почти повсеместно принятое понимание. Итак, Златоуст и Амвросий, за которыми следуют другие, думают, будто у коринфян бытовал следующий обычай: если кого-то лишала крещения внезапная смерть, вместо мертвого крестить кого-либо из живых, при-

нимавших крещение на его могиле. Эти толкователи не отрицают, что такой обычай извращен и суеверен, но, по их мнению, Павел довольствовался лишь тем, что уловил коринфян в противоречии: они отрицали воскресение, а между тем исповедывали, что веруют в него. Меня же никоим образом нельзя убедить в подобном измышлении. Ибо невероятно, чтобы подобный обряд употребляли вместе с прочими и те, кто отрицал воскресение мертвых. И Павел сразу услышал бы в ответ: зачем ты попрекаешь нас старушечьим суеверием, которое даже сам не одобряешь? Кроме того, если бы коринфяне поступали именно так и делали это по ошибке, было бы весьма легко ответить апостолу следующее: много лучше исправить ошибку, нежели доказывать с ее помощью важный догмат.

Но даже будь этот довод справедлив, станем ли мы думать, что, если бы среди коринфян распространилось подобное извращение, апостол, ранее перечислявший их пороки чуть ли не каждый в отдельности, стал бы о нем молчать? Выше он упрекал коринфян за некоторые не столь существенные богослужебные установления; говорил о покрытии головы женщинами и не ленился давать заповеди по этому и другим похожим поводам. Например, он не только попрекнул, но и остро раскритиковал неправильные способ совершения вечери Господней. И при этом Павел не говорит ни слова о гнусной профанации крещения, значительно более существенной, чем все вышеприведенные недостатки? Ранее апостол яростно обрушился на тех, кто, посещая языческие пиршества, косвенно одобрял суеверия язычников. Так разве он стерпел бы, чтобы гнусное языческое суеверие процветало в Церкви под именем святого крещения? Положим, мы согласимся с тем, что Павел захотел об этом умолчать. Однако он все же упоминает о подобной практике! Заклинаю: похоже ли на правду, чтобы апостол в качестве довода привел святотатство, оскверняющее крещение, злоупотребляющее им как каким-то колдовством, и ни единым словом не намекнул на порочность подобной практики? Когда шла речь о менее важных вопросах, апостол порой, как бы в кавычках, уточнял, что говорит по человеческому разумению, но разве здесь не самое подходящее место и повод для подобного уточнения? Ведь упоминаемое апостолом без какого-либо порицания всякий мог бы счесть вполне позволительным! Поэтому я понимаю так, что здесь идет речь не об искажении крещения, а о его правильном использовании.

А теперь поищем подлинный смысл. Некогда я думал, что Павел говорит здесь об общей цели крещения. Ведь польза от него не ограничивается настоящей жизнью. Однако, обдумав слова апостола тщательнее, я обратил внимание, что Павел ведет речь о чем-то совершенно особом. Ибо он не имеет в виду всех, говоря: что делают крестящиеся ради мертвых? Кроме того, мне не нравятся утонченные, но порою ненадежные, толкования. Итак, что же? Я утверждаю, что крестящимися ради мертвых назывались те, кто считался мертвым, полностью ушедшим из жизни. Таким образом, предлог ὑπέρ значит здесь то же, что и латинский предлог «за». Например, когда мы говорим: он считается за оставленного. И подобный смысл вовсе не натянут. Или же, если больше по душе другой вариант, то «креститься ради мертвых» значит креститься так, чтобы это приносило пользу мертвым, а не живым. Известно, что в первые годы существования Церкви те, кто, проходя оглашение, тяжело заболел и подвергался опасности умереть, обычно просили дать им крещение, дабы уйти из этого мира не прежде, чем они станут христианами. И это делалось для того, чтобы люди могли унести с собой печать собственного спасения. Из писаний отцов явствует, что затем также и в эту практику вползло суеверие. Ибо отцы обрушиваются на тех, кто откладывал крещение вплоть до момента смерти, дабы придти на суд Божий, единожды очистившись от всех грехов. Это, действительно, грубое заблуждение, отчасти возникшее от незнания, а отчасти – от лицемерия. Но Павел говорит здесь только о святом и согласном с Божиим установлением обычае, а именно: если оглашаемый, в душе уже принявший христианскую веру, видел, что ему грозит неминуемая смерть, он просил о крещении отчасти ради собственного утешения, а отчасти ради назидания братьев. Ведь немалое утешение – носить на своем теле запечатленное свидетельство своего спасения.

Кроме того, не следовало опускать и назидание, состоявшее в исповедании веры. Итак, именно эти люди крестились за мертвых. Поскольку в этом мире их не ждало ничего хорошего, причина их просьбы о крещении состояла в том, что они отчаивались остаться в живых.

Теперь мы видим, что Павел не напрасно спрашивает, что они будут делать, если после смерти нет никакой надежды на лучшее. Этот отрывок также показывает, что мошенники, смущавшие веру коринфян, изобрели некое аллегорическое воскресение, помещая конечную цель верующих в этом тленном мире. И повторение фразы «зачем же крестятся ради мертвых?» несет на себе еще большую эмфазу. Апостол как бы говорит: крестятся не только те, кто еще надеется пожить, но и те, которых ожидает неминуемая смерть. Причем, крестятся для того, чтобы после смерти получить плод от своего крещения.

30) *Для чего и мы.* Если воскресение происходит в этом мире и в нем достигается конечное счастье, то почему мы добровольно уступаем земную жизнь и подвергаемся смертельным опасностям? Довод апостола можно сформулировать и так: мы напрасно ежедневно подвергаем себя опасностям, если после смерти нас не ожидает лучшая жизнь. Он говорит об опасностях, которым верующие подвергаются добровольно, когда они рискуют жизнью ради исповедания Христа. Но, если святые погибают после смерти, подобная высота души должна приписываться скорее бесшабашности, нежели стойкости. Ибо дьявольское безумие – покупать смертью бессмертие собственной славы.

31) *Каждый день умираю.* Апостол показывает подобное презрение к смерти на собственном примере, дабы не казалось, будто он храбр только когда ему не угрожает опасность. Я, – говорит апостол, – ежедневно подвергаюсь различным смертельным угрозам, но навлекать на себя подобное несчастье было бы великим безумием, если бы меня не ожидала на небесах награда! Больше того, если моя слава и мое блаженство находятся в этом мире, почему скорее не наслаждаться ими вместо того, чтобы добровольно ими жертвовать? Апостол говорит, что умирает ежедневно, что из-за многочисленных и постоянно возникающих опасностей смерть всегда стоит у него перед глазами. Подобное утверждение находится и в Пс.44:23 [в Синодальном переводе Пс.43:24. – прим. пер.], и в следующем его послании к тем же коринфянам.

Похвалю вашу (через нашу похвалу). Древний перевод гласит «вследствие», но из-за очевидного незнания рукописей. Ибо в греческом слове нет никакой двусмысленности. Итак, здесь присутствует клятва, которой апостол хотел привлечь внимание коринфян, дабы они прилежнее слушали его рассуждение о настоящем предмете. Павел как бы говорит: братия, я не какой-то тайком болтающий философ. Коль скоро я ежедневно иду на смерть, мне необходимо серьезно раздумывать о небесной жизни. Итак, верьте мне, человеку, получившему самую совершенную закалку.

Форма же клятвы здесь необычна и отвечает приводимому апостолом доводу, подобно знаменитой клятве Демосфена, процитированной Фабием, когда он поклялся душами умерших, возжелавших смерти в марафонской битве. Тем самым он хотел воодушевить остальных к защите республики. Так и Павел клянется здесь славою христиан, обладаемой ими во Христе Иисусе. Слава же эта находится на небесах. Значит, то, о чем коринфяне спорили, для апостола, по его же свидетельству, столь несомненно, что он готов даже принести об этом священную клятву. И на этот риторический прием надлежит обратить особое внимание.

32) *По рассуждению человеческому (по человеку).* Апостол приводит замечательный пример своей готовности идти на смерть. Из него явствует: если за смертью нашей не следует жизни, Павел проявил бы полное безумие. Ибо вид смерти, на который он шел, был более, чем бесславен. Зачем, – говорит Павел, – мне было идти на бесславие и жестокую смерть, если бы моя надежда ограничивалась этим миром?

Фраза «по человеку» означает «имея в виду человеческую жизнь», когда награда для нас определенно находится в этом мире.

Со зверями же сражались не те, кого, как ложно думал Эразм, бросали им на съедение, но люди, осужденные на то, чтобы, идя на бой со зверями, ублажать этим зрелищем народ. Итак, имелось два совершенно разных вида наказания: быть брошенным зверям и сражаться со зверями. Ибо те, кого зверям бросали, тут же растерзывались на куски, те же, кто с ними сражался, выходили на арену вооруженными. И если они проявляли силу, отвагу и ловкость, то, одолев этих зверей, они могли избежать смерти. Существовала и школа, в которой, подобно гладиаторам, обучались люди, называемые bestiариями. Но лишь немногие из них избегали смерти, ибо к тем, кто убивал одного зверя, выводили другого, доколе жестокость зрителей не насыщалась и не сменялась милосердием. И все же некоторые опытные и отчаянные люди занимались этим делом профессионально. Скажу попутно, что именно эту профессию и осуждают столь сурово древние каноны, да и гражданские законы клеймят за нее бесславием.

Но возвращаясь к Павлу: мы видим, до чего Бог позволил дойти своему рабу, и сколь чудесно Он его избавил. Впрочем, у Луки вовсе не упоминается об этом сражении со зверями, из чего можно вывести, что Павел претерпел многое, не записанное для памятования потомками.

Станем есть и пить. Это – слова эпикурейцев, находивших высшее благо человека в земных наслаждениях. По свидетельству Исаии (22:13) так же говорили и совершенно пропащие люди, которые, когда пророки Божии, желая призвать их к покаянию, грозили им погибелью, принимали угрозы за шутки, становясь еще наглее и предаваясь еще более разнузданному веселью. И дабы еще яснее выказать свою гордыню, они говорили: коль скоро нам надлежит умереть, будем наслаждаться настоящим и не станем мучиться раньше времени пустыми страхами. То же, что некий человек сказал войску: соратники, позавтракаем же с веселием, ибо сегодня обедать мы будем уже в аду, – было увещанием беспрепятственно идти на смерть и никак не относится к настоящей теме. Думаю, что Павел использовал поговорку, распространенную среди погибших и явно порочных людей, или (говоря короче) обычную пословицу эпикурейцев, дабы вывести из нее следующее: если смерть есть полная гибель человека, лучше всего спокойно наслаждаться, доколе нам это позволяет жизнь. Точно такие же фразы порою встречаются у Горация.

33) *Не обманывайтесь ... добрые нравы.* Коль скоро человек больше всего склонен под предлогом исследования впадать в мирские умствования, Павел упреждает эту опасность, увещевая, что злые речи более действенны, чем мы думаем, для осквернения наших умов и порчи наших нравов. Для этого апостол пользуется свидетельством поэта Менандра, коль скоро все, исходящее от Бога, мы можем заимствовать из разных источников. Поскольку всякая добродетель – от Бога, Господь, несомненно, даже в уста нечестивых влагает все, содержащее истинное и спасительное учение. Подробное же рассмотрение этого довода я предпочел бы искать в речи Василия, обращенной к юношам.⁴ Итак, коль скоро Павел знал эту распространенную у греков поговорку, он, дабы быстрее достучаться до слушателей, предпочел воспользоваться ею, а не говорить своими словами. Ведь для него было проще употребить слова, к которым они привыкли. И это знаем и мы по собственному опыту, используя привычные для нас поговорки.

Это положение достойно особо пристального внимания, поскольку сатана, если не может нападать на нас открыто, обманывает нас, побрасывая мысль о том, что вовсе не дурно ради поиска истины затевать любые споры. Павел же, наоборот, заявляет нам, что злых речей надо остерегаться как подмешанного нам яда. Ибо они, незаметно воздействуя на наши души, вскоре опорочивают всю нашу жизнь. Итак, отметим: нет ничего опаснее зло-

---

⁴ Ко внукам

го учения и мирских споров, хоть на йоту уводящих нас от истинной простоты веры. Ибо Павел не напрасно увещевает нас здесь не заблуждаться.

34) *Отрезвитесь, как должно (бдите праведно)*. Поскольку Павел видел, что коринфяне опьянены преувеличенным ощущением безопасности, он хотел стряхнуть с них это оцепенение, но, приведя соответствующую пословицу, также указывает на то, каким образом мы должны бодрствовать. Ибо коринфяне были достаточно внимательны и прозорливы в касающихся их делах, больше того, им, без сомнения, нравилось собственное остроумие. Между тем, там, где надлежало бдеть прежде всего, они проявляли полную беспечность. Поэтому апостол говорит, что бдеть следует праведно, то есть, прилагать свои способности и усердие к добрым и святым делам.

Он приводит и причину этого, говоря, что некоторые из них не знают Бога. Сказать об этом было совершенно необходимо, ибо иначе коринфяне сочли бы предостережение Павла излишним. Они казались себе удивительно мудрыми. Апостол же обличает их в незнании Бога, давая им понять, что они не ведают самого главного. Это увещевание весьма полезно для тех, кто, повсюду порхая, впустую использует свою прозорливость, и, между тем, не замечая того, что у него под ногами, выказывает глупость там, где более всего необходима пронизательность.

К стыду. Подобно тому, как отцы, ругая детей за проступки, тем самым их постыжают, дабы стыдом покрыть стыд. Когда же апостол ранее отрицал, что хочет постыдить коринфян, смысл был следующим: он не хотел враждебно и неприязненно выставлять на обозрение их грехи, подвергая их публичному позору. Но, между тем, было весьма полезным суровее обличить коринфян, поскольку, несмотря на подобное зло, они продолжали себе угождать. Павел же, порицая их за незнание Бога, полностью лишает их какой-либо похвалы.

35. *Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут?* 36. *Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет.* 37. *И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое;* 38. *но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело.* 39. *Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у людей, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц.* 40. *Есть тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных.* 41. *Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды различается в славе.* 42. *Так и воскресение мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении;* 43. *сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе;* 44. *сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное.* 45. *Так и написано: первый человек Адам стал душою живущею; а последний Адам есть дух животворящий.* 46. *Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное.* 47. *Первый человек – из земли, перстный; второй человек – Господь с неба.* 48. *Каков перстный, таковы и перстные; и каков небесный, таковы и небесные.* 49. *И как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного.* 50. *Но то скажу вам, братия, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления.*

(35. Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? И в каком теле придут? 36. Безрассудный! То, что ты сеешь, не оживотворится, если не умрет. 37. И что ты сеешь, сеешь не тело, имеющее родиться, а голое зерно, например, пшеничное или другого какого рода; 38. но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело. 39. Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у людей, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц. 40. Есть тела небесные и тела земные; но иная слава небесных, иная земных. 41. Иная слава солнца, иная слава луны, иная слава звезд; звезда от звезды различается в славе. 42. Так и при воскресении мертвых: 43. сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; 44. сеется тело душевное, восстает тело духовное. Есть тело душевное, есть тело и духовное. 45. Так и

написано: первый человек Адам стал душой живущею; а последний Адам – духом животворящим. 46. Но не духовное прежде, а душевное, потом духовное. 47. Первый человек – из земли, земной; второй человек – Господь с неба. 48. Каков земной, таковы и земные; и каков небесный, таковы и небесные. 49. И как мы носили образ земного, будем носить и образ небесного. 50. Но то скажу вам, братия, что плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия, и тление не наследует нетления.)

35) *Как воскреснут.* Нет ничего более непостижимого для человеческого разума, чем этот артикул веры. Ибо кто кроме одного лишь Бога может нас убедить, что тела, ныне подверженные тлению, когда сгниют, или сгорят в огне, или будут разорваны зверями, восстановятся не только целостными, но и обретут значительно лучшую природу? Неужели разум каждого из нас не отвергает это как нечто баснословное и в наивысшей степени глупое? И Павел, дабы устранить эту видимую нелепость, пользуется антипофорой, то есть, сам становится на место своих противников и приводит в качестве возражения то, что на первый взгляд противоречит учению о воскресении. Ибо этот вопрос задается не от лица исследующего и сомневающегося, а от лица доказывающего от невозможного невероятность того, что говорится о воскресении. Поэтому, отвечая, апостол жестко отбрасывает подобное возражение. Итак, отметим: здесь речь ведется от лица тех, кто высмеивает веру в воскресение под тем предлогом, что последнее совершенно невозможно.

36) *Безрассудный! То, что ты сеешь.* Апостол мог бы возразить, сказав, что непостижимое для нас тем не менее легко для Бога. Поэтому здесь надо судить, не опираясь на свой разум, а воздавая честь дивной и таинственной силе Божией, и верить, что сила эта делает нечто для нас непостижимое. Но апостол пользуется другим доводом. Он учит, что воскресение не только ничем не противоречит природе, но и, напротив, сама природа ежедневно показывает нам его ярчайший образ в созревании плодов. Ибо откуда еще рождаются пожинаемые с земли плоды, если не из гнили? Ведь после сеяния зерно не даст никаких всходов, если не умрет. Значит, коль скоро тление – начало и причина рождения, мы видим в нем некий образ воскресения. Из этого следует: мы весьма злобны и неблагоприятны в своей оценке Божией силы, если отказываем ей в том, что видим своими глазами.

37) *Не тело будущее (не тело, имеющее родиться).* В этом сравнении – две части. Первая: не удивительно, если тела воскресают из гнили, когда то же самое происходит и при посеве. Вторая: это не противоречит разуму, если наши тела обновятся, обретя какое-то новое качество. Ведь из одного голого зерна Бог производит столько колосьев, облеченных в чудные одеяния и несущих сочные, паче прежнего, зерна! Но поскольку, говоря таким образом, Павел показался бы намекающим на то, что из одного тела воскреснет целое множество, апостол строит свою речь иным образом, утверждая, что Бог дает тело, какое захочет, и давая понять, что и здесь имеет место различие в качестве. Он добавляет, что каждому семени дается собственное тело, и эта фраза уточняет сказанное ранее о другом теле. Ибо апостол отрицает, что тело будет настолько отличным от предыдущего, что не сохранит даже своего вида.

39) *Не всякая плоть и т.д.* Это второе сравнение предназначено для той же цели, что бы ни думали о нем другие толкователи. Павел говорит, что и тело человека, и тела скотов называются словом «плоть», но все же эта плоть совсем не одинакова. Этим он хочет сказать, что субстанция здесь одна, а различие заключается в качествах. Итог таков: любое различие, наблюдаемое нами в каких-либо разных видах, содержит в себе некий намек на воскресение. Ведь этим Бог ясно показывает, что для Него не сложно обновить наши тела, изменив их нынешнее состояние.

41) *Иная слава солнца, иная луны.* Разница имеется не только между небесными и земными телами – даже сами небесные тела обладают совсем не одинаковой славой. Ибо солнце превосходит луну, да и прочие звезды также между собой разнятся. Итак, подобная несхожесть проявляется и в воскресении мертвых. Однако толкователи ошибаются в отно-

шении того, к чему относится данное сравнение. Они думают, будто Павел говорит, что при воскресении у святых будет разная степень славы и достоинства. Это совершенно правильно и подтверждается другими свидетельствами Писания. Но здесь Павел имеет в виду иное. Он рассуждает не о том, каким будет различие между святыми после воскресения, но о том, чем наши нынешние тела отличаются от тех, которые мы воспримем.

Итак, он опровергает обвинение в нелепости следующим доводом: у солнца и луны одна субстанция, но большое различие в достоинстве и величии. Итак, что удивительного в том, если наше тело обретет более возвышенное качество? Апостол как бы говорит: о будущем воскресении я учу лишь тому, что находится у всех перед глазами. И что смысл именно таков, явствует из самого контекста. Ибо с какой бы целью Павел изменил тему беседы, если сейчас он сравнивает измененное состояние одних тел с другими, в то время как раньше сравнивал настоящее состояние всех с их же будущим состоянием и вскоре к этому сравнению вернется?

43) [В Синодальном переводе стих 42. – прим. пер.] *Сеется в тлении*. Чтобы не оставалось никаких сомнений, Павел истолковывает сам себя, объясняя различие между настоящим состоянием и тем, которое последует за воскресением. Но разве речь его была бы последовательной, если бы до этого он проводил различие между степенями будущей славы святых? Итак, нет сомнения, что до сих пор апостол развивал один и тот же довод. Теперь же он возвращается к первому использованному им сравнению и еще больше приспособливает его к своей цели. Или же, если угодно, удерживая это сравнение, он метафорически сопоставляет время настоящей жизни с временем посева, а воскресение – с временем жатвы. Он утверждает, что теперь наше тело подвержено смерти и тлению а тогда станет прославленным и нетленным. В Послании к Филиппийцам (3:21) апостол выражается иначе: Христос преобразит наше уничиженное тело, чтобы уподобить его Собственному прославленному телу.

44) *Сеется тело душевное*. Поскольку Павел не мог подробно изложить все стороны этого различия, он кратко выражает его суть, называя нынешнее тело душевным, а будущее – духовным. Душевным здесь зовется то, что обретает форму от души, а духовным – то, что обретает форму от духа. Сейчас наше тело животворит душа, дабы оно не стало мертвым, уподобившись трупу. Значит, тело это по праву называется душевным. После же воскресения животворящая сила, получаемая телом от духа, будет много превосходнее нынешней.

Но мы всегда должны помнить о том, что было сказано ранее: субстанция тела останется такой же, и речь здесь идет только о качестве. Настоящее качество нашего тела зовется, с целью научения, одушевленностью, а будущее – одухотворенностью. Ведь то, что ныне душа животворит тело, происходит посредством многих промежуточных средств. Мы нуждаемся в питии, пище, одежде, сне и тому подобном. И отсюда доказывается немощь этой одушевленности. Животворящая же сила духа много мощнее, и посему не нуждается ни в чем подобном. Такова подлинная и довольно простая мысль апостола. И никто не должен философствовать здесь более утонченно, блуждая где-то вдали. Подобным образом поступают те, кто думает, будто сама субстанция тела станет духовной, в то время как здесь вовсе не упоминается о субстанции, и не предсказывается будущее ее изменение.

45) *Так и написано*. Чтобы не показалось, будто душевное тело – какое-то новое измышление, апостол цитирует Писание, утверждающее, что Адам стал душою живою. Этим он хочет сказать, что форму его телу давала душа, и в результате этого человек становился живым. Но спрашивается: что означает здесь слово «душа»? Ясно, что термин נפש, который употребил Моисей, понимается по-разному, но в этом месте он означает либо присутствие жизни движение, либо саму природную жизнь. И этот второй смысл нравится мне больше. Ибо я слышу, что о скотах говорится то же самое, то есть, что они стали живою душой. Но поскольку душу каждого животного надо оценивать в соответствии с его ро-

дом, ничто не мешает, чтобы у всех была общая душа, то есть, связанное с жизнью движение, и при этом душе человека было присуще нечто особенное, а именно: бессмертная сущность наряду со светом понимания и разумом.

Последний Адам. В Писании нигде об этом не сказано. Следовательно, слова «так написано» надо относить только к предыдущей части предложения. Итак, сперва приведя библейское свидетельство, апостол начинает теперь от своего лица противопоставлять Христа Адаму. Он как бы говорит: по словам Моисея Адама наделили живой душой. Христос же наделен животворящим духом. Но быть жизнью или ее причиной много больше, чем просто жить.

Впрочем, следует отметить, что и Христос подобно нам стал живою душою, но помимо души в Него был излит Дух Господень, силою Которого Он воскрес из мертвых и воскресил других. И это надо отметить для того, чтобы кто-то не подумал, будто Дух был во Христе вместо души, как некогда считали аполлинаристы. Толкование этого отрывка также можно почерпнуть из 8-й главы Послания к Римлянам, где апостол проповедует о том, что тело наше мертво из-за греха, так что мы носим в себе как бы материю смерти, но в нас обитает и Дух Христов, воскресивший Его из мертвых. А Дух есть жизнь и в свое время воскресит из мертвых даже нас с вами. Отсюда видно: у нас есть живые души постольку, поскольку мы – люди, но по благодати возрождения в нас также излит животворящий Дух Христа. В итоге: Павел хочет сказать следующее: состояние, обретаемое нами через Христа, много превосходнее судьбы первого человека, поскольку Адаму – и лично для него, и для его потомков, – была дана живая душа, а Христос принес нам Дух, Сам являющийся жизнью.

Причина же, по которой апостол называет Христа последним Адамом, состоит в следующем: подобно тому, как через первого человека был создан человеческий род, так и через Христа он был восстановлен. И я сказал бы еще проще. В первом человеке были созданы все люди, поскольку все, что Бог восхотел дать всем, Он дал именно ему, дабы в лице Адама установилось определенное состояние человеческой природы. Адам же падением своим погубил себя и своих, поскольку всех увлек вместе с собой в одинаковую погибель. Затем пришел Христос, Который, восставив нашу природу из гибели, возвратил ее в лучшее состояние. Итак, у человеческого рода имеются как бы два начала, или два корня. Поэтому вполне заслуженно один из них зовется первым, а другой – последним Адамом.

Но сказанное ничем не помогает тем безумцам, которые из каждого человека делают Христа, словно были и всегда существовали только два человека, а видимое нами множество людей – всего лишь обманчивое зрелище. Ведь похожее сравнение проводится и в Рим.5:12.

46) *Но не духовное прежде.* Прежде чем восстановиться во Христе, нам, по словам апостола, необходимо произойти от Адама и быть ему подобными. Посему не удивительно, если начинаемся мы с живущей души. Ибо подобно тому, как по порядку рождение предшествует возрождению, жизнь земная должна предшествовать воскресению из мертвых.

47) *Первый человек – из земли.* Душевная жизнь предшествует, так что земной человек является первым. За ней следует жизнь духовная, подобно тому, как Христос, Небесный Человек, последует Адаму. Этим местом злоупотребляли манихеи, желая доказать, что тело в утробу девы Христос принес с неба. Но они ложно полагают, будто Павел говорит здесь о субстанции тела, в то время как он рассуждает скорее о его состоянии и качестве. Итак, хотя первый человек и обладал бессмертной душой, ни в коем случае не взятой от земли, он все же мыслит по-земному. Ведь именно из земли происходило его тело, в которое его облачили, давая жизнь. Христос же принес нам с неба животворящий Дух, Которым возрождает нас к лучшей жизни, превосходящей все земное. Наконец, от Адама мы получили дар жить в этом мире, будучи как бы ветвями от его корня, а Христос для нас – творец и начало жизни небесной.

Но кто-нибудь возразит: Адам зовется происходящим от земли, а Христос – происходящим с неба. Такое сравнение по природе своей требует, чтобы Христос имел тело с неба, подобно тому, как тело Адама было образовано из земли, или же чтобы душа Адама происходила из земли, а душа Христова спускалась с неба. Отвечаю: Павел не сопоставляет друг с другом отдельные части сравнения столь утонченно и детально (ибо в этом не было никакой нужды), но, рассуждая о природе Адама и Христа, попутно затрагивает сотворение Адама, говоря, что тот создан из земли; и, одновременно, для восхваления силы Христовой зовет Его Сыном Божиим, спустившимся к нам с небес, и потому обладающим небесной силой и природой. Таков простой смысл апостольских слов. Хитроумие же манихеев носит чисто клеветнический характер.

Но остается ответить еще на один вопрос. Ведь Христос, покуда пребывал в этом мире, жил одинаковой с нами, и поэтому, земной жизнью. Значит, не уместно противопоставлять Его Адаму. Так вот, разрешение этого вопроса одновременно поможет нам опровергнуть измышление манихеев. Мы знаем, что тело Христово было подвержено смерти, и (как говорят) не по природному свойству, а только по провидению Божию было избавлено от тления. Значит Христос был земным не только в отношении природы Своего тела, но и, временно, в отношении Своего состояния. Ведь прежде, чем сила Христова проявила себя в даровании небесной жизни, Христу надлежало умереть из-за немощи Собственной плоти. И эта небесная жизнь впервые явится нам в воскресении, дабы оживотворить также и нас.

49) *И как мы носили образ.* Некоторые думают, что здесь содержится увещание к благочестивой и святой жизни, и что Павел с этой целью несколько отклонился от основной темы. Поэтому будущее время глагола они истолковывают как призыв. Больше того, в некоторых греческих кодексах читается **φορέσωμεν**. Но поскольку подобный смысл подходит мало, будем следовать тому, что больше соответствует и намерению апостола, и контексту его слов. Во-первых, отметим: здесь имеется не увещание, а чистое учение. И речь идет не об обновлении жизни, но, как и раньше, о воскресении плоти. Поэтому смысл следующий: подобно тому, как предшествующая в нас душевная природа была образом Адама, так и в небесной природе мы станем подобными Христу. И это будет последним шагом в нашем восстановлении. Ибо уже теперь мы начали носить образ Христов, и день ото дня все больше в него преображаемся. Но образ этот заключается в духовном возрождении. Во время же воскресения он восстановится полностью, как в теле, так и в душе. Начатое здесь получит завершение, и мы на деле обретем то, на что надеемся здесь.

Если же кому-то понравится другое чтение, то здесь будет присутствовать упрек коринфянам. Ведь, если бы они серьезно размышляли о благочестии и обновлении жизни, в них непременно вспылала бы надежда на небесную славу.

50) *Но то скажу.* Эта фраза указывает на то, что следующая за ней будет истолкованием сказанного выше. Апостол как бы говорит: сказанное мною о несении образа небесного Адама имеет следующий смысл: мы должны обновиться в телах, поскольку наши тела, будучи подвержены тлению, не могут наследовать нетленное Царство Божие. Итак, вход в Царство Христово откроется нам лишь тогда, когда Христос воссоздаст в нас Собственный образ.

Впрочем, плоть и кровь разумей здесь такими, какие имеются в настоящем состоянии. Ибо наша плоть также причастится славы Божией, но будучи обновленной и оживотворенной Христовым Духом.

51. *Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся* 52. *вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся.* 53. *Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие.* 54. *Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою.* 55. *Смерть!*

где твое жало? ад! где твоя победа? 56. Жало же смерти – грех; а сила греха – закон. 57. Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом! 58. Итак, братия мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом.

(51. Вот, говорю вам тайну: не все мы заснем, но все изменимся 52. вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо труба зазвучит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. 53. Ибо тленному сему надлежит облечься в бессмертие. 54. Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. 55. Где, смерть, твое жало? Где, ад, твоя победа? 56. Жало же смерти – грех; а сила греха – закон. 57. Но благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом! 58. Итак, братия мои возлюбленные, будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен в Господе.)

До сих пор апостол рассматривал два вопроса: во-первых, он доказывал, что будет воскресение мертвых, а, во-вторых, показывал, каким оно будет. Теперь же он приступает к более детальному описанию способа воскресения, называя его *тайной*, которую ни одно Божие речение не объясняло еще достаточно ясно. Из этого и черпало силы нечестивое учение, дававшее право говорить о воскресении предположительно и самоуверенно, словно оно – не столь уж трудная для разумения вещь. Поэтому апостол словом «тайна» призывает слушателей понять: воскресение не только еще им неизвестно, но и должно считаться одной из небесных тайн Божиих.

51) *Не все мы умрем (заснем)*. Греческие кодексы здесь не разногласят, но латинские содержат три различных чтения. Первое: все мы умрем, но не все изменимся. Второе: все мы воскреснем, но не все изменимся. Третье: не все мы заснем, но все изменимся. Думаю, что это разночтение происходит оттого, что некоторые не сильно остроумные читатели, соблазнившись правильным чтением, дерзнули заменить его другим, более им приятным. Ибо, на первый взгляд, кажется абсурдным, что не все умрут. Ведь в другом месте (Евр.9:27) говорится, что всем людям надлежит умереть. Итак, смысл был изменен: не всем предстоит изменение, хотя все умрут и воскреснут. И изменение толкуется здесь как слава, которой достигнут одни лишь дети Божии. Однако подлинное чтение можно установить из контекста речи.

Намерение Павла состояло в следующем: объяснить сказанное ранее о том, что все мы уподобимся Христу. Ибо плоть и кровь не могут наследовать Царство Божие. Но здесь возникал вопрос: что же произойдет с теми, кого последний день Господень застанет в живых? И апостол отвечает: даже если не все умрут, все, однако же, обновятся, дабы смертность и тление полностью упразднились. Отметим, что здесь Павел говорит только о верующих. Хотя воскресение нечестивых также будет представлять из себя изменение, все же, поскольку в контексте о них не упоминается, отнесем сказанное к одним лишь избранным. Теперь мы видим, сколь хорошо согласуется это предложение с предыдущим. Ведь, ранее сказав о том, что мы будем носить образ Христов, апостол объявляет теперь, что это произойдет лишь тогда, когда мы обновимся, дабы смертность наша была поглощена жизнью. И этому обновлению вовсе не мешает то, что пришествие Христово застигнет некоторых еще живыми.

Теперь нам предстоит разрешить еще одну проблему, поскольку сказано, что всем надлежит умереть. Однако сделать это весьма легко следующим образом: коль скоро изменение не может произойти без упразднения предшествующей природы, оно заслуженно считается некоторым видом смерти. И все же, поскольку изменение это состоит не в отделении души от тела, его нельзя разуметь как обычную смерть. Итак, смерть произойдет, поскольку погибнет тленная природа. Но не будет успения, поскольку душа не покинет тела, и произойдет внезапный переход от тленной природы к блаженному бессмертию.

52) *Вдруг*. И это сказано вполне обобщенно, то есть, относится ко всем без исключения. Ведь изменение будет во всех мгновенным и внезапным, поскольку внезапным будет пришествие Христово. Внезапность эту также подчеркивает следующая фраза: во *мгновение* или *смыкание ока*, ибо у греков здесь имеются два чтения: *ρότι* и *ρίτι*, хотя на смысл это никак не влияет. Павел говорит здесь о самом быстром телесном движении. Ведь нет ничего подвижнее наших очей. Хотя одновременно здесь содержится намек и на усение, которому противопоставлено моргание глазами.

При последней трубе. Хотя повторение фразы, кажется, подтверждает буквальный смысл слова «труба», мне больше нравится думать о метафорическом его значении. В Послании к Фессалоникийцам, 4:16, Павел соединяет глас архангела с трубой Божией. Итак, подобно тому, как звуком трубы император созывает войско к сражению, так и Христос призывает всех умерших посредством звучного оповещения, которое услышит весь мир. Моисей рассказывает нам о том, в сколь звучной обстановке проходило обнародование закона. Тогда же звуки будут еще громче, поскольку не один лишь народ, но и весь мир надо будет призвать на суд Божий. Призванию будут подлежать не только живые, но и мертвые из своих могил. Больше того, приказ должны услышать даже иссохшие кости и истлевший прах, дабы, приняв прежнюю форму и заново обретя дух, люди тут же предстали живыми перед лицом Христовым.

Мертвые воскреснут. То, что обобщенно говорилось обо всех, апостол излагает теперь отдельно в отношении живых и умерших. Итак, это разграничение есть не что иное, как истолкование положения: не все умрут, но все изменятся. По словам апостола, те, кто будет к тому времени мертвым, воскреснут нетленными; а это и есть изменение умерших. Те же, кто останется и живых, изменятся также. Так что теперь ты знаешь и о тех, и о других. Поэтому ясно: изменение будет общим для всех, а усение таким не будет.

Когда же апостол говорит «все мы изменимся», он включает себя в число тех, кто доживет до Христова пришествия. Поскольку тогда уже настали последние времена, святые ежедневно ждали тогда дня Христова. Хотя в Послании к Фессалоникийцам Павел изрек достопамятное пророчество о будущем рассеянии Церкви до пришествия Христова, это вовсе не мешает апостолу говорить коринфянам о нем, как о чем-то настоящем, и соединять их и себя с теми, кого это пришествие застанет в живых.

53) *Ибо тленному сему надлежит*. Вот каким образом мы победим в Царстве Божием, как телом, так и душой. И однако же плоть и кровь не могут наследовать Царства Божия, ибо прежде будут избавлены от тления. Итак, наша природа, будучи ныне тленной и смертной, не способна вместить Божие Царство, но достигнет его лишь тогда, когда совлечется тления и облечется в нетление. И это место ясно подтверждает, что мы воскреснем в той же самой плоти, которую носим теперь. Апостол же приписывает ей новое качество, уподобляемое одежде. Если бы он сказал: тленному сему надлежит обновиться, – то не столь прямо и действительно отверг бы заблуждение фанатиков, воображающих, что людей одарят новыми телами. Ныне же, возвещая, что тленному сему предстоит облечься в славу, апостол не оставляет места ни для какой увертки.

54) *Тогда сбудется слово*. Здесь имеется не только *ἐπεξέρχασθαι*, но подтверждение предыдущего предложения. Ибо тому, что предсказано пророками, надлежит исполниться. Но пророчество это исполнится не раньше, чем наши тела, отложив тленность, воспримут нетление. Итак, это последнее событие также является необходимым.

«Сбываться» означает здесь «окончательно исполняться». Ибо сейчас в нас уже начало и ежедневно продолжает исполняться слово, процитированное Павлом, но окончательное исполнение его произойдет только в последний день.

Далее, не вполне ясно, откуда именно взял Павел это свидетельство, ибо в писаниях пророков встречается много подобного рода фраз. Хотя весьма вероятно, что первую часть

предложения апостол заимствовал из Ис.25:8, где сказано, что Господь навечно уничтожит смерть, или же (к чему больше склоняются почти все толкователи) из Ос.13:14, где пророк, оплакивая упорную греховность Израиля, жалуется на то, что тот уподобился недоношенному ребенку, сопротивляющемуся потугам рождающей матери и не желающему выходить наружу. Отсюда он заключает: лишь сам Израиль виноват в том, что его не избавили от смерти. От власти ада, – говорит Господь у пророка, – искуплю их, у смерти исхищу их.

Не столь уж важно, читать ли эти слова в будущем времени изъявительного наклонения или в наклонении сослагательном. Ибо и в том, и в другом случае смысл окажется таким: Бог готов даровать им спасение, если эти люди сами позволят им благотворить. Поэтому вина за их гибель полностью ложится на них самих.

Затем Господь добавляет: буду гибелью твоей, смерть; изничтожением твоим, ад. Этими словами Бог хочет сказать, что тогда Он, наконец, спасет Своих верных, обратив в ничто и смерть, и преисподнюю. Ведь никто не будет отрицать, что здесь описывается полностью завершённое спасение. Поскольку же мы пока не наблюдаем подобную гибель смерти, отсюда следует, что мы еще не обладаем полным спасением, обещанным Богом Своему народу. И посему спасение это откладывается до наступления означенного дня. Итак, смерть тогда поглотится, то есть, обратится в ничто, и наша победа над ней станет полной и очевидной.

Что же касается второй части, где апостол обрушивается на смерть и ад, то не ясно, говорит ли он от себя, или также цитирует какого-нибудь пророка. Ибо там, где мы переводим: буду гибелью твоей, смерть, изничтожением твоим, ад, – греки перевели так: где действие твое, смерть, где жало твое, ад? Хотя ошибка греков и извинительна из-за близости означенных слов, но если кто-то тщательно обдумает контекст, то увидит, что они далеко отошли от мысли пророка. Итак, подлинный смысл в том, что Господь разрушит смерть и преисподнюю.

Однако вполне может быть, и в этом нет ничего глупого, что Павел ссылается здесь на греческий перевод вследствие общепринятости последнего. Хотя и его он приводит не дословно. Ибо вместо слова «победа» стоит «действие», или «причина». Я же думаю следующее: апостол не хотел здесь явно цитировать пророка, дабы не злоупотреблять авторитетом последнего. Он лишь попутно приспособливает к своей цели общепринятое и весьма благочестивое положение. Главное здесь в том, чтобы мы поняли: Павел посредством этого пламенного восклицания воодушевляет коринфян, как бы показывая им воочию будущее воскресение. Хотя наши очи еще не лицезреют победы, день триумфа еще не настал, и, больше того, ежедневно приходится вступать в сражение, все это, как вскоре будет сказано, никак не ослабляет уверенность нашего упования.

56) *Жало же смерти – грех.* То есть, кроме греха у смерти нет никакого острия, которым она могла бы нас ранить. Ведь смерть происходит от гнева Божия. А Бог гневается только из-за грехов. Поэтому, если убрать грех, одновременно исчезнет и вред, причиняемый смертью. То же самое по смыслу апостол говорит в Рим.6:23: плата за грех – смерть. Но здесь он пользуется иной метафорой. Он сравнивает грех с единственным жалом, которым вооружается смерть для нанесения нам смертельного укола. По устранении его смерть разоружена и больше не может вредить. И Павел вскоре пояснит, зачем он про это сказал.

Сила греха – закон. Именно закон Божий дает этому жалю умерщвляющую силу. Ведь он не только показывает нам нашу вину, но и усиливает ее. Более ясное истолкование этой фразы надо искать в Рим.7:9, где Павел утверждает, что мы живем, доколе лишены закона. Мы продолжаем думать о себе хорошо и не чувствуем свое несчастье, доколе закон не призовет нас на Божий суд и не ранит нашу совесть ощущением вечной смерти. Кроме того, грех в некотором смысле дремлет, но потом воспламеняется законом и бесчинствует еще яростнее. Между тем апостол защищает закон от клеветы, ибо он святой, праведный и

добрый, сам по себе не порождает греха и не является причиной смерти. Посему апостол заключает: все зло надо приписывать нам, поскольку оно с очевидностью проистекает из нашей собственной порочности. Итак, закон вредит нам лишь случайно. Главная причина гибели в нас самих, закон же производит в нас Божий суд. Вместе с тем, апостол не отрицает, что грех причиняет смерть даже тем, кто не знает закона. Но в них он осуществляет свою тиранию не столь яростно. Ведь закон пришел и для того, чтобы изобиловал грех, и для того, чтобы согрешающий стал еще виновнее.

57) *Но благодарение Богу.* Отсюда явствует, зачем апостол, ведя речь о смерти, упомянул о грехе и законе. У смерти нет жала для нападения, кроме греха, и этому жалу закон придает смертоносную силу. Христос же победил грех и, победив его, обрел для нас победу и искупил от проклятия закона. Отсюда следует, что мы больше не находимся под властью смерти. И хотя все эти блага нам еще не явлены полностью, нам можно спокойно хвалиться ими уже сейчас. Ведь в членах неизбежно исполнится то же самое, что уже исполнилось в их Главе. Нам позволено бранить смерть, как уже побежденную, поскольку Христос является нашей победой.

И апостол, говоря, что *нам дарована победа*, понимает, во-первых, что Христос в своем лице упразднил грех, удовлетворил закону, снял проклятие, утишил Божий гнев и обрел жизнь, а, во-вторых, что Он начал делать нас причастниками всех этих благ. И даже если нас окружают еще остатки греха, грех все же в нас не властвует. Хотя он еще колет нас, но уже не смертельно, поскольку жало его притуплено, не доставая, так сказать, до жизненного центра души. Хотя закон еще угрожает нам, с другой стороны у нас имеется обретенная Христом свобода, утишающая порождаемый им страх. Хотя в нас еще обитают остатки плоти, дух, воскресивший Христа из мертвых, есть жизнь ради праведности. Затем следует вывод из вышесказанного.

58) *Итак, братия мои.* Сочтя, что вполне достаточно доказал достоверность воскресения, апостол заключает свою речь увещанием. И это придает его словам еще большую пылкость, чем в том случае, если бы они заканчивались каким-нибудь утверждением. Поскольку труд ваш, – говорит апостол, – не тщетен в Господе, будьте тверды и преуспевайте в добрых делах. Труд же он назвал не тщетным потому, что у Господа уготована для него награда. И эта единственная надежда, во-первых, воодушевляет верующих, и, во-вторых, не позволяет им ослабнуть в пути. Посему апостол велит им быть непоколебимыми, ибо они опираются на твердый фундамент, зная, что лучшая жизнь уготована им на небесах.

Апостол добавляет: «преуспевайте в деле Господнем». Ведь надежда на воскресение не позволяет нам устать в доброделании, как говорится и в Кол.1:10. Ибо кто посреди стольких постоянно встречающихся препятствий не падет духом и не собьется с пути, если, помышляя о лучшей жизни, не соблюдется таким образом в страхе Божиим? И наоборот, по устранении надежды на воскресение словно в результате разрушения фундамента падает все здание благочестия. Действительно, убери надежду на награду и угаси ее, и тогда наш бег не только замедлится, но и совсем прекратится.

Глава 16

1. При сборе же для святых поступайте так, как я установил в церквах Галатийских. 2. В первый день недели каждый из вас пусть отлагает у себя и берегает, сколько позволит ему состояние, чтобы не делать сборов, когда я приду. 3. Когда же приду, то, которых вы изберете, тех отправлю с письмами, для доставления вашего подаяния в Иерусалим. 4. А если прилично будет и мне отправиться, то они со мной пойдут. 5. Я приду к вам, когда пройду Македонию; ибо я иду через Македонию. 6. У вас же, может быть, поживу, или и перезимую, чтобы вы меня проводили, куда пойду. 7. Ибо я не хочу видеться с вами теперь мимоходом, а надеюсь пробыть у вас несколько времени, если Господь позволит.

(1. Кстати, о сборе для святых, как я установил в церквах Галатийских, так и вы делайте. 2. В одну из суббот каждый из вас пусть отлагает у себя, сберегая то, в чем преуспел, чтобы не делать сборов, когда я приду. 3. Когда же приду, то, которых вы одобрите через письма, тех отправлю для доставления вашего подаяния в Иерусалим. 4. А если прилично будет и мне отправиться, то они со мной пойдут. 5. Я приду к вам, когда пройду Македонию; ибо я собираюсь идти через Македонию. 6. У вас же, может быть, проживу, или и перезимую, чтобы вы меня проводили, куда пойду. 7. Ибо я не хочу видеться с вами теперь мимоходом, а надеюсь пробыть у вас несколько времени, если Господь позволит.)

1) При сборе (Кстати, о сборе) и т.д. Лука сообщает (Деян.11:28), что пророчество Агава, предсказавшего грядущий голод при Кесаре Клавдии, дало повод святым собирать пожертвования для помощи братьям в Иерусалиме. Хотя пророк возвестил, что подобное зло обрушится на всю вселенную, коль скоро иерусалимляне испытывали большую нужду, и церкви из язычников, если не хотели быть повинными в великой неблагодарности, должны были помогать городу, от которого приняли Евангелие, вышло так, что все члены этих церквей, забыв о себе, думали лишь об облегчении участи Иерусалима. То же, что в Иерусалиме царила тогда великая бедность, явствует из Послания к Галатам (2:10), в котором Павел сообщает: апостолы поручили ему дело побудить язычников к оказанию помощи. Но апостолы никогда не дали бы подобного поручения, если бы их не вынуждала необходимость. Далее, это место подтверждает истинность того, о чем Павел говорил в Послании к Галатам: он увещевал язычников придти на помощь в столь великой нужде. Впрочем, теперь он предписывает также и способ оказания помощи. И дабы коринфяне согласились быстрее, упоминает о том, что уже заповедал все это галатийским церквям. Ибо пример других должен побуждать нас еще сильнее, так как по природе мы избегаем делать то, чего не делают другие. Затем следует описание способа, с помощью которого апостол хотел устранить все промедления и препятствия.

2) В первый день недели (В одну из суббот). Цель апостола состояла в том, чтобы милостыня была приготовлена вовремя. Посему он велит коринфянам не ждать своего прихода. Ведь все, происходящее неожиданно и стихийно, совершается не вполне правильно. Значит, коринфяне должны отложить то, что захотят, и насколько позволят возможности каждого, в день субботний. То есть, в тот день, когда происходили священные собрания.

Златоуст толкует фразу *κατὰ μίαν σαββάτων* – в первую субботу. Но я с ним не согласен. Скорее Павел хотел сказать, чтобы один отлагал в одну субботу, а другой – в другую, и все они в каждую субботу, если захотят. Заповедуя это, апостол, во-первых, имел в виду удобство, а, во-вторых, рассчитывал, что священное собрание, на котором происходит общение святых, воспламенит их сердца.

Также не принимаю я того, что, по словам того же Златоуста, суббота понимается здесь как воскресный день. Более похоже на правду, что апостолы вначале удержали привычный для евреев день недели, а затем, вынужденные бороться с иудейским суевением, отменили его и заменили другим. День же Господень был выбран потому, что воскресение Господне положило конец теням закона. Посему этот день научает нас христианской свободе. Впрочем, из этого отрывка легко выводится, что у верующих всегда был определенный праздничный день для проведения богослужений. И не потому, что почитание Бога тогда пребывало в небрежении, а потому что для общего согласия важно установление конкретного дня для проведения священных собраний, коль скоро их нельзя проводить ежедневно. Ибо то, что Павел в другом месте запрещает различать между днями, следует относить к различению по религиозным причинам, а не по причинам общественного устроения и внешнего порядка.

И сберегает (сберегая). Я предпочел сохранить греческое причастие, поскольку оно, как мне кажется, несет на себе большую эмфазу. Хотя слово *θησαυρίζειν* означает «откладывать», на мой взгляд, апостол хотел научить коринфян следующему: все их пожертвова-

ния святым – наилучшее и самое надежное сокровище. Ведь, если языческому поэту можно было сказать: «богатство, которое отдал, навечно с тобою пребудет», – сколь больше должна эта мысль значить для нас, не зависимых от людской благодарности, но имеющих Бога, Который вместо нищего делает должником Самого Себя и с большими процентами вернет нам некогда все, что мы ради Него пожертвовали? Посему эти слова Павла соответствуют речению Христову: собирайте себе сокровище на небесах, не расхищаемое ворами и не истребляемое молью (Мф.6:19).

Сколько позволит (в чем преуспел). Вместо этой фразы древний переводчик поместил другую: «сколько будет ему угодно». Несомненно, что в заблуждение его ввело сходство между словами. Эразм же перевел: «что будет для него удобным». Но мне не нравятся оба этих варианта, поскольку прямое значение слова несет более подходящий смысл. Ибо апостол имеет в виду благополучное преуспевание в делах. Посему он призывает каждого рассмотреть собственные возможности и как бы говорит: пусть каждый жертвует из своего достатка бедным по мере данного от Бога благословения.

3) *Когда же приду.* Поскольку мы даем с большей готовностью, если знаем, что пожертвованное нами дойдет до адресата, апостол сообщает коринфянам о способе доставки, дабы уверить их в ее абсолютной надежности, а именно: они должны избрать испытанных мужей и поручить им это дело. И если понадобится, апостол предлагает им собственные услуги, что доказывает, как близко принимал он к сердцу это мероприятие.

5) *Когда пройду Македонию.* Общепринятое мнение гласит, что это послание Павел написал в Филиппах. Идущим же отсюда в Коринф по суше предстояло пройти через Македонию, ибо этот город находился в крайнем отдалении напротив эматийских гор. Конечно, вместо того, чтобы идти по суше, Павел мог бы приплыть в Коринф на корабле. Однако апостол хотел посетить македонские церкви, дабы мимоходом утвердить в вере также и их. Таково общепринятое мнение.

Мне же кажется более вероятным, что послание это было написано в Эфесе, ибо немного ниже Павел говорит, что задержится в нем до пятидесятницы. И коринфян он приветствует от имени асийцев, а не филиппийцев. Кроме того, в другом своем послании апостол прямо говорит, что, как только отправил это письмо, тут же пошел в Македонию. И после прохождения Македонии он удалился от Эфеса и приблизился к Ахаии. Посему не сомневаюсь в том, что в момент написания Павел находился в Эфесе. Из него он мог бы отправиться в Ахаию по кратчайшему морскому пути. Посещение же Македонии представляло собой долгий обходной и весьма тягостный путь. Итак, апостол сообщает коринфянам, что поедет к ним не прямо, а через Македонию.

Но одновременно он обещает им весьма много, а именно: что останется у них надолго, выказывая этим свою любовь. Ибо зачем Павлу задерживаться, если не ради заботы об их спасении? Апостол также хочет сказать, сколь твердо уверен в их взаимной любви к нему, считая не подлежащим сомнению, что они проводят его, исполнив собственный долг. И, говоря это, апостол несомненно уповает на их дружбу.

Однако затем Павел делает оговорку: «если Господь позволит», – оговорку, которой святые должны ограничивать все свои замыслы и помышления. Ибо весьма дерзко – планировать и замышлять на будущее множество дел, в то время как даже нынешний миг не находится в нашей власти. Хотя главное в подчинении всех наших планов Богу и Его провидению – внутреннее душевное чувство, нам все же надлежит привыкнуть и к такому способу выражения, дабы всякий раз, когда речь идет о будущем, мы все препоручали воле Божией.

8. *В Ефесе же я пробуду до Пятидесятницы, 9. ибо для меня отверста великая и широкая дверь, и противников много. 10. Если же придет к вам Тимофей, смотрите, чтобы он был у вас безопасен; ибо он делает дело Господне, как и я. 11. Посему никто не пренебре-*

гай его, но проводите его с миром, чтобы он пришел ко мне, ибо я жду его с братьями. 12. А что до брата Аполлоса, я очень просил его, чтобы он с братьями пошел к вам; но он никак не хотел идти ныне, а придет, когда ему будет удобно.

(8. В Ефесе же я пробуду до Пятидесятницы, 9. ибо для меня отверста великая и действенная дверь, и противников много. 10. Если же придет к вам Тимофей, смотрите, чтобы он был у вас безопасен; ибо он делает дело Господне, как и я. 11. Посему пусть никто им не пренебрегает, но проводите его с миром, чтобы он пришел ко мне, ибо я жду его с братьями. 12. А что до брата Аполлоса, я очень просил его, чтобы он с братьями пошел к вам; но у него нет желания идти сейчас, а придет, когда ему будет удобно.)

8) Пробуду. Выше, основываясь на этой фразе, я доказывал, что послание это отослано скорее из Эфеса, нежели из Филипп. Вероятнее всего апостол говорил здесь о месте, в котором тогда находился, а не о том, в которое собирался придти, сделав большой крюк. Кроме того, чтобы проходящий через Македонию достиг Эфеса, ему надо было бы развернуться от уже близкого Коринфа и пересечь море. Итак, апостол предсказывает, что пробудет в Эфесе до пятидесятницы, и указывает на причину задержки, дабы коринфяне не сердились на него из-за долгого ожидания.

Эразм предпочел перевести: «вплоть до пятидесятого дня», но руководствовался глупыми предположениями, а не надежными доводами. Он говорит, что тогда у христиан еще не был установлен празднуемый ныне день пятидесятницы. С этим я согласен. Но Эразм отрицает, что это слово можно отнести к иудейскому празднику, поскольку апостол повсеместно порицает и отвергает суеверное соблюдение дней. Однако я не согласен с тем, что Павел праздновал в Эфесе этот день по суеверным мотивам. Апостол делал это, поскольку тогда собиралось большое количество народа, и он надеялся, что это послужит поводом для распространения Евангелия. Также и, спеша Иерусалим, в качестве причины спешки он указывал на желание придти туда до дня пятидесятницы. И в то время, как цель прочих состояла в принесении жертвы по обряду закона, Павел преследовал иную цель, надеясь, что служение его принесет больше пользы при большом стечении людей. Значит, если Павел просто говорил бы здесь о пятидесяти днях, смысл был бы весьма поверхностный. И коль скоро он говорит τῆν πεντηκοστῆν, его слова можно отнести только к определенному дню. О празднике же пятидесятницы читай в Лев.23:16.

9) Ибо для меня отверста дверь. Апостол приводит две причины, по которым задерживается в Эфесе. Первая: здесь ему дана возможность способствовать продвижению Евангелия. И вторая: из-за множества противников присутствие его весьма необходимо. Он как бы говорит: немного задержавшись здесь, я принесу большую пользу, а если сразу уйду, то сатана, воспользовавшись этим, может сильно навредить.

В первой части он использует довольно распространенную метафору, понимая под словом «дверь» благоприятную возможность. Ибо Господь открыл ему дорогу для проповеди Евангелия. Павел называет эту дверь «великой», поскольку мог принести пользу многим, и «действенной», поскольку Господь благословил его труд и сделал действенным его учение силою Собственного Духа. Итак, мы видим, как этот святой муж везде стремится к славе Христовой, и выбирает место для проповеди, руководствуясь не собственным удобством или пожеланием, а тем, что может принести больше пользы и более плодотворно послужить Господу.

Добавь к этому, что Павел не только не избегал тягот, но и добровольно шел на них, даже если видел, что сражаться предстоит еще отважнее и с большими трудностями. Ибо он остался потому, что имелось множество противников, и чем искуснее он был в сдерживании их напора, тем с большей готовностью и охотой должен был это делать.

10) Если же придет к вам Тимофей. Апостол говорит так, как будто еще не уверен в его приходе. Он расхваливает Тимофея, желая, чтобы тот находился у коринфян в безопасно-

сти. И не потому, что они угрожали его жизни, а потому, что в Коринфе на него непременно обрушилось бы множество врагов Христовых. Итак, апостол хочет, чтобы коринфяне усердно заботились о Тимофее и не позволяли причинить ему какого-либо вреда. И указывает на причину: «ибо он делает дело Господне». Отсюда мы выводим, что Церковь Христова непременно должна заботиться о сохранении жизни служителей. Действительно, справедливо, чтобы обладающий большей благодатью более усердно занимался назиданием верующих. И поэтому его жизнь драгоценнее для нас, нежели жизнь прочих.

Фраза же апостола «как и я» помещена или для подчеркивания достоинств Тимофея, или просто означает сходство в служении, поскольку и тот, и другой работали на ниве Слова.

11) *Посему никто не пренебрегай (пусть никто им не пренебрегает)*. Это – вторая похвала, суть которой сводится к тому, чтобы коринфяне относились к Тимофею без презрения. Вероятно он был еще достаточно юн, а юный возраст вызывает к себе меньшее уважение. Итак, апостол предостерегает коринфян: ничто не должно мешать им заслуженно дорожить верным служителем Христовым. Возможно, под презрением Павел подразумевает здесь не достаточно сильную заботу о жизни Тимофея. Но кажется, что заповедь апостола имеет более широкий смысл, поскольку коринфяне могли бы думать о Тимофее весьма пренебрежительно, если бы прежде не узнали о его добродетелях. Наконец, апостол заповедует проводить Тимофея с миром, то есть, огражденным от всякого вреда. Ибо слово «мир» означает здесь невредимость.

12) *А что до брата Аполлоса*. Аполлос преемствовал Павлу в деле назидания коринфян, поэтому выше в тексте послания апостол приписывал ему роль оросителя. Теперь же он извиняется за то, что Аполлос не придет с остальными, и извиняется для того, чтобы коринфяне не заподозрили, будто Аполлоса задерживает сам Павел. Ведь, чем известнее был им Аполлос, тем больше они к нему были расположены, и у них могло возникнуть предположение, что так произошло намеренно, и Аполлос не придет к ним из-за боязни какого-то соблазна. Действительно, коринфяне могли бы задать вопрос⁵: почему Павел послал к нам этих людей, а не Аполлоса? И апостол отвечает, что это зависело не от него, ибо и он уговаривал Аполлоса, и обещает, что последний придет к ним, когда представится возможность.

13. Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды. 14. Все у вас да будет с любовью. 15. Прошу вас, братия (вы знаете семейство Стефаново, что оно есть начаток Ахаии и что они посвятили себя на служение святым), 16. будьте и вы почтительны к таковым и ко всякому содействующему и трудящемуся. 17. Я рад прибытию Стефана, Фортуната и Ахаика: они восполнили для меня отсутствие ваше, 18. ибо они мой и ваш дух успокоили. Почитайте таковых. 19. Приветствуют вас церкви Асийские; приветствуют вас усердно в Господе Акила и Прискилла с домашнею их церковью. 20. Приветствуют вас все братия. Приветствуйте друг друга святым целованием. 21. Мое, Павлово, приветствие собственноручно. 22. Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема, маран-афа. 23. Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами, 24. и любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь.

(13. Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды. 14. Все у вас да будет в любви. 15. Прошу вас, братия (вы знаете, что семейство Стефаново есть начаток Ахаии, и что они посвятили себя на служение святым), 16. дабы вы были покорны таковым и всем содействующим и трудящимся. 17. Я рад присутствию Стефана, Фортуната и Ахаика: они восполнили для меня недостававшее от вас, 18. ибо они мой и ваш дух успокоили. Признавайте таковых. 19. Приветствуют вас церкви Асийские; приветствуют вас много в Господе Акила и Прискилла с домашнею их церковью. 20. Приветствуют вас все братия. Приветствуйте друг друга святым целованием. 21. Мое приветствие, рукою

---

⁵ Могли бы начать спрашивать

Павловою. 22. Кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет анафема, маран-афа. 23. Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами, 24. и любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь.)

13) *Бодрствуйте*. Краткое, но довольно важное увещание. Апостол велит коринфянам бодрствовать, дабы сатана не застиг их врасплох. Поскольку с сатаною ведется постоянная война, должно иметь место и постоянное бодрствование. Бодрствование же ума заключается в том, что, отрешившись и избавившись от мирских забот, мы размышляем о вещах, относящихся к Богу. Подобно тому, как тело отягощают пьянство и невоздержанность, делая его для всего бесполезным, так и заботы и вожделения мира сего, вялость и самоуверенность, подобны духовному пьянству, одурманивающему разум.

Второе увещание состоит в том, чтобы коринфяне стояли в вере или хранили веру, дабы проявлять стойкость. Ибо вера – фундамент, на который мы опираемся. И способ устояния, несомненно, заключается в том, чтобы люди с твердой верой полагались на Бога.

В-третьих, и это близко к предыдущему, апостол призывает коринфян к мужеству. И поскольку по природе мы слабы, в-четвертых, он велит им укрепляться или собираться с силами. Ведь в месте, переведенном нами: «будьте тверды», Павел использует только одно слово, означающее то же, что и «усиливаться».

14) *Все у вас да будет с любовью (в любви)*. Апостол снова говорит о правиле совершения всех дел, посредством которых мы поддерживаем друг с другом общение. Он хочет, чтобы всеми ими управляла любовь, поскольку коринфяне прежде всего грешили в том, что каждый, пренебрегая другими, думал только о самом себе.

15) *Вы знаете семейство Стефана (что семейство Стефана)*. Из повседневного опыта мы знаем, сколь полезен авторитет тех, кого Бог наделил более выдающимися дарами. Итак, если мы хотим содействовать благоденствию (saluti) Церкви, то всегда должны заботиться о том, чтобы добрым людям воздавалась честь. Советы добрых весьма ценны, так что остальные следуют им и согласны управляться их мудростью. Именно к этому и стремится Павел, увещая коринфян почитать дом Стефана (некоторые кодексы добавляют: и Фортуната). Ведь Бог являет Себя перед нами там, где показывает дары Собственного Духа. Значит, если мы не хотим казаться презирающими Бога, то должны добровольно покоряться всем, кому Бог даровал нечто большее.

И чтобы коринфяне с большей готовностью почитали это семейство⁶ (ибо упоминание другого семейства, кажется, просто добавлением к этому отрывку), апостол напоминает им о том, что оно есть начаток Ахаии. То есть, домашние Стефана были первыми мужчинами⁷ из ахайцев, принявшими Евангелие. И не потому, что предваряющий других во времени всегда лучше, а потому что там, где к первенству добавляется стойкость, заслуженно воздается честь тем, кто своей готовностью уверовать как бы прокладывает путь Евангелию.

Следует отметить, что почетным титулом наделяются здесь те, кто посвятил свое состояние и служение другим верующим. По той же причине апостол немного ниже хвалит Фортуната и Ахайка, дабы каждый ценился тем больше, чем он лучше и чем большую пользу может принести. И в конце, дабы коринфяне охотнее их возлюбили, апостол говорит, что их заместительный труд восполнил недостаток всей коринфской церкви.

19) *С домашнею их церковью*. В том великая похвала, когда одной семье присваивается имя церкви. Вместе с тем, каждое семейство благочестивых должно быть устроено так, чтобы представлять собой церковь. Эразму больше понравился перевод «собрание», но

---

⁶ Эти семейства

⁷ Первыми женщинами, принявшими

это чуждо мысли апостола. Ибо здесь он использует не обычное название произвольного людского собрания, но почтительно говорит о христианском домостроительстве.

То же, что приветствия он посылает от имени Прискиллы и Акилы, подтверждает сказанное мною ранее: послание было написано скорее в Эфесе, нежели в Филиппах. Ибо Лука сообщает, что, когда Павел отправился дальше, эти люди остались за него в Эфесе.

20) *Приветствуйте друг друга целованием святым.* Обычай целования был весьма распространен среди иудеев, что явствует из их писаний. В Греции он также был известен, хотя и не особо распространен. Однако Павел, вероятно, говорит здесь о торжественном поцелуе, которым верующие приветствовали друг друга на священных собраниях. Ведь я легко поверил бы, что, начиная с апостольского века, совершение вечери сопровождалось взаимным целованием, вместо которого у язычников, несколько отвращенных от обычая целовать друг друга, возникло целование блюда. Как бы то ни было, поскольку целование было символом любви, не сомневаюсь, что Павел желал призвать коринфян хранить между собой взаимную приязнь, причем не только в душе и необходимых служениях, но и посредством любого символа, лишь бы он был свят, то есть, не бесстыден и не лжив (хотя слово «святое» может означать и «священное»).

22) *Кто не любит Господа Иисуса.* Послесловие к посланию Павла состоит из трех частей. Апостол молится о ниспослании коринфянам благодати Христовой, свидетельствует о своей к ним любви, и суровейшим образом обрушивается на тех, кто лживо ссылался на имя Господне, не любя Его при этом в душе. Ведь апостол говорит здесь не о внешних людях, откровенно ненавидевших имя христиан, но о притворщиках и лицемерах, смущавших церковь из-за своей алчности и тщеславия. Таковым апостол возвещает анафему, составленную в форме прошения. Не вполне ясно, желает ли он им погибели от Бога, или ненависти и проклятия от верующих, подобно тому, как в Гал.1:8, возвещая анафему извратителям Евангелия, апостол имел в виду не отвержение и осуждение Божие, а презрение с нашей стороны. Я толкую сказанное просто: да погибнут и истребятся все, вносящие в церковь заразу. Действительно, нет ничего опаснее людей, злоупотребляющих благочестивым исповеданием для удовлетворения дурных желаний. И апостол указывает на источник этого зла – отсутствие любви ко Христу. Ведь искренняя и серьезная любовь к Нему не потерпит, чтобы мы создавали братьям преткновения.

Несколько сложнее истолковать сразу же следующую фразу апостола: «маран-афа». Почти все древние соглашались с тем, что она – сирийская по происхождению. Иероним толкует ее как «Господь грядет», другие же – «в пришествии Господнем», или «пока не придет Господь». Но никто из них, на мой взгляд, не понимает, сколь неуместным и детским было бы обращение апостола к грекам на сирийском наречии, если он собирался лишь сказать о будущем пришествии Господнем. Переводящие же фразу как «в пришествие Господне» занимаются гаданием, ибо и в этом случае смысл будет не слишком выразителен. Не правдоподобнее ли предположить, что эта формула была привычна для евреев, когда они кого-то анафематствовали? Ведь апостолы нигде не говорят на неизвестных языках, кроме двух случаев. Первый: они сообщают что-то от чужого лица. Например, слова Иисуса: «Эли, Эли, ламмах сабатани» (lammah sabathani). Или: «Табита куми» (Tabitha cumi). Или: «Эфета» (Epheta). И второй: они используют какое-то общераспространенное слово, как, например: «аминь», «осанна». Итак, посмотрим, не соответствует ли слово «маран-афа» отлучению от Церкви. Буллингер, основываясь на авторитете Теодора Библиандра, учит, что на халдейском наречии (declinatione) «махарамата» (maharamata) означает то же, что и еврейское מָרַן. И это мнение некогда подтвердил передо мною блаженной памяти муж Вольфганг Капито. Да и апостолам вовсе не ново отдельно писать слова, произносимые ими на родном языке, что явствует из вышеприведенных примеров. Итак, Павел, ранее осудив на анафему тех, кто не любит Христа, как бы подвигнутый важностью вопроса, и словно не довольствуясь вышесказанным, добавил обычное для иу-

деев выражение, которое они употребляли при произнесении анафем. Подобно тому, как, сказав на латыни: «я отлучаю тебя», и добавив к этой фразе слово «анафема», я выражу свои эмоции еще ярче.